

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 3 (13). 2003

Содержание

ИСТОРИЯ – СЕГОДНЯ

С. Н. Полторак

Старая Ладога – 1250 лет. А может быть, и больше... 3

ПИСАТЕЛИ О ПЕТЕРБУРГЕ

Н. А. Лейкин

Мои воспоминания. *Продолжение* 5

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Г. И. Ганкина

Жизнь. Музыка. Судьба. Записки профессора Санкт-Петербургской консерватории 8

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ

Д. А. Торкановская

Петербургский ученый Виктор Семенович Торкановский 15

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРОДУ

М. М. Фокин, В. И. Мусаев

Еще раз вдоль Фонтанки. *Окончание* 22

Н. А. Нарышкина

Летний сад – душа Петербурга 27

И. А. Пономарев

Таврический сад 32

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЕМЬЯ

А. Т. Офенгейм

Семья Тарасовых в Петербурге: XVIII – начало XX века 40

В. Е. Павлов

Российская семья – россыпь алмазов 47

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

И. О. Пащинская

Праздники в Луговом и Колонистском парках Петергофа в царствование Николая I 56

С. Н. Полторак

Транспорт в старом Петербурге как следствие петербургского мышления 65

ГОРОД БЛИЗКИЙ И ДАЛЕКИЙ

Н. П. Шуранов

Ленинградский танковый завод в Сибири 70

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

Ю. Р. Савельев

Памятник царю-освободителю для Санкт-Петербурга. К истории конкурсов 1886–1911 годов 73

С. В. Шатуновский, С. В. Коновалова

Бывшая лютеранская церковь Святой Анны 80

СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ

А. И. Федина

Черноморские казаки на Невском проспекте 81

С. Н. Ковалев, В. К. Усанов

Дом военного министра в Санкт-Петербурге 85

Командующие войсками Ленинградского военного округа

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

Михаил Петрович Кирпонос 88

ЕСТЬ МНЕНИЕ

В. Г. Кнорринг

Магия имени 90

КНИГА ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

С. Н. Полторак

О железных дорогах Петербурга и не только о них 91

РЕЦЕНЗИИ

С. Н. Иконникова

Рецензия на книгу Е. Э. Келлер и А. Э. Келлер «Петербург – морская столица России» 92

М. И. Фролов, А. И. Бурлаков

Воинствующая некомпетентность 93

Викторина «Из истории Санкт-Петербурга» (третий тур). Составитель Н. П. Матвеев 99

Сведения об авторах

100

Главный редактор

С. Н. Полторац, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Б. Д. Гальперина, *доктор исторических наук*

Р. Ш. Ганелин, *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН*

Н. К. Гуркина, *доктор исторических наук, профессор*

В. С. Измозик, *доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

А. Н. Кашеваров, *доктор исторических наук, профессор*

Ю. А. Лимонов, *доктор исторических наук, профессор*

В. М. Лурье

Г. В. Михеева, *доктор педагогических наук, профессор*

В. Е. Павлов, *доктор технических наук, профессор*

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, *доктор исторических наук, профессор*

В. Л. Пянкевич, *доктор исторических наук, доцент*

Т. А. Славина, *доктор искусствоведения, профессор*

А. А. Смирнова, *кандидат исторических наук, доцент*

Т. М. Смирнова, *доктор исторических наук, профессор*

Г. Л. Соболев, *доктор исторических наук, профессор*

В. П. Третьяков, *доктор психологических наук, профессор*

С. Б. Ульянова, *кандидат исторических наук, доцент*

А. Н. Чистиков, *кандидат исторических наук*

В. П. Яковлев, *кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель *С. Н. Полторац*

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел. (812) 324-66-13

E-mail: poltorakspb@mail.ru

<http://www.nlr.ru/petersburg/spbhistory/index.html>

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна). Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2003

© Авторы публикаций, 2003

© Издательство «Нестор», 2003

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки – «Санкт-Петербург в 50-е гг. XIX века». Художник О. Т. Авдеев.

На 4-й странице обложки – «Дождливый день в Павловском парке». Художник О. Т. Авдеев.

Старая Ладога — 1250 лет. А может быть, и больше...

С. Н. Полторац

Нынешнее село Старая Ладога, а когда-то — город (да еще какой!) Ладога, находится в 130 километрах от Петербурга. Хотя правильнее было бы сказать: Петербург находится в 130 километрах от Старой Ладоги — древней столицы Русской земли.

Правда, многие ученые, особенно почему-то московские, не любят называть древнюю Ладогу столицей. Она, конечно, не была ею в современном понимании слова. Но то, что Ладога — главный политический, экономический, военный, культурный центр Русской земли рубежа первого и второго тысячелетий — с этим соглашаются почти все ученые.

В 2003 году Старой Ладоге исполняется 1250 лет. Такая дата зарождения города была установлена археологами, что подтверждается и письменными источниками.

Выдающийся российский историк петербуржец А. Н. Кирпичников, участвующий в раскопках в Старой Ладоге и долгие десятилетия руководящий ими, 30 июня 2003 года сказал своим коллегам, что, вполне возможно, Ладога была основана еще раньше, чем принято считать сегодня.

30 июня — 2 июля 2003 года в Старой Ладоге под эгидой ЮНЕСКО прошла международная научно-прак-

Участники конференции направляются к месту раскопок в Старой Ладоге. 30 июня 2003 г. Фото автора

тическая конференция «Ладога и истоки российской государственности и культуры».

На конференцию приехали ученые и специалисты из Брюсселя (Бельгия), Вологды, Йоенсуу (Финляндия), Казани, Липецка, Москвы, Мюнхена (Германия), Петербурга, Пскова, Стокгольма (Швеция), Тронхейма (Норвегия) и ряда городов Ленинградской области.

В ее работе принимали участие губернатор Ленинградской области

В. П. Сердюков, вице-губернатор Ленинградской области Н. И. Пустогин, председатель комитета по культуре Ленинградской области В. Б. Богущ. В первый день работы форума был в Старой Ладоге и директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский.

На конференции было заслушано около 60 докладов, хотя участников было значительно больше.

Почти все участники конференции выступали блестяще. Без сомнения, интеллектуальный потен-

Вид р. Волхова с крепостной стены Старой Ладоги. 2003 г. Фото автора

циал этого форума был очень высок. Особый интерес вызвали выступления на пленарном заседании. Московский профессор Н. М. Рогожин обратил внимание на полиэтничный характер региона, окружавшего Ладогу.

Академик РАН В. В. Седов, давая характеристику племени кривичей, отметил, что они по своему этническому составу были неоднородны, вобрав в себя славян, финн-угров, балтов и, возможно, представителей других этнических общностей.

Особый интерес вызвал доклад заведующего отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, начальника Староладожской археологической экспедиции профессора А. Н. Кирпичникова. Он отметил, что Ладога — это всемирное культурное наследие. Ее культурный слой составляет 12 гектаров, что уникально само по себе. По образному выражению известного археолога, Ладога — серебряный банк Европы IX–X веков, поскольку через нее за то время с Востока прошло несколько миллионов (!) серебряных монет. А. Н. Кирпичников высказал предположение, что могильные курганы варягов вовсе не случайно располагались вдоль берега реки Волхов. Таким образом варяжские воины, проплывая на своих ладьях по реке, имели возможность соблюдать ритуал — отдавать дань уважения ушедшим из жизни предкам.

Говорил Анатолий Николаевич и о той роли, которую сыграла Старая Ладога в отечественной культуре и в начале XX века. Именно коллекция картин новолодожского помещика Томилова, насчитывавшая примерно 3 тысячи полотен, составила основу

Директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский. 2003 г. Фото автора

экспозиции произведений Рембрандта в Эрмитаже.

Но с особой гордостью археолог рассказывал о результатах раскопок в Старой Ладоге в минувшем 2002 году. Удалось обнаружить остатки дома размером 10x16 метров, бывшего более 1000 лет назад своеобразной гостиницей для заморских купцов. На месте этих раскопок было обнаружено около 100 пар женских бус, сделанных из бисера зеленого цвета, а также перстень-печатка, на котором была выгравирована сура из Корана.

Норвежская исследовательница Анне Сталсберг, прекрасно говорящая по-русски, рассказала о раннесредневековых связях Древней Руси и Норвегии. Она сообщила о находках норвежских монет в районе Пскова, о кладах русских монет времен Ярослава Мудрого в Норвегии, что свиде-

тельствовало об активных торговых связях двух государств. Она заметила, что в представлении норвежцев Русь была богатой державой с экзотическими товарами. Норвежские саги повествуют о том, что членам королевской фамилии в периоды политической опалы приходилось искать приюта в Русских землях.

Академик РАН В. Л. Янин сделал ряд интересных предположений. В частности, он высказал гипотезу, что Олега и юного князя Игоря вынудило уйти из Ладоги на юг то обстоятельство, что они оказались со временем значительно ограничены в правах получения доходов от сбора дани.

Одну из главных причин появления славян в Северо-Западном регионе академик видит в том, что в этот район из южной Балтики их потеснили германцы.

Старая Ладога. Церковь Св. Георгия — «Ладожская невеста». 2003 г. Фото автора

Признавая значение Ладоги в отечественной истории, В. Л. Янин все же заметил, что не она, а «Новгород — наш главный шанс узнать наше прошлое».

Участники конференции побывали не месте археологических раскопок в Старой Ладоге, в церкви Святого Георгия, прозванной в народе за ее красоту Волховской невестой, посетили Волховскую ГЭС, встретились с руководителями Волховского района.

Прошедшая конференция — еще один важный шаг к познанию нами своей истории. Знать прошлое Ладоги означает немного приблизиться к пониманию и истории Петербурга. Ведь именно из Ладоги Петр I начал свой военный поход в Приневье, туда, где зародилась столица Российской империи — Петербург.

Старая Ладога. Церковь Св. Дмитрия Солунского. 2003 г. Фото автора

Мои воспоминания*

Н. А. Лейкин

III

Не помню хорошо, но, должно быть, к исходу седьмого года начали меня учить грамоте. За это дело взялась мать. Кубиков с буквами для игры прежде не было, а потому, играя, я не мог ознакомиться с буквами, так что пришлось начинать прямо с азбуки. Делалось это не без некоторой торжественности. Обрядная сторона у нас в семье всегда играла роль. Прежде всего купили азбуку и указку — палочку из кости, которая тогда продавалась в игрушечных магазинах. Азбука была тоненькая, с картинками для каждой буквы: аз, а, ананас; буки, б, барабан; веди, в, волк. Но на фиту составитель не мог придумать какого-либо предмета, и стоял мужик с кувшином, а подпись гласила «Фома с квасом». Начали меня учить 1 ноября, в день Косьмы и Дамиана — патронов всех учащихся, а перед началом учения сводили в церковь и поставили им свечку. Перед полуднем усадили за азбуку. Помню, я плакал. Сестры и братья мои недоумевающе и с сожалением смотрели на меня, оторванным от игр, но их выгнали вон из комнаты.

Замечательно, что события детства я лучше помню, чем события в дни юности и даже зрелых лет. Так и начало моего учения запечатлелось у меня в памяти. Мать сказала мне, что если я буду прилежно учиться, то мне к Рождеству на елку купят театр (картонный театр с опускающимися[ся] и подымающимися[ся] декорациями и актерами на подставках был моей мечтой). Если же буду лениться, то по мне будет ходить розга. И мать торжественно указала на зеркало, из-за которого всегда торчала розга. Учение пошло успешно. Через месяц я уже читал по складам и знал цифры. А 1-го декабря, в день пророка Наума, меня опять повели в церковь, поставили свечку и заставили молиться, чтобы «батюшка пророк Наум навел меня на ум». Через месяц еще я уже читал многосложные склады: «святый-ший», «пра-ви-тель-ствую-

щий», «вы-со-ко-пре-вос-хо-ди-тель-ство», «ар-хан-ге-ло-го-род-ский» и т. п. Одновременно с чтением учили и писать. Сначала я обводил по карандашу пером буквы и цифры, которые писала мать, хотя писала плохо и сама. Затем стал списывать с прописей, сначала в карандашных линейках, а затем по транспаранту. Готовых линованных тетрадей тогда не продавалось, и тетради нужно было лिनовать самим. Линейка была принадлежностью учащегося. Ею часто и наказывали, били по пальцам за плохое письмо. Прописи у меня были всякого рода письма: прямого, косога, готического. Они состояли из изречений вроде следующих: «Ничего не откладывай на завтра, что можешь сделать сегодня». «Что острее меча? Язык злого человека». «Столицу нашу спасает от наводнения множество каналов». Был у меня и транспарант, на котором ничего, кроме черных линеек, не находилось, а между тем внизу была подпись: «Печатать дозволяется. Цензор Оберт».

Когда мать моя бывала занята по хозяйству, в деле учения ее заменяла тетка Ольга, ее сестра, молодая девушка, сама только кое-как научившаяся читать и писать и начавшая это учение 16-ти лет, когда была выкуплена из крепостной зависимости и привезена из деревни. Училась она тоже у моей матери.

Должно быть, я учился хорошо, потому что картонный театр у меня к Рождеству явился. Помню, что я ужасно обрадовался, когда, выйдя из ворот вместе с матерью на прогулку, мог прочесть висевшую на углу Колокольной улицы вывеску «Трактир купца Ротина». Очень радовало меня и то, что я при знакомстве с цифрами мог уже играть в лото, когда старшие члены семьи садились за него.

На следующий год осенью я был отдан для продолжения учения в начальное училище, находившееся на той же улице, где мы жили. Его содержала жена инженерного

офицера Беляева и вместе с мужем своим обучала детей всем предметам, не исключая Закона Божия и танцев. Законоучителя священника или дьякона мы не видели. Учащихся было немного — человек 15. Были мальчики и девочки. Парт не было. Сидели за столами с откидными полами на подставленных ножках. Помню, что полы эти иногда, если дети расшались и отодвинули ножку, падали, с них все летело, и пол заливался чернилами. Нас наказывали: ставили в угол, иногда на колени. Был и дурацкий колпак с ослиными ушами, как наказание, сделанный самим Беляевым. Девочки и мальчики были поделены по разным комнатам, и мы, мальчики, учились в комнате, где за ситцевой занавеской стояли две кровати и спали две старухи, тетки Беляевой. Беляевы были очень бедны, детей не имели, но были обременены престарелыми родственниками. Кроме двух старух, на их попечении был еще сумасшедший брат Беляевой, бывший офицер. Он иногда прибегал в классы в халате с раскрашенным клюквой и жженой пробкой лицом и декламировал монологи из трагедий, но Беляевы тотчас же его выгоняли. Помешан он был на театре. Одна из теток Беляевой, вечно вязавшая чулок, изображала иногда у нас в училище в отсутствие учительницы Беляевой нечто вроде классной дамы и рассказывала нам, что она когда-то имела тысячу душ крестьян и ездила на четверке в карете, но муж ее проиграл все в карты. Прислугой у Беляевых была их крепостная девушка — высокая, рябая, с попорченным оспой глазом. Она ходила всегда босая, в затрапезном платье и часто жаловалась нам, что она живет впроголодь, и выпрашивала у нас себе на булку. Беляев и его жена были буквально красавцы, молодые, свежие, он брюнет, она блондинка. За учебу они брали по 3 рубля в месяц и совсем не делали летних каникул, дабы не лишиться в летние месяцы платы за учение.

* Продолжение. Начало в № 1 (11), 2 (12) за 2003 г.

Беляев отлично рисовал и был превосходным каллиграфом. К поздравлениям, которые заставляли нас, учеников, писать и подавать родителям к Пасхе и Рождеству, он делал сверху замысловатые виньетки пером. За это и мы отблагодарили его. Было принято приходить поздравлять их с праздниками и приносить сладкие кондитерские пироги. Такие же пироги подносили им и в дни их именин. Меня и сестру мою Беляевы учили французскому и немецкому языкам, но были в училище ученики и ученицы, которые от обучения иностранных языков отказывались. Состав учащихся был самый разнообразный. Были дети купцов, ремесленников, духовенства и была даже дочь полицейского хожалого. Судьба так устроила, что у Беляевых учился и сын того купца Ротина, чью вывеску над трактиром я прочел, впервые научившись читать. Этот сын трактирщика Ротина сделался моим школьным приятелем. Он умер недавно.

Вторым школьным приятелем был Саша — сын мелкого кухмистера, проживавшего в одном с нами доме и отпускаявшего с своей кухни кушанье, а иногда устраивавшего свадебные столы и похоронные поминки. Саша был юркий и способный мальчик. По праздникам у нас в приходской церкви он подпевал дьячкам на клиросе, помогал церковным сторожам растапливать в ризнице печку для кадила, убирал по их указанию и тушил огарки из подсвечников, а иногда выносил и свечу в подсвечнике перед Евангелием. Все это мне очень нравилось, и я стремился подражать ему. Так как в церковь меня водили каждый праздник ко всенощной и к обедне, то познакомиться через Сашу мне было очень нетрудно и со сторожами и дьячками, и я также стал подпевать на клиросе и собирать огарки. Певчих тогда при нашей церкви не было, и пела «сборная братия», как тогда называли. Козлил тенором купец-яичник, был бас — приказчик мужа моей тетки, пели братья-фруктовщики Н., мой двоюродный брат Саша Крупенкин, мальчик моих лет, пел посудник Щ. и какой-то безбородый, испитой скопец в длиннополой сибирке с жирно смазанными волосами на голове. Помню, что Щ. хорошо читал часы и Апостола, куда лучше дьячков. Усердствующие прихожане из

купцов ходили и за сбором с кружками по церкви во время богослужений, а кружек, блюдев и кошельков носили тогда куда больше десятка. Впереди всех шел с блюдом приказчик старосты, звонил в колокольчик и расталкивал народ, за ним двигалась вся вереница. На кошельках также были колокольчики. И вот в этой процессии участвовал иногда и я с кошельком или блюдом, и это мне очень нравилось.

Также во время крестных ходов в Пасхальную неделю вокруг церкви я, Саша-кухмистер, как мы его звали, и Саша Крупенкин каждый день носили зажженные свечи перед образами, а иногда и сами образа, если не было на это желающих из взрослых. Держать блюдо с кусочками антидора или святой водой, когда священник кропил богомольцев, подходивших ко кресту, считалось для меня также высшим удовольствием, а когда меня кто-то из наших родственников сводил на колокольню, и я увидел, как там трезвонят, я был на вершине блаженства. Подтягивание на клиросе заставляло меня учить кондаки, тропари и ирмосы, что я и делал по молитвеннику. Два Саши и я, сходясь вместе, даже репетировали перед службами, делая спевку.

Вскоре я так сжился с церковью, что знал всех нищих на паперти, а нищих тогда было такое множество, что они покрывали всю паперть. Были хромые и безрукие отставные солдаты, бабы с ребятими за пазухами, слепые, распевавшие Лазаря, расслабленные, привозимые в колясочках, ныли ребятишки в отряпках, протягивая руки и причитая, стонало множество старух в капорах и с лукошечками для сбора, монахини и сборщицы на церковь с книгами, странники, подвязанные лица в замасленных фуражках с кокардами, которых все звали «чиновниками». Помню, что про одного нищего в синих круглых очках все говорили, что у него есть «капитал», но ему все-таки подавали; про другую старуху нищую рассказывали, что она выдала дочку замуж за иконописца и дала за ней хорошее приданое. Такое скопище теперь можно видеть разве в провинциальных монастырях. Полиция нищих тогда не разгоняла. Это был ее доход. Подавали милостыню почти все, так как благотворительных обществ почти не было. Милостыня

была непременно принадлежностью посещения церкви. Купцы и купчихи являлись в церковь с кожаными кисами, наполненными медными деньгами, и раздавали то за упокой, то за здравие, произнося при каждой подачке по пяти, по шести имен. Многие нищие грубили прихожанам, говорили дерзости, плевались, грозили за малую подачку, но их считали юродивыми, и успех их был еще больший в деле сбора милостыни.

Кроме нищих, около паперти стояли торговцы-разносчики, продававшие дешевые иконы, крестики, ладанки, книжки житий святых, освященные стружки, камешки, деревянное масло в пузырьках. Были и разносчики с квасом, сбитнем, пряниками. И все это раскупалось охотно. У нас говорили, что весь нищий, а также и торговый люд, стоявший у церкви, делился тогда с церковными сторожами, и отец мой и дядя в шутку называли сторожей откупщиками.

Занесу первое мое говенье. К причастию мне сделали новую синюю курточку с бронзовыми пуговицами и сизо-серые брюки. Делал детский портной Аль-ванг, и наши домашние долго потом вздыхали, сколько он с них содрал; это было, впрочем, только один раз. В доме у нас привыкли к экономии, костюмы для детей шили дома сами, суконные вещи всегда непременно из старого, из отцовского, из спорков шуб. Для суконных вещей призывался портной Николай Алексеич (фамилии мы его не знали) — старик в длиннополом сюртуке, седой, с клинистой бородкой и в круглых оловянных очках. Брал он очень дешево и считался очень выгодным портным. Про него говорили, что он был такой искусник, что и из старой шапки ухитрялся сделать жилетку. Снимал он мерку бумажной меркой, которую делал тут же, прося бумажки, и отмечал на ней нарезами. Его всегда просили, чтобы он шил детям платье «на рост», то есть рукава и полы длиннее, чем нужно. Рукава иногда засучали. Делали фантастических костюмов у нас не было никаких. Экономия в доме была во всем. Даже и переделанное из спорков платье носил я один, как старший, а братьям моим почти всегда платье переходило от меня, когда я вырастал из него.

Говели мы всегда всем домом сразу; и для говенья всегда наменивалось новое мелкое серебро, преимущественно пяточки и гривенники, чтобы расхотать в церкви. Исповедывались все у отца настоятеля Владимирской церкви, протоиерея Михаила Малеина, дряхлого старика, совершенно глухого, но все-таки ездившего в Рождество и Пасху славить и взбывавшегося к нам в четвертый этаж. Он венчал отца и мать, крестил меня и других детей. Помню, что первая моя исповедь заключалась в расспросах со стороны священника: чей ты такой, не обманываешь ли родителей, не таскаешь ли украдкой сахар из сахарницы, не оскормился ли, не грубишь ли родителям? Ответов моих он не слышал, да и не интересовался ими. Помню, что, когда я после исповеди положил ему на блюдо блестящий пяточок, он достал его с блюда и, передавая его мне обратно, сказал: «Возьми себе на пряники». А про него говорили, что он был очень скуп, и я помню, что он ходил всегда в потертой, выцветшей лиловой рясе, совсем отрепанной, тогда как другие священники нашего прихода одевались франтовато и вовсю душились розовым маслом.

Прибавлю, что протоиерею Михаилу Малеину в день его ангела всегда посылали от нас сладкий кондитерский пирог. Это было принято у прихожан.

Мать наша была богомольна, молилась дома утром и вечером по молитвеннику, равно, как и тетка ее, моя мать крестная, которую, когда мне минуло лет десять, пришлось за старостью лет взять в дом, и у нас уже стали жить две старухи — мачеха отца и тетка матери. Живя в одной комнате, эти старухи всегда ссорились. Мачеха отца была не совсем в здравом уме и делала много чудачеств. У нее были деньги, до 10 000 рублей, полученные ею по наследству от какого-то родственника, были и бриллиантовые вещи, как ее приданое, но она денег не тратила, вещей никому не давала и держала их в комод, а ключ от комода на кресте. Впоследствии эти деньги у нее выманила обманом ее сестра, привела ее чуть не к окончательному умопомешательству, и она впала в детство. Мачеха отца почти никогда не выходила из дома, и ее чуть не силой водили в церковь

говеть и раза три в год возили в баню. Тетке матери она очень часто делала самые детские озорничества: то и дело гасила «неугасимую» лампаду перед ее образом, умышленно плевала на пол перед тем, как той надо [было] молиться и делать земные поклоны, сажала ей в коробку с зубным порошком тараканов и мух, а также и в молитвенник ее. С этого и начиналась перепалка.

Отец и дядя не были богомольны, но соблюдали все церковные обряды и накануне праздников и в праздники посещали церковь. Ходить накануне воскресенья и праздников в гости и принимать у себя гостей считалось у нас грехом. Впоследствии это стало изменяться, но, когда мы были детьми, было так. Нас, детей, мать заставляла утром, когда мы вставали от сна, и вечером, ложась спать, читать перед образом «Отче наш», «Богородицу», «Верую», поминать на молитве всех членов семьи, и при этом мы делали земные поклоны. Пока мы не знали молитв, мы повторяли их за матерью. Будучи уже мальчиком лет 12–13, я без угрызения совести не мог лечь спать, не прочитав всех этих молитв, хотя бы наскоро, бормотком; кроме того, я молился, чтобы Бог помог мне знать завтра уроки и получить хорошую отметку, причем крестил книгу и клал ее под подушку. Помню, что даже молился, чтобы нашлись потерянные вещи, вроде перочинного ножика, чтобы нашелся наш большой серый кот, которого мы, дети, так любили и который часто пропадал на два-три дня.

Кстати о коте. С самого раннего детства мы жили среди животных. У нас всегда были два-три кота, две-три собаки, и я очень любил их и мальчиком брал кота спать в постель. Кроме того, у нас всегда бывали морские свинки или кролики. Кошек и собак мы все очень любили и даже кормили пришлых бродячих кошек, которые всегда во множестве сидели у нас на черной лестнице, около наших дверей. Их мы называли «нищими» и выносили им подавание.

В детстве, в отрочестве, в юности я всегда имел при себе собаку или кошку, спал с ними, и любовь к этим животным у меня сохранилась и поныне. Будучи ребенком и отправляясь с нянькой гулять в церковную ограду, я всегда захватывал с собой хлеба, чтобы кормить бедных бродячих собак, которые юти-

лись там, получая от резвящихся детей кусочки пряников, покупаемых у разносчиков, расположившихся в ограде.

В Благовещение в этой ограде появлялись продавцы птиц с садками, и богомольцы усердно раскупали этих птиц на выпуск. Выпускал и я на волю таких птичек, выпросив у матери несколько копеек. Помню, когда был ребенком, жила у меня галка, выпавшая из гнезда и привезенная с кладбища, которую я воспитывал, кормя говядиной. Галка эта сделалась ручной, но, вполне окрепши, улетела и не возвратилась, что меня очень огорчило; я долго плакал и на молитве делал земные поклоны, чтобы галка вернулась.

С особенным удовольствием кормил я голубей и воробьев, которые прилетали ко мне на подоконник. Мы, дети, отмечали более смелых воробьев; они носили у нас название знакомых и назывались Кузьма, Матрена и т. п.

Кстати сказать, кормление птиц пятьдесят лет тому назад было связано с благочестием. Почти каждый лавочник занимался этим, вынося поутру из лавки зерна и хлеба для голубей и воробьев, высыпал корм и при этом крестился. Часто можно было видеть лавочников, к которым голуби садились на голову, на плечи. Гнездо птицы, свитое в таком месте, где оно даже мешало, никогда не разорялось взрослыми и считалось благословением Божиим. В радоницу, при поминовении усопших, кормили птиц на кладбищах. Члены нашей семьи возили на кладбище грачам, галкам и воронам даже говядину. Гостиный двор был переполнен голубями. На углах Гостиного двора стояли яды саечников и калачников, выкрикивая «сайки горячи» и прямо всовывая их в руки прохожих. От зазывания покупателей выкрики висели в воздухе, и, невзирая на это, голуби летали над головами саечников, садились к ним на плечи, на лотки с товаром. Голубь считался птицей священной. Отец мой рассказывал, что какой-то англичанин, торговавший внутри Гостиного двора в кладовой, вздумал стрелять там и з духового ружья голубей на жаркое, так ломовые извозчики, всегда стоявшие внутри Гостиного двора, до того этим возмущались, что чуть не убили англичанина, нанеся ему жестокие побои.

Жизнь. Музыка. Судьба

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ*

Проект здания Консерватории (вид сбоку). Арх. Никола. Публикуется впервые

Г. И. Ганкина

Г. И. Ганкина. 2003 г.

Я родилась в 1914 году, но мне не стыдно об этом говорить. Ведь до сих пор я еще работаю со студентами. Они совсем молодые, младше моего внука. С ними я возраста своего не чувствую. А главное, музыка во мне си-

* В подготовке статьи к печати и составлении комментариев принимали участие: Г. В. Митчелл (пианистка, в прошлом доцент, декан фортепианного факультета Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова), А. А. Жхова (пианистка, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова).

Редакция выражает особую благодарность за предоставление фотоматериалов и необходимую информацию директору Музея Санкт-Петербургской консерватории Рахили Соломоновне Томбак.

дит, она не хочет уходить. Вот без нее очень трудно было бы.

...Родилась я в Киеве. Родители мои были не музыканты. Но, когда я подросла немножко, они, видимо, почувствовали, что у меня есть интерес к музыке. И они меня отвели к учителю. Я не помню сейчас его имени. Но родителям сказали, что слух у меня есть и можно заниматься музыкой. Инструмент у нас дома был, и меня стали учить. Я была еще маленькой девочкой.

Позже, когда мне было 10–11 лет, родители меня привели в Киевскую консерваторию. Она находилась в замечательном здании. Потом, после

войны, оно изменилось, а тогда было очень красивое. Мою учительницу звали Розалия Борисовна Круглая. Это я хорошо помню. Много есть вещей, которых я уже не помню, но это помню очень хорошо — свою первую учительницу. И те произведения, которые я в детстве выучила. Если мне сейчас скажут: «Сыграйте “Фантазию-Экспромт” Шопена!» — я могу ночью встать и ее сыграть.

Я ходила к Розалии Борисовне в класс, сидела и слушала, как она там занимается. И она сказала: «Пускай Грунечка ко мне ходит вместе со взрослыми, потому что она слышит

Г. И. Ганкина (справа) с братом и родителями. Мексика. 1929 г.

музыку и может все понимать!» И действительно, я ходила и слушала и с очень большой благодарностью вспоминаю свою учительницу.

В 1928 году мои родители вместе с целой группой родственников поднялись и уехали в Мексику. С нами поехал мой брат Ефим, который не хотел уезжать насовсем, а просто хотел воспользоваться случаем и посмотреть мир. В Киеве оставалась старшая сестра с семьей.

Брат мой был очень деятельным человеком. Когда мы приехали в Мексику, уже начали устанавливаться отношения с Советским Союзом. Как раз когда мы ехали, вместе с нами ехали советские представители, которые должны были налаживать связи между двумя странами. И очень скоро в Мехико появился так называемый Дом СССР. Мы туда, конечно, пошли. И вот там-то мой брат и проявил свои организаторские способности. Он сразу же решил устроить большой концерт. Однажды он пришел домой и спросил: «Груша, ты можешь сыграть что-нибудь? У нас будет концерт в Доме СССР». Я сразу же согласилась. Почему бы не сыграть?

После концерта ко мне подошел молодой человек и спросил по-русски: «Как тебя зовут, девочка?» Я ответила: «Груня». Он улыбнулся и спросил, чем я занимаюсь. И я рассказала ему, что только что приехала с родителями и пока что ничего не делаю. Тогда этот молодой человек (а он был кларнетистом из Польши и тоже эмигрировал в Мексику) сказал, что познакомит меня со своим другом-музыкантом.

Тогда я впервые увидела своего нового учителя — профессора частной музыкальной академии Сальвадора Ордоньеса.

Сейчас Мексика — это развитая и вполне благополучная страна. В конце 20-х годов это была страна бедная, с низким уровнем образования. Но там и тогда была элита. Академия была, конечно, платная, и там могли заниматься только дети состоятельных родителей. Но Ордоньес, когда послушал меня, сказал, что будет учить меня бесплатно. Так началось мое настоящее музыкальное образование.

Академия, организованная Ордоньесом, была центром культуры в Мехико. Там каждую неделю проходили концерты, и кто-нибудь из студентов обязательно играл. Когда приезжали на гастроли музыканты из других стран, все они обязательно выступали в академии. И обязательно потом слушали студентов. Я тоже

Г. И. Ганкина. Мексика. 1930 г.

играла какому-то пианисту. Но, конечно, сначала Ордоньес задавал мне гаммы, этюды, фуги. Только потом я начала играть серьезные вещи. Первая соната, которую я сыграла, была «Соната» Грига.

Когда я уходила на уроки к Ордоньесу, мама была спокойна. Она знала, что раньше, чем через 5 часов, я не приду. Ордоньес занимался со мной очень много. Не только я играла ему. Он мне тоже играл. И мы играли с ним в четыре руки. Кроме того, живя в Киеве, я практически не знала, что такое пластинки с записями классической музыки. А Ордоньес приехал из Берлина и привез очень много замечательных записей.

К Ордоньесу домой приходили все музыканты, которые играли в академии. Однажды приехал пианист из Аргентины и тоже был приглашен к Ордоньесу. В это время я как раз была у него. Мне было тогда 15 лет. Он послушал, как я играю, и сказал, что возьмет меня в жены и сделает мне хорошую карьеру. Сам он был хорошим пианистом, но славился тем, что, мягко говоря, называл своими не свои произведения. Конечно, я только посмеялась над его предложением. Мне совсем не хотелось замуж. Я была увлечена музыкой, занятиями с Ордоньесом, выступлениями. Каждые 10 дней я играла новый концерт!

Так продолжалось 4 года. В Мексике жизнь была, конечно, не очень легкая. Правда, отец работал там по специальности. Он был бухгалтером. Но постепенно уже и там начались проявления антисемитизма. К тому же брат мой, пожив в Мексике, отправился путешествовать по Европе, а потом вернулся в Советский Союз, где жила наша старшая сестра. И родители тоже решили вернуться. В 1932 году мы приехали в Киев. И сразу же почувствовали разницу. Особенно после того, как мы по дороге побывали в Берлине. Родители поняли, что в Германии оставаться нам было нельзя, потому что там уже начинался фашизм. Поэтому мы уехали в СССР. В Берлине мы купили себе какую-то приличную одежду. Поэтому папа приехал в хорошем костюме. В первый же день, выйдя в этом костюме на улицу, папа увидел странные взгляды соседей. Некоторые буквально показывали на него пальцами. Он очень отличался своим обликом от остальных. Придя домой, он попросил маму купить ему какие-нибудь простые штаны и сказал, что больше никогда в костюме не пойдет на улицу. Все наши знакомые были очень удивлены, что мы вернулись. Все нас спрашивали, зачем мы это сделали. В Советском Союзе обстановка становилась все хуже. Но я была молодой девушкой и не очень над этим задумывалась, потому что была занята своими проблемами. Мне надо было учиться. Я отправилась в Москву, где у нас была знакомая, Надежда Михайловна Гольденберг, которая переехала из Киева. Она была музыкальным воспитателем и лично знала Г. Г. Нейгауза¹. Н. М. Гольденберг привела меня к Генриху Густавовичу. Я сыграла ему, но сразу сказала, что учиться хочу в Ленинграде, потому что там у меня были родственники и я могла у них остановиться. Я спросила совета у Нейгауза, к кому мне идти учиться. Он ответил: «Я скажу вам, но меня не выдавайте. Идите только к Марии Юдиной²».

Я приехала в Ленинград и узнала, что Марию Вениаминовну Юдину только что уволили из Консерватории. Все, что я могла, это только ходить на все ее концерты в Филармонии. Что мне делать дальше, я не знала.

Еще в Москве меня познакомили с племянницей композитора С. М. Майкапара³. Она и ее семья отнеслись ко мне очень хорошо. Они посоветовали мне обратиться к профессору Калантаровой⁴, которая преподавала в Ленинградской консерватории.

Ольга Калантаровна Калантарова — ученица и большой друг знаме-

нитой Анны Николаевны Есиповой⁵. Это все, что я знала, когда впервые пришла к ней. Ольга Калантаровна сразу же очаровала меня. Я увидела перед собой статную женщину. Она была в длинной темной юбке и кофточке. Волосы с сединой, но не обильной, были аккуратно заколоты. Она меня послушала и сказала, что я могу поступать в Консерваторию. Но была зима, поэтому нужно было собрать специальную комиссию, чтобы меня прослушать. Ольга Калантаровна пообещала договориться с коллегами, чтобы они собрались и устроили мне экзамен. Это должно было состояться в январе, после Нового года.

Я жила тогда у родственников в Детском Селе. В Ленинград нужно было ехать на поезде. От дома я шла до станции пешком. А мороз был в тот год очень сильный. На мне было пальтишко, купленное в Берлине, и тонкие перчатки. Я пришла на станцию и обнаружила, что рука у меня ничего не чувствует. Оказалось, что я ее отморозила. На поезд я все равно опоздала. Кто-то увидел меня и стал помогать оттирать руку снегом. Боль была ужасная. Рука выглядела страшно. Я нигде не поехала и никакого экзамена сдавать не могла. Хорошо, что, узнав о том, что случилось, Ольга Калантаровна отправила меня к хорошему хирургу. Но для восстановления требовалось много времени, и я уехала в Киев. Осенью я вернулась и сдала экзамен на отлично. Конечно, мне очень помогли занятия с Ордоньесом. Я ничего не боялась. Однажды на первом курсе у меня должен был быть концерт в Малом зале. Я должна была играть сонату Шопена. А у меня были какие-то гости, я их провожала на вокзал и потом пришла прямо в Малый зал, села и сыграла концерт. Запросто! Но это могло быть только в 18 лет..

Началась моя консерваторская жизнь. Жила я сначала в общежитии, недалеко от Консерватории, на Лермонтовском проспекте. Это была просто очень большая квартира, где в комнатах жили студенты. В нашей комнате жили семь человек. Кроме меня были еще две пианистки и четыре певицы. И мы распределяли время — кому когда заниматься. Но в основном мы все время проводили в Консерватории. Все классы тогда закрывались вечером на ключ. Но нянечка на этаже знала, что мне можно дать ключ. Я шла в класс и занималась. Домой шли уже после 11 часов вечера. Шли пешком. Все были очень молодые, и всем было весело и хорошо. Иногда к нам в комнату приходили

мальчишки. Другие девушки ревновали и показывали на часы: «Все! Больше здесь находиться чужим нельзя!»

Кроме занятий в Консерватории были еще уроки с Ольгой Калантаровной у нее дома. Она жила недалеко от Театральной площади, на проспекте Декабристов, в доме № 61, где жил когда-то Александр Блок. После смерти Анны Николаевны Есиповой Ольга Калантаровна осталась жить в ее квар-

А. Н. Есипова и О. К. Калантарова.
1900-е гг.
(Музей Санкт-Петербургской консерватории)

тире. И все там было так, как было, очевидно, при Есиповой. Большой музыкант и педагог, А. Н. Есипова обладала еще одним даром — она была рукодельница необыкновенная. Вся мягкая мебель в ее квартире имела обивку, расшитую ее руками. Это было удивительно красиво — кресла, диван выглядели великолепно. Квартира была большая, но состояла всего из двух комнат: спальни и очень большой гостиной, где стояли два рояля. На стенах висели портреты, которые после смерти Ольги Калантаровны по ее завещанию были переданы Консерватории. Портрет Бетховена и сейчас висит там.

У Ольги Калантаровны была собачка-шпиц, которую она очень любила, и домработница, которая прижила с кем-то ребенка. Ольга Калантаровна его усыновила, обожала и всячески баловала. Он вытворял все что хотел. Все ему позволялось. Когда мы приходили на занятия, то Ольга Калантаровна просила играть потише, потому что мальчик спал в соседней комнате. Через некоторое время от прекрасной мебели Есиповой ничего не осталось. Мальчишка все разорвал, обтрепал, испачкал. И никакого наказания за это не было. Его родная мать продолжала жить

с ними и хозяйничала как хотела. В свое время Ольга Калантаровна была замужем. Мужем ее был один из учеников Есиповой Е. И. Ильин⁶. К сожалению, он рано умер, и детей у них не было. Поэтому всю свою любовь Ольга Калантаровна отдавала приемному сыну. Когда началась война и Консерватория была эвакуирована в Ташкент, Ольга Калантаровна вместе с нами уехала туда. И туда же несколько позже увезли мальчика. После войны они вернулись и продолжили жить в своей квартире, которая сохранилась. Но после смерти Ольги Калантаровны квартира перешла мальчику и его настоящей матери — домработнице. Тогда уж там все изменилось. Многие вещи помимо портретов Ольга Калантаровна завещала Консерватории. Что-то, к сожалению, пропало. Саму квартиру поделили, туда вселились еще какие-то люди, а приемный сын в конце концов спился. Так печально закончилась история с его усыновлением.

Но пока Ольга Калантаровна была жива, ее квартира была местом очень интересных встреч. Все известные музыканты, которые приезжали в Ленинград, навещали Ольгу Калантаровну, потому что все ее очень ценили и уважали. А сама она была при этом удивительно скромной. Она всех с удовольствием принимала. Иногда и мы, студенты, присутствовали на этих встречах. Это было очень интересно. Вообще у нее всегда кто-то был дома. Просто сидели и слушали, как другие играют. Иногда это превращалось в небольшие концерты. Я там слушала С. И. Савшинского⁷, И. С. Миклашевскую⁸.

Ольга Калантаровна была замечательным педагогом. Она очень тщательно занималась звукоизвлечением. Когда сравнивали школу Л. Николаева⁹ и школу Калантаровой, то всегда говорили, что у Николаева все «шпарт» так быстро. У «николаевцев» была очень хорошая техника. Все играли технически как виртуозы.

У Калантаровой все было иначе. Я должна сказать, что так, как звучит рояль у «калантаровцев», он ни у кого не звучит. И сейчас, когда я занимаюсь со своими учениками, я рассказываю им, что Ольга Калантаровна говорила: «Ты знаешь кошечку? У нее такие мягкие лапки. Но если она цапнет своими коготками!.. Так вот, надо так играть на рояле, чтобы проходил насквозь звук...»

В тот год, когда я поступила в Консерваторию, меня направили на шефскую работу куда-то в больницу, где надо было сыграть концерт. Я поехала и сыграла. На следующий день

Ольга Калантаровна меня спросила: «Ты была там?» — «Была». — «Сыграла?» — «Сыграла. Но там был такой плохой инструмент!..»

И Ольга Калантаровна сказала мне то, что я запомнила на всю жизнь и всегда говорю своим студентам: «Имей в виду — плохих инструментов нет. Это ты не умеешь играть...»

Ольга Калантаровна рассказывала нам об Анне Николаевне Есиповой.

Есипова брала произведение, которое она не знала. Она его прослушивала, проигрывала, а потом начинала учить. Каждый день она учила одну только страницу, но так, что завтра она могла пойти и сыграть ее на концерте. Проходило несколько дней, и все произведение было готово.

У Ольги Калантаровны не только дома, но и на уроках в Консерватории всегда сидели люди и слушали. Это было очень ответственно — играть в такой обстановке. Однажды я пошла на урок, чувствуя, что плохо подготовилась. Я очень нервничала, потому что знала, что там будут другие студенты и мне будет стыдно плохо играть. И вот я подошла к классу, и мне говорят: «Знаешь, а Ольга Калантаровна заболела, ее сегодня не будет». Стыдно сказать, но я чуть не заплакала от радости.

Когда я училась в Консерватории, там преподавали кроме Ольги Калантаровны и другие замечательные музыканты. В аспирантуре я занималась у Владимира Владимировича Софроницкого¹⁰. Однажды я пришла раньше и стала разыгрываться в классе. Вдруг кто-то из студентов заглядывает в класс

Г. И. Ганкина около здания Ленинградской консерватории. 1934 г.

А. Н. Есипова
(Музей Санкт-Петербургской консерватории)

и говорит: «Ты знаешь, там пришел Софроницкий, и он тебя слушает!» А я всегда почему-то очень смущалась, когда играла у него, хотя он был очень приятный человек и много помогал мне. Как-то я пришла к нему заниматься, и он мне рассказал такую историю. Он ездил за границу в 1922 году. Был там на гастролях. Его концерты прошли очень успешно. Были очень хорошие отзывы. На одном из концертов он сыграл сонату «По прочтении Данте» Листа. И все очень хвалили. Все говорили, какой он молодец. И кто-то ему сказал: «Вы, наверно, очень глубоко изучили произведения Данте». Тут Софроницкий наклонился ко мне и сказал шепотом: «А я и не читал вообще!» Вот такой был человек. Но с ним было не очень легко. Он совсем иначе слышал музыку. Однажды мы с ним занимались, и я играла ему сонату Шопена, и он мне что-то объяснял и показывал. А буквально на следующий день я включила случайно радио и услышала эту же сонату в его исполнении. Это было совер-

шенно по-другому исполнено. Ему не удалось объяснить то, что он делал с роялем. Он не был прирожденным педагогом.

Как концертмейстер я работала со многими музыкантами. Все они были очень разными.

Ученик знаменитого Л. С. Ауэра¹¹ Юлий Ильич Эйдлин¹² работал со студентами очень хорошо, но сам он концертировал редко, в основном в составе трио или квартета. Но имена его учеников стали известны во всем мире. Среди них М. Вайман¹³, Б. Гутников¹⁴, Э. Камиларов¹⁵. Педагогическая деятельность поглощала Ю. И. Эйдлина целиком. Он уделял внимание не только профессиональным навыкам своих учеников. Он всегда ревностно следил за развитием их личности во всех областях культуры.

Не могу не вспомнить М. М. Белякова¹⁶ — педагога, методиста, человека энциклопедических знаний. Он тоже не играл сам, но у него были ученики. Он был в большей степени тео-

ретиком. Михаил Михайлович во время блокады не уехал с нами в Ташкент. Он оставался в Ленинграде. Когда мы вернулись из эвакуации, мало кто смог узнать его. Он распух от водянки и передвигался с трудом. А до войны это был всегда элегантный подтянутый человек.

А вот Мирон Борисович Полякин¹⁷ приходил на урок всегда со скрипкой. И он ничего не говорил. Он просто играл, и ученики понимали, что нужно делать. Это был замечательный человек. Я гордилась тем, что работала у него. Он был очень остроумный. Бывало, играет какой-нибудь скрипач. Играет очень быстро. А Полякин ему говорит: «Слушай, ты что, стухановец? Куда ты торопишься?»

Однажды он заболел, и мне надо было пойти к нему домой. Он жил в знаменитом «толстовском» доме на улице Рубинштейна. Там у него была роскошная квартира. Когда я пришла, он подвел меня к портрету и сказал: «Вы думаете, я всегда такой был?» И показал на свою лысоватую голову. «Нет. У меня во-он какая шевелюра была!» Он был очень простой человек, но очень «языковатый»... И он был превосходный музыкант. Когда он брал скрипку и играл, я получала удовольствие. Несколько раз мне пришлось с ним играть. Это была большая честь для меня...

Не могу забыть и знаменитого Ивана Васильевича Ершова¹⁸. Он сидел на всех наших экзаменах и концертах. И на моем тоже, конечно. В первом ряду в Малом зале Консерватории всегда было оставлено для него место. Этот замечательный мастер, знаменитый певец, народный артист приходил слушать молодых пианистов.

Мне повезло, потому что я общалась со многими выдающимися музыкантами.

В послевоенные годы фортепианный факультет Ленинградской консерватории переживал свой расцвет. В это время работали люди, которых можно назвать великими музыкантами, артистами, педагогами. Они вошли в историю. Как не вспомнить И. А. Браудо¹⁹ — органиста с мировым именем, Н. И. Голубовскую²⁰ — великолепную пианистку и клавесинистку, превосходного пианиста М. Я. Хальфина²¹. Моисей Яковлевич был настоящим Учителем музыки. Достаточно сказать, что пианист с мировым именем Григорий Соколов²² был его учеником. А В. Х. Разумовская²³ — какая это была удивительно тонкая пианистка! Обаятельная, покорявшая глубиной и заду-

шевностью интерпретации. И, конечно, невозможно не выделить особо Павла Алексеевича Серебрякова²⁴ — выдающегося пианиста, который концертировал почти во всех странах мира. Огромный темперамент и глубокое содержание сочетались в его исполнении с тонким проникновенным интонированием. Едва ли не вся фортепианная музыка была в его поистине огромном репертуаре.

Все эти люди были сами яркими личностями и оставили после себя воспитанников, которые тоже продолжали и продолжают замечательные творческие и педагогические традиции ленинградской фортепианной школы.

Никогда не забуду профессора И. С. Миклашевскую. Во-первых, она была превосходная пианистка. Просто превосходная! И во-вторых, она была элегантна необыкновенно. Но главное, у нее были свои, особенные педагогические взгляды. Она придерживалась анатомо-физиологических принципов в обучении игре на фортепиано. Она хорошо знала анатомию рук и связывала с ней техническое развитие пианиста. Это было очень интересная методика. Она имела последователей как в России, так и в Европе. Но большинство профессоров Консерватории относились к этой теории очень скептически. Например, профессор Н. Е. Перельман²⁵ в присущей ему остроумной манере говорил, что если ему во время обеда будут рассказывать о принципах глотания и пищеварения, то это у него напрочь всякий аппетит отобьет. А Перельман, к слову сказать, был большой гурман. Особенно он любил всякие десерты, мороженое. Он часто приглашал своих студентов выпить чашечку кофе и полакомиться вместе с ним чем-нибудь вкусеньким в ближайшем кафе...

Натан Ефимович Перельман был великим артистом во всем: в исполнительстве, в педагогике, даже в повседневной жизни. Он был тонким изысканным музыкантом-интерпретатором. Он не был масштабным исполнителем. Но в его игре были глубина, изящество, артистизм. Это был музыкант высочайшей культуры. Он написал небольшую книжку. Она называется «В классе рояля». В ней с огромным остроумием в форме афоризмов написано все самое главное об искусстве фортепианной игры. Это бесценная книга для всех пианистов...

Последняя моя встреча с ним была очень грустной. Меня пригласили в дом-музей Римского-Корсакова. Сказали, что будет встреча с Перельма-

ном, которую его ученики устроили в маленьком концертном зале музея. Нас было всего несколько человек гостей. Натан Ефимович сел за рояль, открыл крышку и начал играть. И у него ничего не получилось. Он захлопнул крышку и... все. Через несколько недель его не стало. Ему было 95 лет. Это был человек необыкновенной музыкальной культуры. Мы ходили к нему с моей подружкой и партнершей по фортепианному дуэту Тамарой Самойловной Самойлович²⁶. Нам было очень важно, чтобы такие музыканты, как Перельман, нас послушали.

Огромная часть моей жизни связана с Тамарой Самойлович. Тамара была моя ровесница. Но она не сразу стала музыкантом. Сначала она окончила строительный техникум и даже работала в строительной организации. И только потом она поступила в Консерваторию. Мы стали играть вместе в 1950 году. Мы объездили около сотни разных городов, и я бережно храню все программы и афиши наших концертов. И, конечно, память о Тамаре, которой, к сожалению, уже нет с нами. Где бы мы ни играли, везде нам говорили: «Ну как это вы умудряетесь играть так едино? Все-таки каждая из вас сама по себе музыкант». И действительно, что бы мы ни играли, это звучало так, как будто играет один. Мы были музыкантами разных школ. Тамара училась у Л. В. Николаева, а я — у О. К. Калантаровой. У нас бывали, конечно, споры. Она считала, что надо играть так, а я — иначе. Но мы спорили, играли, потом спокойно шли гулять вместе. Потому что мы не ссорились. Просто у каждой была своя точка зрения. И мы были очень разными по характеру. О нас писали в одной рецензии так: «Темпераментная, острая манера игры Г. Ганкиной и глубокая, эмоционально более сдержанная — Т. Самойлович, органически сплетаясь, не теряют в то же время самобытности и оригинальности индивидуального стиля». Думаю, что это так и было.

Я благодарна судьбе за то, что в моей жизни была Тамара Самойлович и у нас была такая замечательная дружба и такая интересная совместная работа. Раньше в Консерватории на фортепианном факультете не было предмета «фортепианный ансамбль». Мы начали эту практику в форме факультативных занятий со студентами. И только через несколько лет на кафедре камерного ансамбля, на которой я до сих пор работаю, впервые появился предмет «фортепианный дуэт».

**ВЕЧЕР
ФОРТЕПЬЯННОГО
ДУЭТА**

**ГАЛ И Н А
САМОЙЛОВИЧ**

(ЛЕНИНГРАД)

В программе: ВИВАЛЬДИ, БАХ, ШОПЕН, ШУБЕРТ, ЛЯНТ, ДЕН-ОАНО, РАХМАНИНОВ, ШОСТАКОВИЧ, НАПП, ЦЫГОВИЧ

ЕВАНГЕЛИЯ ПРАДАНОВА

Афиша концерта Г. Ганкиной и Т. Самойлович

Произведений для фортепианного дуэта не так много. Нам с Тamarой всегда хотелось сыграть что-нибудь новое. Мы ежегодно обновляли нашу программу. И в каждой нашей новой программе была обязательно какая-нибудь «премьера». Мы были первыми исполнительницами в Ленинграде некоторых произведений Б. Бриттена, А. Копленда, А. Бенджамена. Конечно, исполняли произведения советских композиторов. Играли С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, К. Караева. Мы брали и произведения молодых композиторов. Однажды Тамара сказала мне: «Давай попросим Володю Цыговича. Пусть он напишет для нас». И Володя написал очень хорошую пьесу, которую мы играли и очень любили и даже записали на пластинку. И сейчас мои ученики играют это произведение с удовольствием. Владимир Цыгович вообще очень хороший человек. Я знаю его давно, и мне очень приятно, что на нотах написано его рукой: «Моему любимому педагогу с величайшей благодарностью». Играли мы также произведения А. Бубельникова, Х. Кушнарера и других ленинградских композиторов. Надо сказать, что П. А. Серебряков очень тепло относился к нашему дуэту и высоко ценил нашу работу. Именно по его инициативе мы получили право называться «Фортепианный дуэт Ленинградской консерватории». Павел Алексеевич очень много гастролировал и из каждой поездки привозил нам подарок — ноты новых ансамблевых сочинений. И мы с удовольствием включали эти произведения в свой репертуар.

Дуэту нашему было уже 30 лет, когда не стало Тамары Самойлович. Для меня это была огромная человеческая и творческая потеря. Я стала играть одна, а потом — с моей ученицей Ириной Васильевой.

Все это было в 60-е и 70-е годы. А до этого в моей жизни было много событий. Я окончила аспирантуру, и началась война. Вместе с Консерваторией я уехала в Ташкент и работала там концертмейстером. Еще в Ленинграде я вышла замуж, а в Ташкенте у нас родилась дочь. После войны я вернулась в Ленинград с дочкой и с мамой. Муж еще оставался в Ташкенте. Квартиры нашей, в которой мы жили с мужем, уже не было. Нас троих поселили на пятом этаже Консерватории, в маленькой комнатке. Там мы прожили несколько лет. Жизнь была, как и у всех в то время, трудная. Единственное, что было хорошо, это то, что можно было просто спуститься по лестнице и заниматься. А потом мне даже удалось добиться, чтобы мне поставили в комнату рояль. Я преподавала в Музыкальной школе-десятилетке при Консерватории, в Музыкальном училище и в Консерватории. Дочка моя росла, я работала, но однажды меня вызвали на комиссию и сказали: «У нас сокращение штатов, и мы вас будем сокращать...» Еще в Ташкенте я вступила в партию. Поэтому я сразу же пошла к секретарю парторганизации и спросила, в чем дело. Ведь по закону меня нельзя было уволить, потому что у меня на руках был маленький ребенок. И секретарь парторганизации стал мне объяснять: «Ты знаешь, у нас такое ощущение, что у тебя что-то непонятное с биографией. Мы не очень

понимаем...» «Ну, так выясните, пожалуйста», — сказала я.

Оказалось, что кто-то говорил, что мой папа был буржуем, владельцем фабрики. К тому же я жила за границей.

Как раз незадолго до истории с моим сокращением был уволен наш ректор П. А. Серебряков. Я познакомилась с ним еще до того, как поступила в Консерваторию, в одном доме. Он всегда очень уважал и ценил настоящих музыкантов. Но среди них часто попадались евреи. Это было одной из причин, по которым Серебряков был уволен. Его место занял пианист Ю. В. Брюшков²⁷.

Конечно, легко можно было выяснить, что мой отец был не буржуем, а бухгалтером. К тому же он скончался вскоре после того, как мы эвакуировались в Ташкент. Там он и похоронен. Но я вернулась из-за границы, и я была еврейкой. Что мне было делать? Я стала писать письма в разные инстанции. Был даже суд... Поскольку я была партийная, я смогла добиться приема в горком. Дочка Аллочка была тогда совсем маленькая. Мне ее негде было оставить, и она сидела и ждала, пока я разговаривала там. Все это было очень тяжело. Но в конце концов я добилась того, что меня восстановили, и я стала работать в Консерватории дальше. Началась другая жизнь.

С тех пор многое изменилось. Мы стали совсем другими. Стали многое понимать по-другому. Мы раньше верили в то, что нам говорили. Когда Сталин умер, мы с Тамарой Самойлович стояли и ревели. Ну что тут поделаешь?! А в то же время мой дядя, который переехал в Петербург еще до революции с семьей и жил тогда очень хорошо, всю жизнь ненавидел Сталина. Он говорил такие вещи о нем, что просто невозможно было даже реагировать на это. Конечно, мой дядя был богатый человек, жил в роскошной квартире. И вообще был по духу аристократом. И он всего лишился после революции. Когда Сталин умер, дядя открыто торжествовал. А мы плакали. То, что с нами самими случилось, почему-то ничему нас не научило.

Вместе со мной учились В. Нильсен²⁸ и А. Геронимус²⁹. Геронимус был очень хороший музыкант. Он был учеником В. В. Софроницкого и очень с ним дружил. К сожалению, Геронимус рано скончался. С ним и с Нильсеном у меня связано такое воспоминание. Шел 1937 год. Нас отправили на Второй Всесоюзный конкурс от Консерватории. Геронимус в свое вре-

меня учился в Германии. Я вернулась из Мексики. Была еще с нами одна очень хорошая пианистка, у которой муж был иностранец. Что уж говорить о наших национальностях! Когда мы приехали в Москву, нам велели заполнить анкеты. И, конечно, нас всех исключили, не допустили до конкурса. Что делать? Надо было куда-то писать, куда-то обращаться. Я помню, что мы уже должны были идти на прием к самому Молотову. Но мы до него так и не дошли, потому что директор Консерватории Б. И. Загурский³⁰, узнав обо всем, дал личное поручительство за всех нас. И нас допустили до участия в конкурсе. Тогда Нильсен получил вторую премию. Вот такая была история. Такое было время...

Уже в 90-е годы мне удалось снова поехать в Мексику, где до сих пор еще живут мои родственники. Я снова вспомнила Ордоньеса и занятия с ним. И все концерты, на которых я тогда побывала, и всех замечательных музыкантов, которых мне удалось там послушать. А ведь среди них был и Артур Рубинштейн³¹. Там была моя первая с ним встреча. Кажется, я тогда ему не играла, но Ордоньес познакомил меня с ним. Ему было тогда 45 лет, и он был в

расцвете сил. Потом он приезжал в Россию с концертами и навестил Г. Г. Нейгауза, который был очень болен и лежал в больнице. Приезжал Рубинштейн тогда и в Ленинград, и я встретила его снова. Он узнал меня и спросил: «А что вы здесь делаете?» Он не знал, конечно, что я давно вернулась в Россию. И он спрашивал меня об Ордоньесе и о его жене. Она тоже была замечательная пианистка и тоже преподавала в академии в Мехико. Но я в то время ничего о них не знала. Так что в жизни мне пришлось дважды встречаться с А. Рубинштейном. Третья встреча тоже была через несколько лет, но уже очень символическая. Я ездила в Израиль к друзьям. Меня отвезли в одно место, где показали красивый камень. Это был памятник А. Рубинштейну. Памятник поставили на том самом месте, где развеяли его прах. Такова была воля великого пианиста...

Многое было в моей жизни. Конечно, за 50 лет педагогической работы у меня училось очень много студентов. Немало из них стали настоящими музыкантами, победителями различных конкурсов. Только за последние 10 лет можно назвать несколько имен: это Ирина Васильева, с которой я иг-

раю после смерти Т. С. Самойлович. Мы не только партнеры, но и коллеги. Ирина Витальевна — доцент кафедры концертмейстерского мастерства нашей Консерватории. Интересно, что ансамбли часто состоят из родственников. Например, сестры-близнецы Элькины Ирина и Юлия. Их фортепианный дуэт постоянно и успешно концертирует в Америке и Европе. Сестры Светлана и Любовь Хатины составляют прекрасный камерный ансамбль (фортепиано и скрипка). Совсем недавно пианистка Юлия Федосеева и скрипачка Диана Гагулашвили завоевали в 2000 году Grand Prix на международном конкурсе в Болгарии. Да разве можно всех перечислить! И я могу гордиться, что они были моими учениками. А многие из них остаются и до сих пор моими друзьями. В какой бы стране они ни находились, они не забывают звонить, писать, рассказывают о своих успехах, иногда просят совета. Не скрою, что это одна из самых больших наград за мой труд.

Я вообще благодарна судьбе за то, как сложилась моя жизнь, хотя и не все было в ней просто и гладко. Но музыка — это мое счастье. И она всегда спасала и спасает меня...

¹ НЕЙГАУЗ Генрих Густавович (1888–1964), пианист, профессор Московской консерватории, доктор искусствоведения, народный артист РСФСР (1956).

² ЮДИНА Мария Вениаминовна (1899–1970), пианистка, профессор Петроградской (Ленинградской), Московской консерваторий, Музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

³ МАЙКАПАР Самуил Моисеевич (1867–1938), пианист, композитор, педагог, профессор Ленинградской консерватории.

⁴ КАЛАНТАРОВА Ольга Калантаровна (1877–1952), пианистка, профессор Ленинградской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР (1938).

⁵ ЕСИПОВА Анна Николаевна (1851–1914), пианистка. Создатель одной из крупнейших русских пианистических школ, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

⁶ ИЛЫН Евгений Иванович (1877–1915), пианист, педагог Санкт-Петербургской консерватории.

⁷ САВШИНСКИЙ Самарий Ильич (1891–1968), пианист, профессор Ленинградской консерватории, организатор и первый директор Музыкальной школы-десятилетки при Ленинградской консерватории (1936).

⁸ МИКЛАШЕВСКАЯ (Михельсон) Ирина Сергеевна (1883–1956), пианистка, педагог, профессор Ленинградской консерватории, заслуженная артистка РСФСР (1935).

⁹ НИКОЛАЕВ Леонид Владимирович (1878–1942), пианист, композитор, профессор Санкт-Петербургской консерватории, доктор искусствоведения, народный артист РСФСР (1938).

¹⁰ СОФРОНИЦКИЙ Владимир Владимирович (1901–1961), пианист, профессор Ленинградской (с 1936) и Московской (с 1942) консерваторий, заслуженный деятель искусств РСФСР (1942), лауреат Государственной премии СССР (1943).

¹¹ АУЭР Леопольд Семенович (1845, Венгрия — 1930), скрипач, дирижер. В 1868–1917 годах жил в России. Профессор Санкт-Петербургской консерватории. С 1918 жил в США.

¹² ЭЙДЛИН Юлий Ильич (1896–1958), скрипач, профессор Ленинградской консерватории.

¹³ ВАЙМАН Михаил Израилевич (1926–1977), скрипач, профессор Ленинградской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР (1966).

¹⁴ ГУТНИКОВ Борис Львович (1931–1986), скрипач, профессор Ленинградской консерватории, народный артист РСФСР (1979).

¹⁵ КАМИЛАРОВ Эмил Стефанов (род. 1928, Тулуза), болгарский скрипач, профессор Софийской консерватории, заслуженный артист НРБ (1963).

¹⁶ БЕЛЯКОВ Михаил Михайлович (1907–1994), скрипач, профессор Ленинградской консерватории.

¹⁷ ПОЛЯКИН Мирон Борисович (1895–1941), скрипач, педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР (1940).

¹⁸ ЕРШОВ Иван Васильевич (1867–1943), певец, режиссер Оперной студии (1915–1943), профессор Ленинградской консерватории, народный артист СССР (1937).

¹⁹ БРАУДО Исая Александрович (1896–1970), органист, профессор Ленинградской консерватории, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР (1957).

²⁰ ГОЛУБОВСКАЯ Надежда Иосифовна (1891–1975), пианистка, профессор Ленинградской консерватории, заслуженный артист РСФСР (1937).

²¹ ХАЛЬФИН Моисей Яковлевич (1907–1995), пианист, профессор Ленинградской консерватории.

²² СОКОЛОВ Григорий Липманович (род. 1950), пианист, первый сольный концерт (1962), победитель Международного конкурса им. П. И. Чайковского (1966), народный артист РСФСР (1988).

²³ РАЗУМОВСКАЯ Вера Харитоновна (1904–1967), пианистка, профессор.

²⁴ СЕРЕБРЯКОВ Павел Александрович (1909–1976), пианист, профессор, ректор (1938–1951, 1961–1976) Ленинградской консерватории, народный артист РСФСР (1957).

²⁵ ПЕРЕЛЬМАН Натан Ефимович (1906–2002), пианист, профессор Ленинградской консерватории.

²⁶ САМОЙЛОВИЧ Тамара Самойловна (1914–1981), пианистка, доцент Ленинградской консерватории.

²⁷ БРЮШКОВ Юрий Васильевич (1903–1971), пианист, профессор, ректор (1951–1961) Ленинградской консерватории, заслуженный артист РСФСР (1949).

²⁸ НИЛЬСЕН Владимир Владимирович (1910–1998), пианист, профессор Ленинградской консерватории.

²⁹ ГЕРОНИМУС Александр Ефимович (1915–1980), пианист, доцент Ленинградской консерватории.

³⁰ ЗАГУРСКИЙ Борис Иванович (1901–1968), музыковед, музыкальный деятель, директор Ленинградской консерватории (1936–1939), директор Малого оперного театра (1951–1961), заслуженный деятель искусств РСФСР (1957).

³¹ РУБИНШТЕЙН Артур (1889, Польша — 1982) пианист с мировым именем, гастроль в России (1910) и в СССР (1932 и 1964).

Около родного института

Петербургский ученый Виктор Семенович Торкановский

Д. А. Торкановская

*Достоинo, главное, достоинo
Любые встретитъ времена,
Когда эпоха то застойна,
То взбаламучена до дна...*

Е. Евтушенко

Родился Виктор Семенович Торкановский 28 марта 1921 года в г. Воронеже в семье военного врача.

Мать, Мария Савельевна, была женщиной необыкновенной красоты и такого же необычайно сильного и решительного характера.

Полюбив врача, Семена Торкановского, она не стала ждать конца Гражданской войны и, миновав всех «белых», «красных» и «зеленых», в 1920 году приехала к своему жениху из Киева в Воронеж, где он был начальником военного госпиталя.

Там и родился Виктор, и, возможно, именно военно-полевые условия заложили в его характер мужество, решительность и непреклонность.

По окончании войны семья переехала в Петроград. С 1928 по 1938 год Виктор учился в Анненшуле — немецкой гимназии, созданной в начале XVIII века, которая, став советской «трудовой школой», еще долго сохраняла высокий уровень преподавания благодаря дореволюционным кадрам учителей. Учебу в той школе и общение с учителями Виктор считает большой удачей своей жизни и немецким языком владеет безукоризненно.

А мальчики и девочки из его класса, оставшиеся в живых после блокады, войны и репрессий 30-х, 40-х и 50-х годов, несмотря на разные судьбы, встречаются, верны дружбе и любят друг друга вот уже 75 лет.

В 20–30-е годы Виктор благодаря службе своего отца в Военно-политической академии им. Толмачева находился в общении с преподавателями академии и их семьями. Это были в основном участники Гражданской

войны, коммунисты, одни из первых ленинградских политэкономов: П. Булат, С. Тюльпанов, Ф. Северов (все в разное время заведовали кафедрами политэкономии).

Наибольшее влияние на Виктора оказала встреча с С. И. Тюльпановым, который в детстве носил его на плечах и дружба с которым продолжалась всю жизнь, сыграв главную роль в выборе профессии. В 30-е годы С. И. Тюльпанов заведовал кафедрой политэкономии на Ленинских курсах при ЦК КПСС, в годы Отечественной войны — генерал, затем проректор ЛГУ и заведующий кафедрой экономики современного капитализма.

30-е годы связаны у Виктора со многими тяжелыми переживаниями: после убийства С. Кирова в 1934 году репрессиям подверглись многие его учителя и родители соучеников по школе; сталинские репрессии 1936–

1938 годов уничтожили многих преподавателей Военно-политической академии и их семьи.

В 1938 году Виктор поступил на исторический факультет Ленинградского университета, слушал лекции дореволюционных профессоров-историков — академиков Б. Д. Грекова, В. В. Струве, Е. В. Тарле, а также только что вышедших из заключения профессоров М. Д. Приселкова и С. Т. Ковалева.

В 1939 году он перешел на политико-экономический факультет, созданный выдающимся русским ученым А. А. Вознесенским, которого он раньше встречал в семье С. И. Тюльпанова, и под его влиянием навсегда связал свою судьбу и жизнь с наукой. Первыми преподавателями нового факультета были такие яркие личности, как профессора А. И. Буковецкий, А. В. Оленев, а также В. В. Рей-

хардт, А. А. Пальцев, А. И. Ротштейн. Студентами факультета были не только вчерашние школьники, но и партийные, советские работники, командиры Красной армии.

Научная атмосфера и общение были очень интересными. Студенты в ту пору посещали лекции ученых на других факультетах (философском, филологическом), слушали лекции на Ленинских курсах при ЦК КПСС в Мариинском дворце, в том числе председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, брата А. А. Вознесенского. Его лекции отражали происходившую тогда борьбу в партии с «меньшевистствующим идеализмом», «бухаринщиной» и т. п. Тогда уже студенты ясно понимали, что ждет их в случае «отклонения от генеральной линии партии».

И вот война с фашизмом. Хотя ее приближение и чувствовалось, началось все неожиданно. Первым в семье был мобилизован отец. Это была его третья война.

Уже 23 июня А. А. Вознесенский, ставший к тому времени ректором ЛГУ, призвал студентов и пре-

В. С. Торкановский на фронте

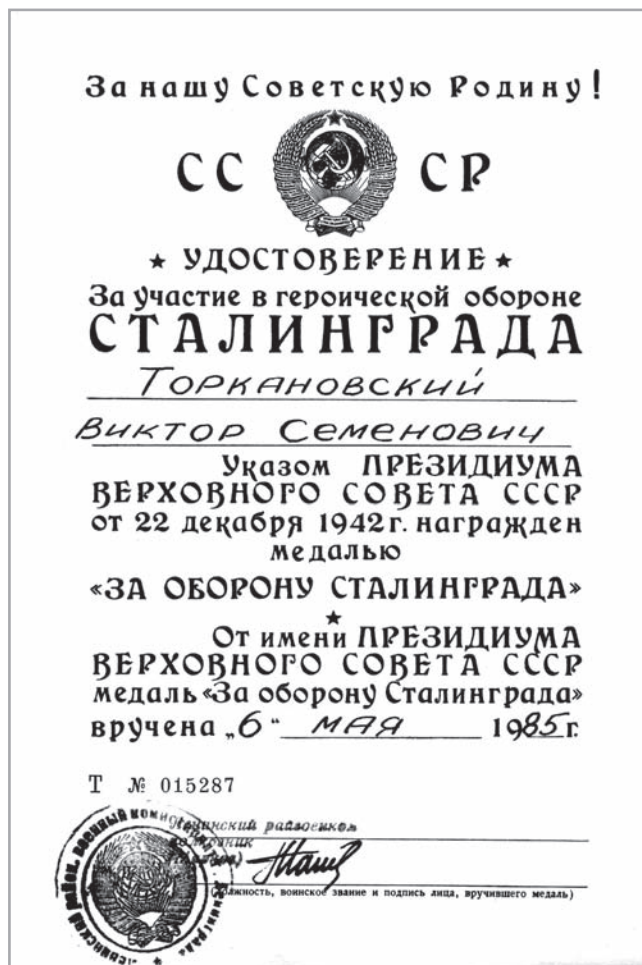
подавателей вступать в ряды Красной армии.

В июне 1941 года Виктор стал бойцом истребительного батальона НКВД Василеостровского района. Короткое обучение, переброска в Старый Петергоф, бои, отступление в пригороды Ленинграда, в конце сентября – возвращение в казармы на

остров Голодай, патрульная служба в блокадном городе, прикомандирование к политотделу фронта для перевода издававшейся войсками СС газеты «Дер Штюрмер».

Временами он посещал лекции профессоров В. В. Рейхардта, А. И. Буковецкого и А. М. Александрова: они читали замерзающим и погибающим от голода студентам, сами находясь в таком же состоянии.

В конце декабря 1941 года Виктор заболел дистрофией и в начале 1942 года был эвакуирован вместе с матерью и студентами университета в г. Душанбе. Оттуда в июне 1942 года был призван в армию, учился в полковой школе 22-го запасного полка Сталинградского фронта, затем как артиллерист участвовал в обороне Сталинграда. Служил в частях 28-й армии, прошел с ней путь от Астрахани до Западной Украины. Удивляется до сих пор, как это он остался жив. Был простым солдатом, последний чин – старшина; награжден орденом Отечественной войны, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда».

Удостоверение о награждении медалью «За оборону Сталинграда»

Удостоверение о награждении медалью «За оборону Ленинграда»

Его мать, как только Виктора призвали в армию, попросилась на фронт к мужу и вместе с ним в частях 57-й армии закончила войну в городе Граце в Австрии. Отец был хирургом, она ассистировала.

Каким счастьем было, что вся семья — участники такой страшной войны — остались живы и вернулись в родной Ленинград!

В 1946 году Виктор окончил Университет и остался преподавать на кафедре политэкономии, которой руководил А. А. Вознесенский. В том же году ученый совет на конкурсе молодых ученых присудил ему первую премию ЛГУ за работу «Военная экономика Англии и баланс ее международной задолженности 1939–1945 гг.» (по циклу гуманитарных наук).

Родители В. С. Торкановского. Грац (Австрия), 1945 г.

не выдержав волнения за сына, от четвертого инфаркта умер его отец. Свой первый инфаркт этот мужественный человек, прошедший три войны, перенес в 1948 году, во время репрессий против Виктора.

В 1955 году Виктора реабилитировали, и он возвратился на работу в вуз, на этот раз в Ленинградский финансово-экономический институт, в котором работает и по сей день.

И здесь снова судьба улыбнулась ему: он встретился со многими замечательными людьми, память о которых бережно хранит. Это ректор И. М. Гречко, принявший его на работу, профессора А. М. Александров, А. И. Ротштейн, знакомые еще по довоенным временам, а также такие коллеги, прекрасные товарищи, как

Первый год совместной жизни (1958 г.)

43 года спустя (2001 г.)

На кафедре он работал ассистентом профессора А. А. Вознесенского: вел семинары на его потоке, читал лекции на юрфаке. Перед ним открывались блестящие перспективы педагогической и научной деятельности. Но, увы, в 1948 году начался разгром кафедры политической экономии ЛГУ. Обвинения в адрес ее сотрудников были самые штампованные: бухаринцы, троцкисты, кадеты и, конечно, «безродные космополиты».

Был арестован и расстрелян за кафедрой, ректор университета А. А. Вознесенский; арестованы профессора, ученые с мировыми именами: Некраш, Рейхардт, Штейн, Буковецкий и другие, а также ряд студентов.

Виктор был сразу уволен с работы, лишен права преподавания политэкономии, многократно допрашивался органами НКВД, требовавшими

показаний на его учителей. Пришло время безработицы, родители — инвалиды войны, больны, дочери от первого брака — три года.

Бывший коллега Д. И. Петрикев, к тому времени ставший заведующим Главным управлением народного образования, помог В. С. Торкановскому устроиться учителем истории в загородную школу для взрослых. Впоследствии Виктор стал директором выстроенной им новой 188-й средней школы Сестрорецкого района. Этот период он вспоминает с огромной благодарностью к учителям и ученикам, поверившим в него. И если бы не огромная тяга к науке, школа приобрела бы в его лице очень деятельного педагога и администратора.

В 1954 году, после смерти Сталина, В. С. Торкановский защитил кандидатскую диссертацию, будучи директором школы. А на другой день,

А. И. Кропотов, П. И. Савичев, А. Н. Гуров, М. И. Серебряный, А. П. Семченко, М. В. Ермолин и многие другие.

Кафедру, где работал Виктор, возглавлял многие годы профессор П. М. Павлов, с которым они еще со времен пребывания в ЛГУ занимали по многим вопросам противоположные позиции. Однако П. М. Павлов был творческим человеком, известным ученым-экономистом, большим тружеником, и Виктору работать с ним в профессиональном отношении было интересно и полезно.

В 1957 году произошло еще одно событие. 29 апреля на предмайском вечере в Доме ученых мы встретились с Виктором и через полгода, 1 января 1958 года, поженились. Следующие 20 лет были, пожалуй, самыми спокойными в нашей общей жизни. Хотя и не обошлось без волнений, теперь

уже связанных с моим устройством на работу. Я окончила аспирантуру Пушкинского дома без защиты диссертации по творчеству К. Г. Паустовского. Писатель к тому времени попал в опалу государственной власти, выступив в защиту нашумевшего тогда романа М. Дудинцева «Не хлебом единым». Мои статьи, необходимые для защиты диссертации, не приняло ни одно издательство. Путь в вуз был закрыт. Мы решили: это надо пережить. И я пошла на работу в школу, затем через год стала заведующей вечерним отделением 1-го педагогического училища и осталась работать в системе дошкольного воспитания на 40 лет.

В 1961 году родился наш сын. Мы были счастливы: у каждого была большая, ответственная, интересная работа; забота о воспитании, здоровье и учебе сына. Мы хорошо отдыхали в Кировской области у моих родителей, много раз ездили в Прибалтику в Друскининкай. Там собиралось летом интересное общество: семья Тюльпановых, коллеги и друзья Виктора. В одно знаменательное лето собрались профессор Г. Н. Черкасов, А. С. Павлов, М. И. Серебряный, Г. Л. Рабинович, В. А. Минеев с женами.

Помню сообщение, поразившее нас в одно августовское утро 1968 года в Друскининкайском парке у источников: «Наши танки идут по Праге». Радость безмятежного отдыха как ветром сдуло, и мы все досрочно уехали в Ленинград.

Было несколько памятных поездок по Волге, в Германию, Болгарию, Финляндию, Чехословакию.

Но главным всегда оставалась творческая, научная работа Виктора.

Область его научных интересов тогда — новые явления в экономике современного капитализма. По этой проблематике им было опубликовано, в том числе и в соавторстве, 12 монографий и учебников, а также ряд статей в ведущих экономических журналах России: «Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», «Экономические науки», «Финансы СССР» и др., а также в выпусках «Научных записок» ЛФЭИ и ЛГУ. Характерно, что он никогда не участвовал ни в одной публикации по вопросам «развитого социализма», всегда оставаясь самим собой.

В 1968 году Виктор защитил докторскую диссертацию, основные идеи которой публиковались в книге «Новые явления в развитии монопо-

В. С. Торкановский. 1971 г.

листического капитализма». Он же тогда делал попытки отвергнуть некоторые существовавшие у многих экономистов догматические представления о характере противоречий современного капитализма; исследовал вопросы программирования и прогнозирования экономики в развитых странах, сущность и организацию финансового планирования, особенности капиталистической приватизации.

В таком же духе появились позже и другие его работы: монографии, посвященные государственному региональному программированию в развитых странах, коммерческим банкам США, проблемам экономических кризисов.

Все это находило отражение в курсе его лекций по политической экономии, в спецкурсах для студентов, в диссертациях его аспирантов. В 70–80-х годах он был членом Проблемного совета Министерства высшего образования СССР. Все, конечно, было довольно непросто, но в своем видении проблем он был непреклонен.

Жизнь — все-таки явление положительное.

Первого декабря 1978 года после тяжелой болезни, связанной с контузией головного мозга во время войны, умер мой отец; через год от хирургической ошибки во время операции — моя мама.

Мои родители — сельские учителя — всю жизнь прожили в поселке Свеча Кировской области, работали в одной школе, воспитали не одно по-

коление сельских детей и снискали огромное уважение своих односельчан. Папе после войны было много предложений стать директором школы в Вологде или в Ярославле (его школа в течение многих лет занимала по показателям своей работы первое место на Северной железной дороге). Но, увы, родители не могли сдвинуться с места: в 1937 году у мамы был арестован и канул в вечность отец, мой дед. И только в 1955 году стало известно, что он был репрессирован и посмертно реабилитирован.

Вятка для них, как и для многих других узников совести, стала любимым и необходимым прибежищем, давшим им возможность творчески, интересно работать, иметь много друзей и воспитать троих детей.

Виктор очень любил, высоко ценил и уважал своих родителей, и они его, и как-то после их смерти он оборонил фразу, ставшую роковой: «Мы потеряли своих ангелов-хранителей».

В 1979 году дочь Виктора от первого брака — Елена — вместе с семьей эмигрировала за границу. Санкции против Виктора последовали незамедлительно. Его осудили во всех инстанциях: от партбюро факультета, где его сняли с должности секретаря партийной организации, до парткома института, РК КПСС Куйбышевского района и, наконец, обкома КПСС. В последней инстанции я была с ним, измученным до предела, с валидолом в руке. Его все-таки оставили на работе, хотя больше в Ленинграде никто из ученых в такой ситуации не уцелел. Думаю, что помогли ему в этом его бойцовские качества, приобретенные в тяжелой борьбе в 1948 году.

Но все последующие 13 лет ему не разрешали избираться по конкурсу, ежегодно решался вопрос о его сохранении на работе администрацией института и в РК КПСС.

Было тяжело, но Виктор продолжал трудиться. Были нам и предложения «доброжелателей» покинуть страну. Но на это его любимым изречением стали слова А. Ахматовой:

*Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам...*

Вся профессиональная и общественная жизнь его происходила вопреки складывавшимся обстоятельствам.

В конце 80-х годов он почувствовал, что не все, что происходит в ЛФЭИ, воспринимается им положительно. Возможно, что свою роль в этом сыграло направление его науч-

Суд совести. Правда о трагических событиях 1948–1950 гг.

ной работы, убеждение в необходимости крутых перемен в экономической теории и хозяйственной практике «развитого социализма». Менять существующее положение дел, по его мнению, следовало прежде всего с изменений в учебном процессе. И Виктор выступил с рядом критических замечаний на ученом совете: необходимо изменить структуру учебного процесса, больше внимания уделять преподаванию дисциплин финансово-кредитного цикла, начать глубокое исследование и расширить учебный процесс по экономике современного капитализма, изучать информатику, отбирать преподавателей по деловому признаку и т. п. Это критическое выступление в ту пору не нашло поддержки и не способствовало улучшению положения Виктора в институте. Мы с сыном это все понимали, очень переживали за него, но были уверены, что он справедлив, руководствуется не личными, а общественными интересами, желает институту лучшего качества обучения и профессиональной подготовки кадров, а судьей будет время.

Как-то во второй половине 80-х годов Виктор, у которого всегда болела душа, что до сих пор не реабилитированы его университетские учителя и однокурсники, репрессированные в 1948 году, встретился с известным журналистом Л. Сидоровским. Впоследствии тот публикует в газете «Смена» статью «Разгром» о том, как на факультете политической экономии ЛГУ боролись с буржуазными учеными — «безродными космополитами», ставшими заодно

и жертвами «Ленинградского дела». Статья была опубликована 9 февраля 1989 года и получила огромный читательский резонанс.

В результате в Университете 23 марта 1989 года, спустя 40 лет, состоялась встреча на экономическом факультете, где собрались нынешние преподаватели, студенты, а также сотрудники кафедры А. А. Вознесенского, оставшиеся в живых, корреспонденты, журналисты и я с сыном. Были и те, о ком писала «Смена».

Собрание началось с выступления Виктора. Он говорил о необходимости сказать правду о трагических событиях на кафедре в 1948–1950 годах, о необходимости подлинной реабилитации всех невинно обвиненных. Он назвал тех, кто был причастен к этой грязной истории и до сих пор ходит «в уважаемых», а именно: проф. Моисеенко, Ильин, Михеева, — и потребовал их осуждения. Это был тяжелый, но открытый шестичасовой разговор.

Выступали многие, с той и с другой стороны. Кстати, говорили и о том, что страсть к «вылавливанию» прогрессивных ученых была и в 60-е годы. «Разгромом» № 2 было названо уничтожение кафедры современного капитализма, руководимой С. И. Тюльпановым, где собрались тогда выдающиеся ученые: Алешина, Поспелова, Шейнис и другие, которых характеризовал смелый научный поиск, одухотворенная мысль.

Под тем же лозунгом «роковых сороковых» — борьба за чистоту марксизма — те же «деятели» отстранили С. И. Тюльпанова от должности, све-

ли на нет и фактически прекратили существование той кафедры.

Виктору было тогда 68 лет, физически он чувствовал себя неважно, но был убежден в своей правоте и считал, что это нужно было сделать, это — долг перед его оклеветанными учителями и товарищами по факультету.

Недавно экономический факультет отмечал свое 60-летие. Виктор в газете «Дело» опубликовал статью «Экономический факультет: от А. А. Вознесенского до А. Кудрина», в которой показал преемственность традиций в деятельности современных экономистов. Он назвал имена и поместил портреты тех, кто находился у истоков прогрессивной экономической мысли: А. А. Вознесенского, С. И. Тюльпанова, В. В. Рейхардта.

Вы спросите, как я живу и переживаю действия своего мятежного мужа? Отвечаю: трудно и очень трудно. Но спасало и спасает то, что нас — двое.

*Спасение наше друг в друге,
В разломленной надвое вьюге,
В разломленном надвое солнце,
Все поровну. Этим спасемся.*

Начало 90-х годов — время больших изменений в стране, в ЛФЭИ и в положении Виктора. В 1992 году он впервые за 13 лет прошел конкурс на замещение должности профессора. Рыночные преобразования изменили и направление его научно-педагогической деятельности. Его работа сконцентрировалась на двух основных направлениях: на срочном создании нового вузовского учебника по политической экономии современного капитализма и на разработке проблем рос-

сийского фондового рынка. Все надо было делать быстро. И уже в 1993 году вышел в свет фундаментальный учебник «Политическая экономия современного капитализма» (СПб., 35 п. л.), созданный коллективом петербургских экономистов под его руководством. Одновременно в 1990 году он разработал концепцию создания Санкт-Петербургской фондовой биржи, был избран заместителем председателя наблюдательного совета.

В 1994 году под его руководством подготовили первый в истории России системный учебник по фондовому рынку — «Рынок ценных бумаг и его финансовые институты» (СПб., 27 п. л.).

В 1998 году под руководством профессоров В. И. Колесникова и В. С. Торкановского издали новый учебник «Ценные бумаги» (М., 34 п. л.). Вышло три его тиража, в 2000 году — второе издание.

В 2000 году вышел по существу второй том этого учебника — «Практикум по курсу ценных бумаг» (18,5 п. л.).

По этим учебникам в 90-е годы велся учебный процесс во многих вузах страны.

В те годы Виктор дважды выступал перед представителями стран СНГ с научными докладами о создании общего рынка инвестиционных ресурсов, занимался исследованиями проблем электронных денег и созданных на их основе платежных систем (по этим проблемам им опубликованы статьи в «Известиях СПбГУЭФ»), а также принимал участие в написании многих учебно-методических работ на кафедре «Деньги и ценные бумаги». Работал также по совместительству в ЛГУ и Европейском университете. В разное время он читал лекции в университете им. Гумбольдта (Берлин, 1976 год), в Институте народного хозяйства им. К. Маркса (София, 1977 год), в Дрезднер Банке (Франкфурт-на-Майне, 2000 год).

В 1994 году был избран академиком Академии гуманитарных наук.

Под руководством Виктора защищено пять докторских диссертаций и более 20 кандидатских, в том числе аспирантами из стран СНГ, Польши, Германии и Кубы.

Годы работы на кафедре «Деньги и ценные бумаги» оказались очень плодотворными в научной и педагогической деятельности Виктора. Он получил неограниченную возможность заниматься тем, что было ему по душе. В немалой степени этому способствовали творческая обстанов-

ка и хороший микроклимат на кафедре, создаваемый ее руководителем, профессором В. И. Колесниковым, а также коллегами — замечательными женщинами, которые умело сочетают красоту, деловые качества и научный энтузиазм.

Сейчас у Виктора восемь аспирантов, и нас, домашних, просто потрясает его титаническая работоспособность: он может одновременно, в одном ему понятном порядке, работать с тремя разными диссертациями своих учеников и еще с отзывами, рецензиями, статьями в журналы, книгами.

Аспиранты стали частью нашей жизни. Три года совместной деятельности — это довольно значительный срок. Они становятся за это время членами нашей семьи. Мы жили и живем их жизнью, радуемся их успехам, учебным и личным. Часто приходится поддерживать их веру в успех начатого дела, смягчать психологические стрессы, где-то пожурить как следует, где-то похвалить (по секрету от шефа) заблаговременно.

По всей стране, в том числе и в Санкт-Петербурге, преподают, работают в бизнесе, в институтах, в банках защитившие у него диссертации.

А сколько студентов за 50 лет преподавания в вузах прослушали его лекции?! Не счастье! Часто в рейтинговых опросах они отдавали ему первое место.

Помимо научной работы и преподавания он был постоянным лектором общества «Знание» со времени его основания в 1947 году. А. А. Вознесенский, М. С. Кукушкин и В. С. Торкановский создали его и получили первые членские билеты. С тех пор в течение 50 лет и в дождь, и в снег, и днем, и вечером он ехал на любую площадку, куда его приглашали, и снискал в городе большую известность. Его приглашали читать лекции в Москву, Иркутск, Пермь, Тулу, Выборг и в другие города страны.

Безусловно, научная и педагогическая деятельность — это главное в его жизни, и Виктор отдает этой ипостаси большую часть своего времени. Но он был и остается человеком широких интересов. Всю жизнь он коллекционирует книги: произведения классиков русской и мировой литературы, искусства, лучшую историческую и мемуарную литературу. Любимый отдых — полежать на диване со стихами А. С. Пушкина или поэтов Серебряного века, поэтов-шестидесятников. Любит переворачивать стра-

ницы художественных альбомов с репродукциями картин из музеев мира, семейных фотоальбомов. Но его постоянное занятие — просматривание страниц своей жизни на фоне общественных событий, воспоминания о родителях, учителях, однокурсниках, боевых друзьях. Очень переживает, что большинства таких близких и необходимых людей уже нет. Каждый год в День Победы мы идем по мосту Лейтенанта Шмидта и Университетской набережной в Университет, к доске, увековечившей память его преподавателей и однокурсников, а также к памятнику студенту, уходящему на войну, который, к сожалению, находится в глубине двора, и в последние годы у его подножия все реже и реже появляются цветы.

В 60–80-е годы у нас было очень много друзей, близких нам по духу и интересам. Мы часто собирались по праздникам то в одном, то в другом доме, довольно широко отмечали юбилеи. Был какой-то особенный жизненный подъем и вера в будущее.

Очень любили загородные прогулки, часто выезжали в Комарово, Репино, Солнечное и с любимыми друзьями за интересными разговорами совершали длительные пешие прогулки.

Когда мы 28 лет назад переехали в отдельную квартиру на улице Римского-Корсакова, излюбленным стал городской маршрут по набережной Лейтенанта Шмидта до Зимнего дворца и дальше до первого дома в Петербурге на улице Каляева, № 16, где провел свое детство и юность Виктор.

Он — настоящий петербуржец, хорошо знает город, историю памятников архитектуры, ему даже наша вечная непогода по душе. Раньше вообще любил гулять под морозящим дождем.

Конечно, мы мечтали иметь небольшой деревянный зимний дом за городом. До 17 лет я жила в таком доме у себя в поселке. И Виктору хотелось доставить мне такое удовольствие. Но времена были таковы, что в зимнем доме требовалась прописка, надо было разводиться, заниматься какими-то махинациями, что многие и делали. Виктор на это не был способен. Дача наша так и не состоялась.

Ни нам, ни нашим родителям государство не позволило купить дом. Когда отец — заслуженный офицер, прошедший в составе танкового корпуса всю войну от Москвы до Вены, затем заслуженный учитель России, — тяжело заболел и в 65 лет потерял дви-

жение, они с матерью переехали в Ленинград с надеждой поселиться где-нибудь за городом. Опять дело уперлось в прописку — мотивировали тем, что прописать могут только работающего человека, а не пенсионера. Что делать? Таковы были бюрократические коммунистические каноны страны, ни тогда, ни сейчас не ценившей своих лучших людей, настоящих граждан. Так и закончили свою жизнь мои родители в нашей городской квартире, и похоронили мы их рядом с родителями Виктора. Слава Богу! Хоть тут нам не чинили никаких препятствий.

Вот уже 45 лет мы вместе. Иногда спрашиваем сами себя, как нам удалось сохранить наш союз на довольно трудной и длинной жизненной дистанции?

Мы по гороскопу (теперь с этим стало модно считаться) Овны, разница у нас — 11 лет и 4 дня. Мы оба упрямы, у нас на многое из того, что касается быта, текущих дел, диаметрально противоположные взгляды. Общая линия вырабатывается в долгих, на повышенных тонах, дискуссиях. С течением лет мы все больше и чаще идем на уступки друг другу, мудреем.

В остальном мы абсолютно едины.

И еще — я всегда чувствовала большую ответственность за судьбу двух своих младших братьев, которых я позвала учиться в Ленинград. Здесь они создали свои замечательные семьи, работали, вырастили детей.

Виктор стал их старшим братом, другом, советчиком. К несчастью, мы недавно потеряли моего младшего брата. После смерти наших родителей это самое большое неизбывное наше горе, и здесь снова за поддержкой я обращаюсь к Е. Евтушенко, сказавшему:

Стоит на любви все живое,

Великая армия — двое.

Пусть шепчут и губы, и руки:

Спасение наше друг в друге.

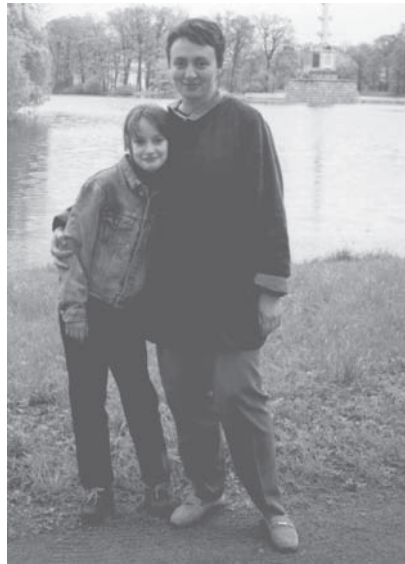
Я благодарю свою Судьбу за встречу с Виктором.

У Виктора довольно большая семья, но это и моя семья. Одна половина ее — дочь Елена (от первого брака) — с мужем живут в Нью-Йорке. Лена программист, ее муж — ученый. Внук Евгений преподает в Стэнфордском университете русскую литературу; внучка Люба учится в Йельском университете и недавно подарила нам правнука. Они бывают у нас в Петербурге, мы их очень любим, и они нас не забывают. Леночка — очень заботливая и внимательная дочка.

Вторая половина семьи — наш сын Семен, он живет рядом с нами,

В. С. Торкановский с дочерью Еленой и сыном Семеном

Невестка Соня и внучка Маша

по специальности — экономист, работает в бизнесе. У него замечательная жена Соня, врач-педиатр, и дочка Машенька, младшая внучка Виктора. Она закончила девятый класс. Своей инициативностью, решительностью, правдолюбием и высоким лбом очень напоминает деда и, похоже, продолжит боевые экономические традиции семьи.

Поскольку вся наша жизнь связана с молодежью, мы не можем быть равнодушными к ее судьбе, судьбе своих и вообще всех детей и с болью переживаем то, что страну «так много пройдено дорог» и «так много сделано ошибок». Но мы — оптимисты и верим в лучшее будущее России, которое создадут современная молодежь и великая духовность нашего народа.

В. С. Торкановский с любимой внучкой Машенькой

Еще раз вдоль Фонтанки*

М. М. Фокин, В. И. Мусаев

За Обуховым мостом мы увидим сразу два учебных заведения. Когда-то оба они были военными. Начнем с того, которое остается военным и по сей день — с Ракетно-артиллерийского кадетского корпуса. Здесь мы встречаем сюжет, который ставит нас в затруднение. Мы сумеем лишь слегка коснуться его и надеемся, что кто-нибудь все-таки его разработает.

Все знают про Ботанический сад на Аптекарском острове (преобразованный Аптекарский огород Петра I). М. И. Пыляев уверял, что при Петре был некий 1-й Аптекарский ботанический сад и был он «на участке, ограниченном Фонтанкой (до 1/4 версты), Обуховским проспектом и 1-й ротой Измайловского полка, где теперь Константиновское училище)...» Б. М. Кудашев, впрочем, говорил, что Ботанический сад там так и не был создан. Потом, если верить М. И. Пыляеву, там был построен дворец для Р. И. Воронцова (в 1757 году). Здание это находится, строго говоря, не на Фонтанке — его адрес: Московский пр., 18. Но оно попало в поле нашего зрения, так как участок все же выходил на Фонтанку. Как писал Пыляев, архитектором, создавшим этот дворец, был Кваренги. Понятно, что здесь у Пыляева что-то не сходится, ведь Кваренги родился в 1744 году. Впрочем, у Пыляева даты часто не сходятся. Видимо (опять, увы, это словечко «видимо», которое употребляется тогда, когда нет точной ссылки), этот дворец и есть тот самый «Ашев дом», который упоминал уже И-Г. Георги, когда описывал современный ему Петербург (конец XVIII века): «Императорская Российская Академия имеет свои заседания в прежнем Ашевом, а ныне ей принадлежащем каменном доме по левой стороне Фонтанки, за Обуховым мостом, на большом месте, что перед домом, стоят два каменных строения по набережной». Далее Георги сообщал, что в 1785 году Екатерина II пожаловала дом и имевшийся при нем сад обеим академиям, а Дашкова определила дом для Российской акаде-

мии, а сад — для Академии наук. Впрочем, известно, что Российская академия вскоре обосновалась на Васильевском острове и находилась там до самого объединения ее с Академией наук. А история здания шла своим чередом. С 1797 года в нем располагался Военно-сиротский дом. В 1829 году он был назван Павловским корпусом, в 1894 году заведение было переименовано в Константиновское артиллерийское училище, и нам кажется, именно под этим названием оно приобрело известность. Многочисленные перестройки здания — это отдельная тема. Ее пусть разбирают специалисты. Скажем, однако (славившись на Б. М. Кирикова), что нынешний вид здания — результат перестройки 1908 года (архитектор Н. А. Архангельский).

Не касаясь истории училища, хочется упомянуть лишь одно весьма интересное учреждение, располагавшееся на его территории (адрес: наб. Фонтанки, 112) во время Первой мировой войны. О нем рассказывает «Весь Петроград» за 1917 год. Невозможно удержаться от соблазна процитировать его целиком: «Именная помощь русским военнопленным, томящимся в Австро-Германском плену. Цель кружка — облегчить тяжесть плена русским солдатам через посредство официальных источников. Кружок получает списки русских военнопленных и раздает лицам, желающим принять на себя заботу (посылка писем, вещей) по одному, по два и более. Списки составляются из имен лиц, ничего не получающих от родных из России». Как говорится, комментарии излишни.

Поэтому обратимся к противоположному берегу Фонтанки. Там в 1810 году разместилось другое военное учебное заведение — Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Оно располагалось там до 1823 года, когда для него было построено специальное здание (нынешний адрес: Московский пр., д. 9). Интересно отметить, что это учебное заведение, как и то, которое мы только что упо-

мянули, расположилось в здании, изначально построенном как дворец. Последним хозяином этого дворца был Н. Б. Юсупов. И, может быть, другой автор, рассказывая об этой части набережной, сделал бы акцент не на учебных заведениях, а именно на дворцах. Тем более что и Р. И. Воронцов, и Н. Б. Юсупов — личности весьма интересные и достойные рассмотрения. Опять приходится вспомнить старую истину, что нельзя объять необъятное.

Итак, институт. О том, что он представлял собой в первые годы своей работы, подробно рассказывал Ф. Шредер в своем «Новейшем путеводителе по Санкт-Петербургу» (СПб., 1820). Кстати, хороший путеводитель, давая подробную картину жизни города на определенный момент (для практических надобностей современников), становится для потомков ценным источником. «Молодые люди, желающие поступить в сей институт, должны уже иметь весьма достаточные познания, а особливо в языке французском; поелику лекции читаются на оном», — писал Ф. Шредер.

Дальнейшая история института, несомненно, тоже очень интересна. Рассматривать ее нужно было бы в отдельной статье. Мы лишь коснемся того, что был в жизни института такой интересный период, когда внутри него зародились еще два впоследствии самостоятельных института. Так, «Весь Ленинград» за 1928 год, рассказывая о ЛИИПСе (Ленинградском институте инженеров путей сообщения) им. Я. Э. Рудзутака (!), перечисляет факультеты: сухопутный и водный (с отделением воздушных сообщений).

А рядом с бывшим Юсуповским дворцом, в домах 117 и 119, располагалось Министерство путей сообщения. В д. 117 были Совет министра, Инженерный совет, Совет по железнодорожным делам, Учебный отдел. Хотелось бы упомянуть несколько замечательных людей, служивших во всех этих канцеляриях (в штате или сверх шта-

* Окончание. Начало см. № 5 (9) за 2002 г., № 2 (12) за 2003 г.

Юсуповский дворец (наб. р. Фонтанки, 115)

та) в начале XX века. Среди служащих Инженерного совета были И. С. Китнер, Вас. А. Косяков, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. К сожалению, последний больше известен как отец замечательного искусствоведа, многолетнего сотрудника Эрмитажа В. Ф. Левинсон-Лессинга. А между тем именно он, а не его сын, отмечен мемориальной доской на стене знаменитого «дома академиков» на Васильевском острове. В Совете по железнодорожным делам служил М. Н. Бенуа.

Соседний дом, 119, принадлежал МПС, но располагались в нем учреждения, подчас не имевшие отношения к железным дорогам. Об одном из них хочется рассказать подробнее. В начале XX века там располагалось Императорское российское общество рыбоводства и рыболовства. Среди его почетных членов были Альберт I, князь Монакский, С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткин... Вице-председателем общества был Сергей Николаевич Ленин. Служил он, кстати, в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Его брат Николай Николаевич Ленин служил в Министерстве юстиции. Была уважаемая фамилия... Но в 1895 году паспорт их отца, Николая Егоровича Ленина, попал в руки одному молодому марксисту, который вскоре стал подписывать свои статьи: Н. Ленин. Впрочем, эта история к Фонтанке отношения не имеет.

Как мы уже упоминали, историю противоположного берега Фонтанки

от самого Обухова моста, может быть, следовало бы представить как историю усадеб. Вот и участок домов 114–116 сначала Петр I подарил А. И. Румянцеву (отцу полководца П. А. Румянцева и деду государственного деятеля Н. П. Румянцева). Потом там располагалась усадьба одного из Зубовых. Впрочем, об этом подробно и интересно написал П. Я. Канн (как и о том, что позднее здесь располагался дом Г. Э. Боссе). Поэтому, не задерживаясь, перейдем сразу к соседнему д. 118, который в 1791 году купил недостроенным Г. Р. Державин.

До этого, кстати, он жил (1790–1791) в доме Российской академии, который мы только что упоминали. Этот же дом он купил у И. С. Захарова. О том, что это сенатор, помнят. О том, что это писатель и переводчик, уже забыли. Неизвестен архитектор, по проекту которого строился тот дом, который купил недостроенным Державин. Для Державина дом строил его друг Н. А. Львов. Он же, кстати, делал проект и того державинского дома, который должен был стоять на углу Фонтанки и Невского. В 1785 году городская управа выделила там Державину участок под застройку. И если бы все получилось, сейчас по адресу: наб. Фонтанки, д. 29, стояло бы гораздо более выразительное здание, чем ныне. Впрочем, обо всем этом подробно написала А. Б. Никитина в «Ленинградской панораме» № 10 за 1986 год. Интерьеры дома (ныне не существующие) подробно описаны у

М. И. Пыляева. В общем, об этом доме, столь много значившем для нашей литературы, сказать что-либо не слишком известное мы не беремся.

Между тем переулок на противоположном берегу тоже кое-что значит для нашей литературы. Переулок Бойцова (по-старому – Малков переулок) упоминается в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы». В один из домов в этом переулке Хлебонасушенский принес младенца Бероевой (от младшего Шадурского). На углу этого переулка и Фонтанки (точнее, на огромном участке между Малковым, Фонтанкой, Вознесенским и Садовой) во 2-й половине XIX – начале XX века располагался Ново-Александровский рынок, или, в просторечии, Толкун. Порядком-таки забытый поэт Н. Ф. Щербина в одном из своих стихов против революционеров-демократов сказал, что у них все понятия «с Толкуна или с Сенной».

Итак, мы вышли к тому месту, где Фонтанку пересекает транспортная магистраль: справа это Вознесенский, слева – Измайловский проспект. В 1923 году Измайловский проспект был переименован в проспект Красных Командиров, а Вознесенский – в проспект Майорова. Остается удивляться, почему же не переименовали саму Фонтанку в честь какого-нибудь, например, Зиновьева. Название Измайловскому вернули быстро – в 1944 году. Проспект Майорова люди постарше еще помнят. Не помнят только, кто же такой Майоров. И удиви-

тельно, что в свое время пропаганда не внедрила в сознание образ того, в честь кого назвали одну из центральных улиц. Даже в 1989 году не отметили 100-летие со дня рождения Петра Васильевича Майорова. Впрочем, личность эта и не представляется яркой. Выходец из крестьянской семьи (из Тверской губернии), он, хотя и работал в Питере на заводе, ощущал себя крестьянином, был членом партии эсеров. Большевиком стал только в 1917 году. В 1919 году погиб на Восточном фронте (служил в политотделе 4-й армии). Почему именно в его честь назвали проспект — трудно сказать. Обратимся лучше к тому времени, когда оба проспекта не были еще переименованы. Измайловский проспект напоминает нам про Измайловский полк, тем более что угловой дом (по Фонтанке — д. 120, по проспекту — д. 2) строился в конце XVIII века для командира полка Гарновского. Сейчас он стоит в несколько перестроенном виде, но и тогда он был роскошен. Впрочем, роскошный дом Гарновский строил не на жалованье гвардейского полковника. А на какие средства — об этом, во-первых, подробно рассказывает М. Н. Пыляев, во-вторых, сосед Гарновского Державин посвятил этому дому некоторые стихи. Например, когда Державину стало известно, что Гарновский просил у Екатерины II пособие на достройку дома, он написал такую эпиграмму:

*Возри, монархиня! на дом,
покрова не имущий,
В столице от крупиц
царя Тавриды суший,
Возри! и украси
сей хижинной твой трон:
Прибавь к украденным
еще хоть миллион.*

Хочется вспомнить и о некоторых других офицерах этого полка. Один из них летом 1900 года (в лагере в Красном Селе) написал замечательное стихотворение «Наш полк». Вот лишь часть его:

*Все благородное — отвага,
доблесть, долг,
Лихая удаля, честь,
любовь к Отчизне славной,
К великому Царю
и к вере православной
В едином слове том
сливается — наш полк.*

Да, кстати, звали этого офицера Константин Константинович Романов.

Впрочем, вспоминая Измайловский полк или говоря о Вознесенском проспекте, мы можем забыть о Фон-

танке. Чтобы этого не произошло, отправимся дальше. В д. 131, как свидетельствует «Всеобщая адресная книга Петербурга» за 1867—1868 годы, жил генерал-майор С. В. Кербедз 1-й. Дом, конечно, выглядел тогда не так, как теперь. В 1914 году он был перестроен по проекту А. Л. Лишневого (наиболее известное произведение этого архитектора — дом с башней на углу Садовой и Вознесенского). 1-й этот Кербедз потому, что был и Кербедз 2-й — его младший брат. Кстати, в литературе о мостах существует расхождение — где-то написано, что Кербедз, начиная строительство моста через Неву (нынешнего моста Лейтенанта Шмидта), был капитаном, где-то — что он был поручиком. Действительно, Станислав Валерианович Кербедз (то есть 1-й) был капитаном, а Ипполит Валерианович (то есть 2-й) — поручиком. Интересно еще, что на внучке Станислава Валериановича Вере Владимировне был женат М. М. Зоценко.

На противоположном берегу, в д. 132, располагалась Александровская больница. О ней столь подробно написал Б. М. Кудашев, что дополнить возможно очень немного. Интересно, что в этом здании, оказывается (свидетельствует все та же «Всеобщая адресная книга...» за 1867—1868 годы) жил гражданский инженер Карл Яковлевич Маевский. Он прославился постройкой некоего здания на Шпалерной, где жили многие замечательные люди. Так, например, жил в нем В. И. Ульянов (в камере № 193), несколько позже — Д. С. Лихачев (в камере № 273). История дома на Шпалерной — это отдельный, очень интересный сюжет.

В связи с больницей нужно упомянуть еще бюст Александра II работы скульптора Николая Акимовича Лаврецкого, установленный перед зданием в 1893 году. Его не стало после 1917 года. Лаврецкий работал много, но, увы, очень немногое сохранилось. Из его работ, дошедших до нас, в первую очередь вспоминается бюст И. И. Бецкого перед д. 50 по наб. р. Мойки.

Ну а где больница, там, само собой, и медицинская пресса. Неподалеку, в д. 143, в конце XIX — начале XX века была редакция еженедельной газеты «Русская медицина». Рядом, в д. 145, с 1892 года располагался «Вестник Российского общества Красного Креста». Но в этом доме располагалась не только медицинская пресса. О журнале «Русская старина»

мы уже упоминали в самом начале. Его история закончилась в д. 18. А в д. 143 он располагался в конце XIX — начале XX века. Его редактором с 1901 года был генерал-лейтенант Н. Ф. Дубровин, а издателем — генерал от инфантерии С. П. Зыков. Он же в 1907 году стал редактором. Между тем с 1892 года Сергей Павлович Зыков издавал ежемесячный журнал для войск и народа «Досуг и дело». Редакция располагалась там же. В том же доме была и квартира Зыкова.

Тем временем мы оказались там, где с Фонтанкой соединяется канал. И.-Г. Георги упоминал его в своем путеводителе как Никольский. Его прорыли в 1782—1787 годах от Мойки до Фонтанки. Поскольку этот канал был не что иное, как продолжение Крюкова канала, соединившего Неву с Мойкой, со временем весь канал (от Невы до Фонтанки) назвали Крюков. Крюков канал — тоже интереснейшая тема. Ее недавно блестяще раскрыл В. П. Исаченко, поэтому мы о Крюковом канале ничего говорить не будем. Нужно лишь упомянуть, что в 1910 году Л. Бенуа, М. Перегаткович и Ф. Енакиев разработали план полной перестройки центра города, чтобы приспособить старый Петербург к новым требованиям, которые предъявлял столуце государства XX век. По этому плану на месте Крюкова канала должна была появиться улица — чтобы связать с Благовещенской площадью новую площадь около Измайловского собора. Остается только порадоваться, что вскоре обстоятельства помешали вообще строить какие-либо планы перестройки, а затем и надобность в подобных планах исчезла.

Больше до самого Лермонтовского проспекта не будет ничего, о чем мы могли бы рассказать. У пересечения с Лермонтовским проспектом хочется упомянуть о том (хотя об этом и рассказывает энциклопедический справочник «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград». М., 1992), что Лермонтовский проспект появился только в 1912 году, до этого были три отдельные улицы. Так, на нашем пути вдоль Фонтанки слева начинался Ново-Петергофский проспект, который шел до Обводного канала, а вправо уходила к Екатерининскому каналу Могилевская улица. Сейчас о том, что она была, напоминает Могилевский мост через канал Грибоедова у самого начала Могилевской улицы, там, где у канала заканчивалась Большая Мастерская улица.

А по ту сторону Лермонтовского пр. — д. 159. Это, наверное, самая красивая постройка А. Ф. Бубыря, в наибольшей степени «северный модерн». В одной из радиопередач серии «Прогулки по Петербургу» В. Бузинов очень интересно рассказал о хозяине этого дома (который и заказал его постройку) — о купце Константине Ивановиче Капустине, а также о тех, кто снимал в нем квартиры (а квартиры снимали многие балерины Мариинского театра).

На четной стороне Фонтанки сразу за гостиницей «Советская» раскинулись корпуса Экспедиции изготовления государственных бумаг (ныне фабрика «Гознак»). Заведение это столь серьезное, что о нем подробно рассказывается в словаре Брокгауза. Там, в частности, говорится о том, что бумага для ассигнаций сначала производилась на частных фабриках, с 1785 года — на казенных бумажных «мельницах» в Ропше и Царском Селе (печатали ассигнации в Сенатской типографии), а в 1814 году приобрели участок земли и в 1816—1818 годах построили здания для Экспедиции. В словаре Брокгауза (то есть для всей России!) было сказано, что этот участок земли был приобретен на Фонтанке.

Работа Экспедиции началась в 1819 году. К началу XX века (ко времени выхода соответствующего тома словаря) по действовавшему на тот момент Положению об экспедиции (принятому в 1878 году) управляющий Экспедицией назначался и увольнялся лично царем по представлению министра финансов. Рабочие Экспедиции имели 8-часовой рабочий день, у их детей были свои школа, ясли, больница...

Пятиэтажный корпус гостиницы построили в 1972 году как раз на месте жилого дома Экспедиции (д. 144). Этот жилой дом нужно рассматривать вместе с ныне существующим домом 144 а. Сейчас это административное здание фабрики. Свой нынешний вид оно получило в 1905 году — была перестройка по проекту Евгения Романовича (Робертovichа) Баха. Этот архитектор, пожалуй, более известен своей мемориальной доской к 100-летию Лицея на стене лицейского здания, а также, конечно, и тем, что он брат того самого Роберта Робертovichа Баха — скульптора, автора памятника Пушкину-лицейству в лицейском саду. Е. Р. Бах, кстати, и жил в этом здании с начала XX века. Там же с 1914 году жили Г. Г. Голи и

А. А. Даугель. Тогда же в том здании начались репетиции Великорусского оркестра. Потом (если только мы верно поняли справочник «Весь Петроград») эти репетиции переместились в соседний д. 144. Шла война с Германией, а тут все так патриотично — балалайки, домры, гусли... Оркестр играл под управлением Евгения Рудольфовича фон Левена. Кроме того, во время Германской войны (по тому же источнику) Голи и Даугель тоже жили там.

Дальше до самого д. 148 идут корпуса Экспедиции. А на противоположном берегу наше внимание привлечет, конечно, д. 165. Он принадлежал самому Иерониму Севастьяновичу Китнеру — как это часто бывало, по его проекту дом и был построен (точнее, перестроен) в 1903—1904 годах. Жил в этом доме его сын Максимилиан — тоже архитектор, но не такой известный.

В д. 148 с 1797 по 1904 год находился Повивальный институт. О нем упоминал в своем «Новейшем путеводителе...» 1820 года еще Шредер (Герорг чуть-чуть не успел). Шредер писал, что в 1797 году Мария Федоровна купила дом графа Зубова и основала там Родильный и повивальный институт. О нем подробно рассказывает все тот же энциклопедический справочник «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград». В 1893 году директором этого заведения был назначен Д. О. Отт. Его квартира находилась в том же здании. Именно он добился перевода института в новое здание на Васильевском острове, где он располагается и по сей день. А в здании разместилась больница им. Кауфмана, при ней — община сестер милосердия Красного Креста им. генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана и школа сиделок Красного Креста. Как свидетельствует «Весь Петербург» за 1906 год, «Община имеет целью подготовку высшего женского санитарного персонала, школа сиделок — низшего. В общину принимаются только лица, окончившие гимназии, институты или епархиальные училища». При советской власти больница стала называться им. М. С. Урицкого.

Дальше по левому берегу идут сплошь больницы. Д. 152 — Елизаветинская детская больница. О ней тоже написано достаточно, поэтому мы хотели бы упомянуть только некоторых членов попечительского комитета больницы, которых называет справочник «Весь Петербург». Так, и в

конце XIX, и в начале XX века среди членов комитета упомянуты и Дмитрий Оскарович Отт, и Иван Васильевич Рукавишников. Богач Рукавишников вспоминается в первую очередь как отец Елены Ивановны Рукавишниковой — жены Владимира Дмитриевича Набокова и матери Владимира Владимировича Набокова. «Весь Петербург» за 1901 год называл почетным попечителем Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого.

В следующем доме — 154 — тоже больница. В 1897 году при Крестовоздвиженской общине была открыта Александро-Мариинская больница и лечебница для приходящих больных. Здание было построено по проекту Ю. Ю. Бенуа.

Крестовоздвиженская община сестер милосердия была столь значительна, что о ней тоже есть статья в словаре Брокгауза. Там рассказывается, что община была создана в 1854 году и отправила в Крым 120 сестер. Из них умерли 10. А всего на театры Восточной войны отправили 250 сестер. До 1894 года община находилась в ведомстве Елены Павловны. Потом она стала подчиняться Российскому обществу Красного Креста.

В д. 156, на углу со Старо-Петергофским проспектом, находится Морской госпиталь. Если верить мемориальной доске, укрепленной на фасаде со стороны проспекта, он был основан еще при Петре I. Это, конечно, так, только тогда этот госпиталь находился на Выборгской стороне, где теперь главное здание Военно-медицинской академии. По проекту Д. Трезини были построены рядом два здания — для Морского и для Сухопутного госпиталей. О Морском госпитале — о том, как он выглядел, какие там были порядки — очень интересно написал Джон Кук в книге «Путешествия и странствия по Российской империи» (1736). Мы ее уже упоминали в самом начале нашего путешествия по Фонтанке — цитировали ее по сборнику Ю. Беспятых «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях». В каком году госпиталь был переведен сюда, точно сказать не можем, но здание было построено (по Б. Кудашеву) в 1826 году, а «Всеобщая адресная книга...» за 1867—1868 годы упоминает по этому адресу Морской Калининский госпиталь.

Итак, мы дошли до Старо-Петергофского пр. Когда-то гармонировали друг с другом названия Ново-Петергофский и Старо-Петергофский. По-

том Ново-Петергофский стал частью Лермонтовского, потом (в 1923 году) Старо-Петергофский стал проспектом Юного Пролетария. Это забавное название существовало до 1933 года, когда проспект получил наименование в честь И. И. Газа.

Прежде чем перейти проспект, посмотрим на противоположный берег реки. Там, впрочем, мы не найдем ничего, кроме того, что давно хорошо известно. Вот разве только д. 185. Казалось бы, уж он-то известен хорошо — дом, где с 1817 по 1820 год жил А. С. Пушкин. И тем не менее вице-адмирала Алексея Федотовича Клокачева, тогдашнего хозяина дома, вспоминают не очень. Не вспоминают, что он участвовал в войне со Швецией 1788–1790 годов, в убийстве Павла... Возможно, его больше помнят в Вологде, где он служил генерал-губернатором. Его отца, Федота Алексеевича, участника Чесмы, вспоминают еще реже.

В связи с жительство в том доме А. С. Пушкина вспоминается одна веселая и добродушная эпиграмма А. А. Дельвига (Пушкин жил у родителей, а его отец был несколько скуповат):

*Друг Пушкин! Хочешь ли отведасть
Дурного масла и яиц гнилых?
Так приходи со мной обедать
Сегодня у твоих родных.*

Л. Н. Павлицев пишет в своих воспоминаниях (конечно, со слов матери), что Александр Сергеевич нарочно нарвался на ссылку (то есть нарочно писал неосторожные стихи), чтобы вырваться из-под опеки своей матушки Надежды Осиповны.

Больше до самой Калининской площади нам нечем привлечь внимание читателя. Разве только вспомнить, что название «Калинкина» хранит память о том далеком времени, когда города еще не было, а была на этом месте финская деревня Каллина, которую русские переименовали в Калининку — так понятнее. Обо всем этом писал Столпянский. Река, кстати, тогда называлась по-фински Кемейоки. О морском сражении здесь, в устье Фонтанки, 7 мая 1703 года, хорошо написал Горбатенко, о Подзорном дворце — Грабарь и Пыляев. Единственное, на чем хочется акцентировать внимание в связи с дворцом (находившимся на территории нынешнего Адмиралтейского завода), — если бы он сейчас существовал, это

была бы единственная в городе постройка голландского архитектора Стефана ван Звиттена. Как верно отметил И. Э. Грабарь, Петр I, хоть и любил Голландию, мало приглашал голландских архитекторов.

Перейдя Старо-Петергофский проспект, мы увидим на берегу реки пустую площадку. Как пишет Б. М. Кириков, здесь была часовня. Ее построили в 1891–1892 годах по проекту В. А. Косякова в память о спасении императорской семьи во время крушения поезда 17 октября 1888 года. По этому случаю по всей России было построено много часовен. Строились они наскоро и художественным своеобразием не отличались.

Итак, мы идем вдоль левого рукава Фонтанки. Напротив нас, на острове, — Адмиралтейский завод. До устья остается всего несколько зданий. Понятно, что здесь, на далекой окраине, старались расположить заведения, содержать которые в центре или ближе к центру было по тем или иным причинам неудобно.

Вот, например, д. 164. Здесь располагался Благородный пансион при Педагогическом институте, но располагался он тут недолго — с 1817 по 1820 год. Потом его перевели значительно ближе же к центру. Дом приобрел свой нынешний вид уже после переезда пансиона — в 1823 году. Что здесь располагалось потом — мы, увы, сказать затрудняемся. А с конца XIX века здесь размещалось Николаевское женское училище. «Весь Петербург» за 1901 год сообщал, что училище состоит под покровительством императрицы, что оно «имеет целью тем из воспитанниц Николаевского сиротского института, которые не в состоянии продолжать курс наук, датьсообразно их умственным способностям воспитание». Значит, училище было для неполноценных. А список предметов вполне соответствует нашим понятиям о норме: есть и русский, и французский языки, история, география, арифметика... Почетным опекуном училища был Николай Аркадьевич Тимирязев — брат знаменитого Климента Аркадьевича.

В соседнем д. 166 была больница, которую тоже хотелось спрятать подальше, а при ней было и училище.

Историю этого места нужно начинать, видимо, с деревянной церкви Св. Екатерины, построенной в 1721 году.

В 1781 году церковь была перенесена в другое место, а в 1837 году была построена каменная церковь во имя Св. Екатерины на Старо-Петергофском проспекте. А на участке д. 166 в 1778 году была создана венерическая больница. В 1863 году при больнице было организовано училище, название которого может сбить с толку. Это Суворовское училище. Оно готовило повивальных бабок, организовано было по инициативе тогдашнего генерал-губернатора Петербурга Александра Аркадьевича Суворова. «Весь Петербург» за 1906 год говорит, что училище «Имеет целью обучить повивальных бабок распознаванию и лечению венерических болезней у женщин и детей и практически познакомить их с некоторыми... болезнями и вообще подготовить лиц, имеющих диплом повивальной бабки 1-го разряда, к исполнению на земской и городской службе должности фельдшер-акушерки». Практику проходили в Калининской (то есть своей), Обуховской и Александровской больницах (между прочим, все три на Фонтанке). Курс обучения составлял два года, вступительные экзамены по общеобразовательным предметам требовали знания их на уровне прогимназии.

И последнее, чему мы уделим внимание, это д. 170. Накануне большевистского переворота это было Акционерное общество по обработке строительного камня «А. Д. Благодарев». Хозяин, инженер-архитектор Аполлинарий Денисович Благодарев, жил там же. Именно у него служил инженер Балинский, подавший в 1902 году в Городскую думу проект метрополитена.

Итак, мы закончили нашу прогулку по Фонтанке. Мы подошли к устью. Почему-то в литературе пишется, что Фонтанка впадает в Неву. На наш взгляд, она впадает в Финский залив. По пути мы коснулись самых разнообразных сюжетов — и истории культуры, и истории медицины, и истории техники. Мысленно мы побывали и в XVIII веке, и в XIX, и в начале XX века. Вспомнили многих замечательных людей — и тех, чья жизнь была так или иначе связана с Фонтанкой, и тех, которые сделали Фонтанку темой своих исследований. Надеемся, что наши скромные заметки станут неплохим дополнением к той картине, которую они создали общими усилиями.

Деталь ворот ограды Летнего сада

Летний сад — душа Петербурга

Н. А. Нарышкина

Начать этот очерк было бы, пожалуй, самым справедливым, как у Н. В. Тоголя в его знаменитом «Невском проспекте», воскликнув: «Нет ничего лучше Летнего сада!». Он олицетворял красоту и одухотворенность Петербурга, он — его душа. Он отражал все стороны Петербурга, от поэтических, интимных до высоко гражданских, трагических и эпических.

*Я к розам хочу в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невшкою помню водою,* —

писала Анна Ахматова. В годы Великой Отечественной войны — о статуе Летнего сада «Ночь», как о живом, родном, самом близком:

Ноченька!

.....

Доченька!

Как мы тебя укрывали

Свежей садовой землей.

Создавался Летний сад более чем за 200 лет до этих замечательных поэтических строчек. Замыслил его неутомимый Петр I, охочий до всего нового. Ему виделся сад, подобный чуду. Еще в 1704 году он писал в Москву: «...всяких цветов из Измайлова не по малу, а больше тех, кои пахнут, прислать в садовники в Питербурх»¹. В 1717 году, отправившись в Европу, Петр много внимания уделял Версалию и «версальскому огороду», где для него «пущены были все фонтаны и прочие игровые воды...».

Двадцать с лишним лет непрерывно заботился Петр о саде.

Много хлопот доставляло приобретение для сада мраморных статуй. Необычна история мраморной Венеры. Изваянная в Древнем Риме по греческому оригиналу III века до н.э., она очень понравилась агенту Петра в Риме Кологривову, который так охарактеризовал ее в письме: «Венус римский, девка мраморовая». Однако папа римский запретил вывозить эту скульптуру.

Кологривов прислал депешу: «Как могу хоронюся от известного охотника»². Петр понял и направил в помощь одного из самых тонких дипломатов, Савву Рагузинского; тот предложил папе в обмен на обнаженную «девку» мощи Святой Бригитты, особенно почитаемой католической церковью. От такого подарка папа не мог отказаться, и разрешение было дано.

Чтобы не разбилась по дороге «госпожа Венус», царь сделал распоряжение: «Повелеваем отправить оную до Инзурка на мулах в качалке, оттуда Дунаем до Вены, где препоручить Ягужинскому, чтоб он сделал для сего карету на пружинах и отправил бы водою до Кракова». Так с превеликими предостережениями Венера была доставлена в Летний сад.

Не меньше заботился Петр о планировке сада. Сохранилось несколько планов сада: Я. Розена (1714), Ж. Леблона (1714), М. Земцова (1723),

а также собственный чертеж Петра (1716). Петр любил говорить, что прямые аллеи парка, подстриженные деревья, «водные куншты» и мраморные статуи «зело первейшим монархам приличествуют».

Часть теперешнего Летнего сада и Марсова поля представляла собой тогда низину, поросшую чахлым кустом.

Ограда Летнего сада

тарником. Чтобы ее осушить, прорыли каналы. Работы были грандиозные, но Петр лично следил за их ходом, и они были выполнены.

Попадали в Летний сад прямо с лодок, по ступенькам галерей. Галерей было три. Две боковые — золоченые. Центральная — «на столбах российского мрамора», пол в ней был выстлан черными и белыми плитами. Центральную галерею украшала мраморная «госпожа Венус». Ее охранял часовой в мундире Преображенского полка с алебардой.

На главной аллее, шедшей от «Венериной галереи», один за другим высоко выбрасывали переливающиеся серебром струи фонтаны. Вода подавалась из реки Лиговки к бассейну, устроенному на улице, получившей название Бассейная. Оттуда по свинцовым трубам вода шла к башням, где ее поднимали колесной машиной.

Возле первого фонтана из белого мрамора разбили Царицыну, или Дамскую, площадку. Возле второго — восьмиугольную Шкиперскую площадку, где Петр обычно сидел с приезжими иностранцами.

В пруду плавали редкие рыбы и маленький кораблик, на котором катался карлик-шут. На крыше птичника в форме китайской пагоды сверкал флюгер — золотой дракон. Несколько дальше — фонтан, украшенный золочеными вазами. Блеск золота, отраженный в воде и мраморе, придавал саду даже в пасмурный день подобие сверкавшего волшебного чуда.

На берегу Фонтанки, на месте нынешнего Кофейного домика, построенного архитектором Карлом Росси, был воздвигнут Грот — павильон с высоким куполом и золочеными статуями по краям крыши. Его стены и колонны были выложены камешками и раковинами. «Для убирания» Грота раковины выписывались из Голландии и Италии. В центре Грота возвышался бог морей Нептун. Его фигура, так же как и фигуры остальных четырех фонтанов, горела золотом.

В саду журчала вода фонтанов; в «Вольере» щебетали птички. А в Гроте, как только начинала бить вода фонтанов, из скрытого водяного органа слышалась нежная мелодия.

По саду разносились тончайшие ароматы цветов. Ради искусства «Parfum» цветы и деревья выписывали из всех стран Европы: тюльпаны — из Голландии, розы — из Дании, белые лилии — из Нарвы, из Швеции присылали яблони. Среди клумб час-

то «плыли» изящные фарфоровые кораблики.

По мосту, перекинутому через Лебяжий канал и скрывавшему фонтан-шутиху, гости попадали во второй Летний сад, который славился сложным лабиринтом и фонтанами на темы басен Эзопа. Любопытные сведения приводил один из современников, Якоб Штелин. Как-то раз Петр сказал садовнику: «Я желал бы, чтобы люди, которые будут гулять здесь, в саду, находили в нем что-нибудь поучительное, как же нам это сделать?». «Я не знаю, как это сделать, — отвечал садовник, — разве Ваше Величество прикажет разложить по местам книги, прикрывши их от дождя, чтобы гуляющие могли их читать?». Государь рассмеялся в ответ: «Ты почти угадал; однако... моя выдумка лучше. Я думаю поместить здесь изображение эзоповских басен»³.

Возле входа в лабиринт стояла позолоченная статуя горбатого Эзопа. На каждом повороте дорожек, в нишах зеленых шпалер, в боскетах — скульптурные группы, изображавшие

персонажей эзоповских басен: «Лисица с петухом»; «Орел, лягушка дамышь»; «При павлине два соловья»; «Змей наковальню грызет» и т.д. Описание этих фонтанов таково: «Оные звери» по большей части были сделаны «в природную величину, вылиты из позолоченного олова и в рассуждении своего положения мечут воду». Рядом с фигурами в рамках за стеклом был помещен текст басен с толкованием, составленным Петром.

Прямые аллеи вели к фигурному пруду, где разводили карпов для царского стола, его название Карпиев пруд. Он сохранился до наших дней, и в нем по-прежнему плавают лебеди.

*И лебедь, как прежде,
плывет сквозь века,*

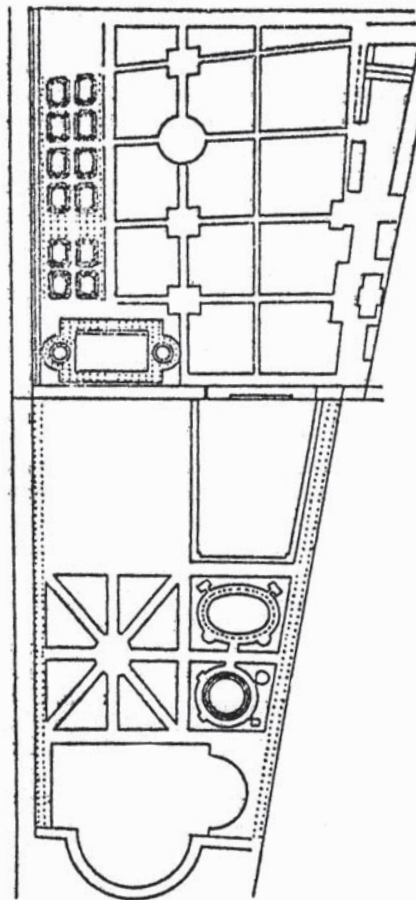
Любуясь красой своего двойника.

Дальше, на месте Михайловского замка, разбили еще один сад — «сад с маленькой речкой». На его территории тоже был и дворец, пруд, лабиринт, а также беседка в кроне огромного дерева.

Гости подъезжали по Неве на яликах и галерах. Их встречала музыка рогового оркестра. Гулянья Петр превращал в школу образования и воспитания. В «Венериной галерее» шли танцы, одеты все были по европейской моде, при встрече снимали шляпы.

В 1712 году от апреля 17-го государь «перешел в Летний дом на житье». Сильно заболоченная приневская земля делала наиболее удобным сообщением по воде. Поэтому возле зданий сооружались маленькие гавани, или «гаванцы», как их тогда называли. У Летнего дворца был такой «гаванец».

Летний дворец — одно из ранних дворцовых сооружений Петербурга. В его облике отразились характерные особенности петербургского, петровского барокко, свойственная ему четкость планировки и мелкая застекловка окон. Создание архитектурного образа петровского дворца — уютного домика, прячущегося в густой зелени парка и в то же время высветленного со стороны двух рек и отраженного в них, принято связывать с именем Доменико Трезини, первого «архитекта» города, а также с именем талантливого мастера Андреаса Шлютера. Облик дворца не сопоставлялся с архитектурой северного соседа России — Дании, а тем не менее именно с Дании Петр начал свое знаменитое путешествие по Европе 1717 года. Двух-, трехэтажные дома датских горо- словно выросшие из воды и в

План Летнего сада.
Копия чертежа Петра I 1716 г.

Ворота Летнего сада. Слева — часовня. Фото К. К. Буллы. 1890-е гг. Инв. ЭРФт-85

то же время сохранившие уютный и какой-то обжитой, радостный вид, не могли не привлечь Петра.

Недалеко от дворца в саду стояла мраморная группа, посвященная Ништадтскому миру. Некоторая вычурность жестов беломраморных фигур и четкий силуэт всей композиции делали ее «читаемой» как из комнат дворца, так и из далеких перспектив зеленых аллей и, что не менее

важно, — с водных поверхностей Невы и Безымянного Ярика — реки, которая свое современное название — Фонтанка — получила благодаря фонтанам Летнего сада. Скульптурная группа, известная под названием «Мир и изобилие», была выполнена итальянским скульптором П. Баратта. Россия представлялась в виде молодой женщины, державшей в правой руке опрокинутый факел (символ оконча-

ния войны), а в левой руке — рог изобилия. Рядом с Россией — крылатая богиня победы Ника. Летний сад был наполнен мраморными скульптурами XVII — начала XVIII века работы известных итальянских мастеров П. Баратта, Д. и П. Гроппелли, Ф. Кабианка, Д. Зорзони и других.

В литературе о Летнем саду акцент делался на сюжетах, прославлявших победу России над Швецией. Однако богатейший «материал» самого искусства, расцветшего в Летнем саду и в Летнем дворце Петра, позволяет расширить эту позицию. В числе первых мраморных бюстов, украсивших сад, был портрет шведской королевы Христины. Современный шведский историк Бенгт Янгфельд в статье «Граф Готландский посещает Санкт-Петербург» пишет: «Король был польщен приемом, оказанным ему в Академии наук, где он, в частности, мог полюбоваться несколькими бюстами выдающихся шведов: королевы Кристины, Линнея и химика Валериуса»⁴. Таким образом, появление бюста шведской королевы Христины в Летнем саду получает совсем иное звучание. А скульптурную группу Летнего сада «Амур и Психея» можно было тогда трактовать так: две державы — Россия и Швеция — увидели друг друга в свете мира и полюбили друг друга.

Аллея Летнего сада

В 1833 году в саду возле Карпиева пруда появилась ваза из розового эльфдальского порфира — подарок шведского короля. Сделанная по образу античной, найденной при раскопках древней Помпеи, строгая и величавая, она достигает вместе с темно-красным порфировым постаментом пятиметровой высоты.

Тема мирных преобразований, мореплавания и культуры проходит также и через Летний дворец. В его приемной висят, как и 300 лет назад, портреты сподвижников Петра. В кабинете много книг; библиотека, насчитывавшая 255 томов, послужила основой для создания первой общественной библиотеки в России. В токарне Петр занимался своим любимым ремеслом. Заведовал токарней талантливый механик Андрей Нартов. На стенах токарни — изображения кораблей, выполненные голландским художником Адамом Сило. Петр приобретал эти картины как учебные пособия при изучении вопросов кораблестроения.

Танцевальную комнату дворца украшают старинные зеркала в резных рамах палисандрового дерева русской работы. Зеркала были новинкой, они только появились в убранстве российского интерьера. В таких залах с зеркалами нередко проводились ассамблеи. Указом Петра определялись даже те дома, в которых проводились ассамблеи. Указ этот дополнялся изданием специальной книги «Юности честное зерцало», которая сообщала, как и в каких случаях надобно себя вести. Несмотря на архаичность звучания, многие из «правил» не утратили своей актуальности: «Не хватая первым блюдом»; «Не сопи, когда ешь»; «Над яствами не чавкай»; «Не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне...».

Каждый зал Летнего дворца — целый этап петровской системы просвещения. В Зеленом кабинете дворца полностью сохранилась первоначальная отделка. В стены, украшенные живописью по дереву и пилястрами с резными золочеными капителями, вделаны шкафы, в которых хранились коллекции редкостей, собиравшихся по всей России. «Диковинки» эти легли в основу Кунсткамеры, первого русского музея, учрежденного в Петербурге указом Петра I.

Таким образом, «хорошие манеры» шли рука об руку с всевозможными кунштами (искусствами), ремеслами и образованием.

На стенах личных комнат Летнего дворца висят портреты членов се-

Ограда Летнего сада. Фрагмент. Арх. Ю. Фельтен и П. Егоров

мьи Петра: его жены Екатерины I, рано умершего сына Петра Петровича, Шишечки, как его любовно называли в семье, в также сестры Петра I Натальи Алексеевны. Горячая поклонница театра, Наталья Алексеевна создала в 1714 году первый общественный театр в Петербурге, доказав тем самым, что русская женщина может служить своему Отечеству и его культуре.

Театр, ассамблеи, библиотека, коллекция «кунштов» в Летнем саду должны были, по мысли Петра, прививать людям новые — европейские — формы общения. Просвещение он считал одной из важнейших забот и никогда не жалел на него денег.

Летний сад стал образцом архитектурного, или регулярного, садового паркового искусства, получившего распространение в Европе. Со всей строгостью требовал Петр «бережения дерев». Когда в березовой роще (на месте нынешнего Гостиного двора) стали рубить деревья на дрова, царь велел ловить «порубщиков»: «Таких

винных людей всякого чина не одно сто нашлось», из них «по жребию» каждого десятого присудили к смертной казни через повешение. Но затем их всех выпороли на «невской дороге» (проспекте) «для науки» и отпустили. Порубщиков в столице больше не находилось.

В Летнем саду кроме крестьян из приписанных к царскому саду деревень постоянно работали два мастера, два садовника, семь огородников, шесть возчиков, 19 садовых рабочих и семь учеников, которые изучали «садовую теорию». Отечественная школа паркостроения, зародившаяся в Летнем саду, не раз пригождалась впоследствии при создании дворцово-парковых ансамблей под Петербургом.

Статуи Летнего сада, скульптурные группы, бюсты, купленные по заказу Петра в Италии, превращали Летний сад в уникальный музей скульптуры. Фонтаны же Летнего сада погибли во время наводнения 1777 года; только при недавних рес-

таврационных работах были обнаружены их основания.

В последний год своей жизни Петр I стал очевидцем одного из самых страшных наводнений. Всю ночь, стоя по пояс в ледяной воде, спасал людей. Подъехал к Летнему саду — галерея была полуразрушена, но Венера уцелела. В подозрную трубу Петр увидел возле нее человека. Солдат, охранявший статую, не покинул своего поста. Настигнутый поднимающейся водой, ооченев от холода и усталости, он стойко разделял с Венерой ее участь.

Статую после смерти Петра поместили в Грот Летнего сада, в 1860 году — в Таврический дворец, а оттуда в 1880 году — в Эрмитаж, где она стоит сейчас в залах античного искусства, называясь «Венера Таврическая». Это самая прославленная статуя Эрмитажа и «первая античная статуя, привезенная в Россию. С нее ведет начало коллекция греческой и римской скульптуры, хранящейся ныне в музеях страны»⁵.

Во второй половине XVIII века, когда Петра I уже давно не было в живых, в жизни Летнего сада произошло еще одно крупное событие: со стороны Невы он был обнесен решеткой по проекту архитекторов Ю. Фельтена и П. Егорова. Она прославилась далеко за пределами Петербурга: своей простотой и в то же время изяществом, легкостью чугунных букетов роз, свисающих из ваз, сочетанием ажурности с монументальностью. Чугун был отлит на Тульском заводе, известном художественным литьем, верхние части решетки вызолочены червонным золотом из монет.

Знаток Петербурга еще в XIX веке рассказывали легенду: однажды туманным петербургским утром возле Летнего сада причалила ладья. Из нее вышел иноземец в широкополой шляпе. Он медленно двинулся вдоль ограды, явно любясь. Навстречу ему из ворот сада шел молодой петербуржец... Иноземец объяснил, что ему посчастливилось увидеть все чудеса света, не видел он лишь знаменитую решетку Летнего сада. Он не

может закончить жизнь, так и не увидев этого чуда. Ограда прекрасна! Она сделана из гранита и чугуна и так воздушна! Он сравнил ее с фугами Баха: та же чистота и возвышенность звучания. Тем, кто выбрал ее местоположение, руководил сам Бог! Много великолепных оград знает Европа, но такого завораживающего впечатления не производит ни одна из них. Здесь же, из сада, сквозь ограду виден простор Невы, а с набережной сквозь музыку чугунных кружев ограды видны тенистые аллеи и игра солнечных бликов на мраморных статуях. И второе — пропорции. Мера — вот тайна великого искусства. Два чудака, встретившись ранним утром у решетки Летнего сада, стали духовно близкими друг другу. Один из них — писатель Гончаров, другой — писатель Стивенсон. Замечательная история!⁶ Но ее не было. Даты жизни Гончарова и Стивенсона не оставляют нам надежды — эти две романтические души не могли «пересечься» в то время.

Однако в Петербурге есть еще одна «решетка Летнего сада». Почему никто не торопится полюбоваться ею? Да потому, что в ней отсутствует то, что так точно подметил иноземец. Она затиснута строениями, и нет вокруг нее простора. Речь идет об ограде в Петропавловской крепости, которая находится в непосредственном «контакте» с Петропавловским собором. И даже многие сотрудники крепости-музея, ежедневно проходящие мимо нее, не сразу скажут, где находится решетка такая же, как в Летнем саду. Кроме того, в каждом пролете между гранитными колоннами на два звена меньше, чем в ограде Летнего сада. Все то же и не то. Вот что значит в искусстве пропорция...

Тысячи людей восхищаются оградой Летнего сада и приходят на поклон таланту ее авторов, и мы с вами, «любезный мой читатель», как писал А. С. Пушкин, среди них. Приходили до нас, будут приходиться и после нас.

Еще мальчиком Пушкин любил гулять здесь, где некогда бывал и его прадед — «арап Петра Великого».

В 1833—1834 годах Пушкин жил рядом с Летним садом: «Летний сад —

мой огород, — писал он. — Я, вставши ото сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома».

Его воображением владел образ великого основателя города на Неве и Летнего сада; он заканчивал «Медный всадник», напряженно работал над «Историей Петра Великого», которая была высоко оценена в Европе. Ее называли во Франции «удивительной книгой», ибо в ней «взгляды Пушкина на основание Петербурга были совершенно новы» и обнаруживали в нем «великого глубокого историка»⁷.

Летнему саду посвящали свои строки П. Вяземский, Д. Мережковский, А. Ахматова, Вс. Рождественский, А. Решетов, В. Торчинский, Вс. Азаров.

С Летнего сада началась творческая судьба украинского поэта Тараса Шевченко. Туда, еще будучи казачком у графа Энгельгардта, в белые ночи он бегал делать зарисовки со светящихся в призрачном воздухе мраморных фигур. Летний сад «благословил» Тараса: он был выкуплен из неволи с помощью Брюллова, Жуковского и Виельгорского, стал учиться в Петербургской академии художеств⁸.

В Летнем саду часто бывали и очень его любили И. Гончаров, Д. Григорович, А. Куприн, В. Маяковский и многие, многие другие.

В конце 1930-х годов по городу пошел слух, что в Летний сад ночью стал заходить первый генерал-губернатор Северной Пальмиры Александр Данилович Меншиков в костюме петровского времени, да так и было — известный артист Н. Симонов во время съемок фильма «Петр I» таким образом «вживался в образ»⁹.

Тонко чувствовал «исторический воздух» сада П. И. Чайковский. Свою любимую оперу «Пиковая дама» он начал сценой в Летнем саду.

А ныне в Летнем саду открылся цикл воскресных концертов. Выступления музыкантов продолжают сегодня традицию живой музыки в аллеях этого «бессмертного подарка», сделанного Петром I.

¹ Цит. по кн.: Татарская Г. М. Летний сад. Л., 1982. С. 4.

² Кузнецова О. Н., Сементовская А. К., Штейман Ш. И. Летний сад. Летний дворец. Домик Петра I. Л., 1960. С. 12.

³ Синдаловский Н. А. Петербург. От дома к дому... от легенды к легенде. Путеводитель. СПб., 2000. С. 136.

⁴ Янгфельд Бенгт. Граф Готландский посещает Санкт-Петербург // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 66.

⁵ Шапирл Ю. Г. Эрмитаж. Путеводитель по выставкам и залам. Л., 1987. С. 29.

⁶ Успенский В. У Летнего сада // Петербургские зодчие. Л., 1948. С. 80.

⁷ Нарышкина Н. А. Наш Пушкин. СПб., 2000. С. 31.

⁸ Нарышкина Н. А. Т. Г. Шевченко и художественная культура Петербурга // Санкт-Петербург. Культура и традиция. СПб., 1995. С. 82.

⁹ Аренин Э. Наш знакомый Летний сад // Смена. 1974. 29 сент. № 229.

Таврический сад

И. А. Пономарев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы с детства помним фразу из сказки Корнея Ивановича Чуковского «Мойдодыр»: «Я к Таврическому саду, не репрыгнул через ограду...». Для многих имя сада такое же сказочное, как сама сказка, но для меня Таврический сад — это реальность: все детство и юность я прожил рядом с ним — на Таврической улице.

XVIII век — век садов и парков. Весь современный центр города утопал в зелени. Император Петр I и императрицы (а их было достаточно в тот галантный век) любили окружать себя садами. В те годы, осваивая новую территорию, вырубали леса, осушали болота и разводили сады. Вот беглое перечисление их: три Летних — два на территории нынешнего Летнего сада и один — на месте сада Михайловского дворца. Через Фонтанку до нынешней улицы Восстания простирался большой Итальянский сад; иногда его называли 4-м Летним садом. Нынешнее Марсово поле, между двумя каналами (Лебяжьим и Красным), представляло собой в то время зеленый остров. Урбанизация все больше засасывает город в «каменные джунгли». Все меньше зелени окружает нас, поэтому приятно и полезно освежить в памяти те «благословенные времена».

Одним из зеленых оазисов, сохранившихся с тех пор, является Таврический сад. Конечно, он уже не тот, что был в XVIII веке, но от нас завясят его краса и само существование. История сада насчитывает более 200 лет. Постараемся восстановить все этапы его жизни, о которой мы порой очень мало знаем.

ТЕРРИТОРИЯ, НА КОТОРОЙ БЫЛ СОЗДАН САД

Таврический дворец и сад были созданы в 80-е годы XVIII века, однако еще задолго до того времени эти земли не пустовали. На приневской территории до основания Петербурга насчитывалось несколько десятков деревень. На месте Таврического сада были деревни Сабирино и Осиново.

Следующее упоминание этих мест связано с историей создания Невского проспекта. По трассе нынешнего Лиговского проспекта шла старинная Новгородская дорога, которая соединяла русские поселения в районе Невы с Новгородом и далее — с Москвой. У будущего Таврического сада дорога делилась на три тропы: восточную — к Спасскому посаду* (он стоял на месте Смольного); среднюю — в районе современного Литейного моста, и западную — к нынешнему Инженерному замку. По этой дороге

* Чаще упоминается как село Спаское. — Ред.

Вид на Таврический дворец из сада. Фото автора

Хочу поблагодарить Р. Э. Павлову за огромную помощь при создании этой статьи, за ее ценные советы.

«Таврический сад»; сразу же ассоциация — Таврический дворец. Долгое время они были единым целым, но затем зажили каждый своей собственной жизнью. Во многих обзорных краеведческих книгах (путеводителях, спутниках туриста) рассказывается большей частью о Таврическом дворце, саду же отведена роль Золушки — две-три строчки, а то и полное молчание.

Этой своей статьей о Таврическом саде я хочу отдать дань памяти моему далекому и невозвратному детству.

Портрет Стефана Яворского. С гравюры И. Зубова. 1719 г.

первоначально подвозили материалы для строительства Адмиралтейства, но дальность и извилистость ее заставили искать иной путь. Им стала вновь прорубленная напрямую просека — будущий Невский проспект.

В первое десятилетие жизни юного города участки на левом берегу Невы (Московская сторона, позднее Литейная часть) были отданы членам царской семьи. Там были выстроены дома Алексея Петровича, сына Петра I, и царских сестер-царевен Натальи Алексеевны и Екатерины Алексеевны. Во дворце Натальи Алексеевны, расположенном на нынешней Шпалерной улице, был создан русский театр, первый в Санкт-Петербурге и в России.

В 30-е годы XVIII века эти дома стали собственностью государственной казны.

Участок Екатерины Алексеевны был «отдан в артиллерию» под оружейный двор, а позднее его передали Конной гвардии. Напротив этого участка, на «1-й от Невы реки линии» (так называлась в 1710–1740-е годы нынешняя Шпалерная улица), на месте Таврического дворца было Новгородское архиепископское подворье, заведенное на случай приездов в невскую сто-

лицу митрополита Стефана (Яворского). С именем этого церковного деятеля связаны преобразования Петра в церковном управлении. Осенью 1700 года умер патриарх Адриан, но нового патриарха не избрали. По решению Петра I был назначен лишь «местоблюститель» патриаршего престола — митрополит Стефан Яворский.

Новое упоминание этих краев связано с именем преосвященного Рафаила — епископа Псковского, который также жил на архиерейском подворье и, когда «не мог переехать через Неву, и служил у себя на подворье утреню, а обедню в Александровском монастыре»¹.

В те же времена по современной Потемкинской улице протекала речка Саморойка. Соединив ее с Лиговским каналом к 1725 году, осушили ближайшее болото. Как видно на плане 1738 года, первоначально она впадала в небольшой естественный водоем, соединенный с Невой. Возможно, таким образом в бассейне поддерживался постоянный уровень воды. Позднее реку стали использовать для подпитки прудов Таврического сада. На берегу Саморойки стоял дом князя Юрия Трубецкого, под руководством которого строился один из бастионов Петропавловской крепости. Еще в 1890-е годы она пересекала Кирочную и Виленский переулок, но в начале XX века была заключена в трубу. Поверх ее русла сейчас проходит Фонтанная улица.

За подворьем архиерейского находилась лаборатория для «делания фейерверков». Вот что писали об этой лаборатории классики нашего краеведения.

А. И. Богданов.

«Глава VIII. Лаборатории.

1. Лаборатория при артиллерии, в которой делают фейерверки и прочие артиллерийские снаряды отправляются, построена на Московской стороне, недалеко от Арсенала, 1734-го году.

До построения сей Лаборатории, была в прошлые годы Лаборатория в Кронверке»².

И. Г. Георги.

§ 180. «Близ слободы (Конной гвардии) на открытом поле стояла построенная в 1734 году деревянная Артиллерийская лаборатория, которая в 1787 году переведена на Выборгскую сторону»³.

Говоря о границах земель, отведенных Конной гвардии, историк П. Н. Петров писал, что они «сходи-

лись на северо-востоке с Песками, а на запад с артиллерийскими дворами, где была в первое время устроена лаборатория (на месте теперешнего Таврического сада)»⁴.

Далее Придворной конторе понадобилось место «для поклажи дворцовых дров». Кроме берега Фонтанки они затребовали отвести место «за Литейным двором, вверх по Неве реке от Оружейного двора до двора же Шукинского (т.е. дома бывшего обер-секретаря при Петре I Анисима Яковлевича Шукина, купленного в казну). ...Это уже приходилось на месте ковшы и Таврического дворца и частью сада»⁵. Были ли реализованы планы Придворной конторы, неизвестно.

«Сентября же 11-го (1732 г.) Императрица ездил смотреть артиллерийское ученье — на месте теперешнего Таврического сада, где устроен был учебный полигон»⁶.

В 1753 году исполнилось 50 лет новой столице России. Юбилейный план города «почти совсем не показывает того, что было на самом деле, а говорит лишь о том, что предполагалось тогда сделать»⁷. Среди этих предположений — проект застройки слобод Конной гвардии (изображенных на плане), который не был реализован. Выполнению проекта помешали «недостаточная обстрелка несостоятельных солдат, неоднократные пожары и выделение участка под сад Таврического дворца, вместо двух, если не трех улиц»⁸.

В «Истории Санкт-Петербурга» П. Н. Петрова говорится, что в 1750-е годы «дворцовый скотный двор застроен в это время на месте существующих Таврического дворца и сада, в Воскресенской набережной улице»⁹.

Итак, мы рассмотрели многие упоминания об интересующей нас территории и близко подошли ко времени создания дворца и сада.

САД КНЯЖЕСКИЙ И ИМПЕРАТОРСКИЙ (1780–1860-е ГОДЫ)

Отмечая заслуги Григория Александровича Потемкина в освоении причерноморских земель, в середине 1770-х годов Екатерина II подарила ему участок на Воскресенской (все той же Шпалерной) улице. Первоначально Потемкиным был построен небольшой домик, но позднее он решил соорудить там дворец.

Прежде чем говорить о дворце на Воскресенской улице, обратимся

Г. А. Потемкин. Гравюра с портрета работы Дж. Уокера. 1780-е гг.

вновь к Невскому проспекту. С ним связан один из вариантов создания дворца, который не сразу нашел свое нынешнее место. Дворец с садом должны были занять всю четную сторону Невского — от Литейного проспекта до Лиговского канала (в восточной части Итальянского сада), а вглубь — до Малой Итальянской (ул. Жуковского). План дворца был примерно тот же, что и у осуществленного на Шпалерной.

По другой версии (Пыляева¹⁰) Екатерина II приказала архитектору Ивану Старову вместо прежнего дома построить роскошный дворец, наподобие Пантеона, и затем подарила его великопному князю Тавриды.

Вернемся к первой версии. Из множества проектов Потемкин выб-

Архитектор Иван Евгеньевич Старов (1745–1808)

рал вариант, предложенный архитектором И. Е. Старовым. Старов задумал построить дворец как загородное поместье, назвав его Конногвардейским домом (название произошло от 13 находившихся по соседству казарм Конногвардейского полка). Строительство началось в мае 1783 года. «Главное здание дворца сохранилось до сих пор в своем первоначальном виде; вышиною оно около шести сажень, с большим высоким куполом и перистилем из шести колонн, поддерживающих фронтон. К двум сторонам дворца пристроены флигеля, которые выведены до самой улицы; перед дворцом обширная площадь, огражденная невысокою чугунною решеткою»¹¹.

Одновременно со строительством дворца под руководством И. Е. Старова садовый мастер Вильям Гульд начал разбивку дворцового сада. Сад за домом был не очень велик (вдвое меньше современного Таврического сада). Почти половину его занимал пруд неправильных очертаний с берегами, выстланными камнем и мхом. Искусственный водоем выглядел как естественный. Сад Таврического дворца явился блестящим образцом городского английского пейзажного сада в России.

Екатерина II увлеклась этим видом садоводства, и под ее покровительством пейзажные («английские») сады стали возводиться в России. «Я ныне люблю до безумия Аглинские сады, кривые дорожки, отлогие холмы, озерам подобные пруды, архипелаги на твердой земле, а к прямым дорожкам, однообразным аллеям чувствую великое отвращение, фонтанов также не могу терпеть: они заставляют воду принимать такое течение, которое не сообразно природе; статуям же, по мнению моему, пристойно быть заключенным в галереях и прочих сим подобных местах, короче сказать, над садовничеством моим совершенно владычествует Аглинский вкус» (из письма к Вольтеру от 25 июня 1772 года)¹². Самым «английским» (по мнению Э. Кросса) из английских садовников, работавших в России, был Вильям Гульд.

Вильям Гульд (Уильям Гоулд, Gould, 1735–1812), уроженец Ормскирка в Ланкашире, приехал в Петербург из Англии в 1776 году (предположительно) по приглашению князя Г. А. Потемкина-Таврического и в течение жизни «светлейшего» выполнял его заказы. Гульд прожил в России около трех десятков лет. Он долго и много работал, но главным его творением

стал сад при Таврическом дворце. Этот прекрасный парк был заложен одновременно с дворцом в том же 1783 году, а закончен в основном в 1784 году. Два выдающихся мастера (Старов и Гульд) работали рядом и, можно сказать, совместно, чему пример – Зимний сад во дворце. Этот «дуэт» на протяжении 15 лет «выступал» не раз, поражая своим мастерством и слаженностью. Вот беглое перечисление их совместных работ: в Аничковом дворце (1776), в мызе Осинная роща (1778; здесь работа Гульда предположительна), в «Сиверсовой даче» на Петергофской дороге (1779–1780), в приладожской усадьбе Потемкина Островки (1780–е), в местечках Кричеве (1783) и Дубровне в Белоруссии, в Екатеринославе (ныне Днепропетровск – после 1786 года).

Находясь на службе у Потемкина, Гульд часто совершал по его приказаниям поездки в Крым. Приходится удивляться, как, имея столько дел в провинции, садовник находил время трудиться над устройством сада Конногвардейского дома в Петербурге, главного творения своей жизни.

«Однообразный рельеф участка быстро преобразался, – вспоминал современник, наблюдавший за созданием сада. – Ровную местность бороздили каналы... Пруды и каналы оформлялись камнем, а холмы покрывались дерном. Извилистая сеть дорожек пересекала местность»¹³.

В основу первоначальной планировки сада положена идея парка, построенного на естественных возможностях ландшафта без введения каких-либо искусственных элементов, архитектурных диковинок, скульптуры и т.п. Скудный, совершенно плоский участок как по воле волшебника был превращен в прекрасный пейзажный парк. Вынутая при рытье пруда и канала земля была использована Гульдом для сооружения холмов и пригорков, которые он разбросал по всей площади сада, да так искусно, что они производили впечатление естественной неровности местности. Мастер сочетал свободно растущие деревья с небольшими рощицами и лужайками.

По границам сада была высажена основная масса зеленых насаждений. Они изолировали весь участок от соседних улиц.

К лету 1784 года Потемкину докладывали: «Садовые работы также окончены; двадцать три тысячи деревьев посажены, и уже в каналы и пруд вода пущена; каскад сделан, и теперь

осталось окончить в саду дорожки»¹⁴. Получается, что всего за два года Гульд создал большой и сложный по конструкции парк, ставший одним из украшений нашего города.

Противоположную от пруда часть сада огibal канал, прорезавший сад прекрасно нарисованной петлей, образующей два острова. Меньший из них был густо засажен деревьями. Сообщаться с ним можно было только с помощью лодок. Второй остров в большей части представлял просторную поляну, а в северной части его был насыпан холм, с которого открывался чудесный вид на садовый фасад дворца, отражавшийся в зеркальной глади пруда. Большой остров соединялся с берегом двумя мостами.

Немного ниже пруда, расположенного в центре сада, устроили каскад со шлюзом для регулирования уровня и спуска воды. Второй каскад выпускал воду на соседнем участке. Зимой на прудах устраивались катки и ледяные горы.

Вместе с тем оба каскада, нарушая спокойное течение воды и создавая шум, удачно имитировали приятное журчание ручейка, и являлись эффектными компонентами сада.

В качестве источника водоснабжения пруда и канала решено было использовать Лиговский канал. Прорытый еще в первой четверти XVIII века для питания фонтанов Летнего сада от реки Лиги, канал исправно выполнял свои функции. Однако наводнение 1777 года разрушило фонтанную систему сада, а сами фонтаны были уничтожены по указу Екатерины II в 1781 году. Отпала необходимость в Лиговском канале, и всеми забытый и заброшенный канал сильно обмелел. В связи с устройством пруда в саду Конногвардейского дома возникла потребность в капитальном ремонте Лиговского канала, который был проведен за счет личных средств князя Потемкина, и уже осенью 1783 года вода наполнила пруд и канал дворцового сада. Пришлось проложить сеть деревянных труб непосредственно от бассейна на Песках, по которым и осуществлялась подача воды в сад.

Так как пейзажный сад был максимально приближен к природе, то он не должен быть «огорожен от окружающей местности видимыми изгородями»¹⁵. Французы изобрели незаметную издали изгородь, проложенную по дну рва. По-французски она имела название fossé, в Англии – ha-ha, в России –

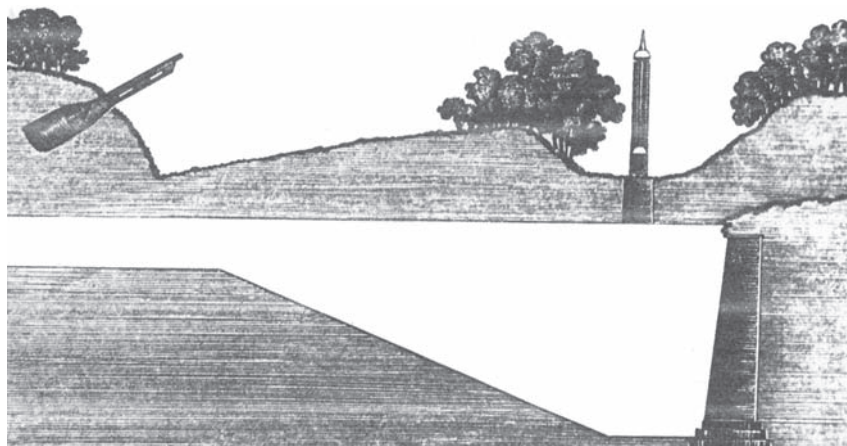
«ах-ах». Это было скрытое препятствие, в основном для деревенского скота. Иногда рвы с изгородью были наполнены водой. Для романтических садов характерна неожиданность появившегося вида, поворота, конца дорожки, появление памятника, скамейки для отдыха. Внезапное появление перед гуляющими этих оград вызывало восклицание «ах-ах», что и закрепилось в их названии. Первая такая изгородь в Англии была устроена французским садоводом Бомоном в Левене в 1692 году. Подобная скрытая изгородь вместе с железной оградой была установлена Гульдом вокруг Таврического сада.

До нас дошел план участка, датированный 1786 годом, воспроизводящий первоначальную планировку сада. На нем изображены направления аллей, местоположение каскадов и даже места насыпи холмов. На этом же плане мы видим всего три строения: одно — расположенное в северо-западной части сада, небольшое, прямоугольной формы — возможно, сарай для хранения шляпок; два других — домик садовника и оранжерея. Во всем остальном ландшафтный характер сада не нарушался никакими иными архитектурными сооружениями или украшениями.

В 1784 году Потемкин получил дарственную еще на два участка земли (общая площадь сада достигла 200 кв. сажен), прилегающих к его владению. Он использовал их для сооружения оранжерей.

В. Гульд предполагал несколько десятин земли нового участка превратить в пастбище, где можно было отдать под «распашку, а равно и на посев семенами лучших тучных трав, достальную в саду землю с великою пользою обратить в огород и получить с оного доходу в год около 2000 рублей». Из Англии для украшения сада выписаны были кусты малины, смородины, вишневые деревья; из Палермо, Дрездена, Парижа и Амстердама привозили различные деревья, растения, цветочные луковицы и семена. В северо-западной части усадебного участка находились оранжереи, теплицы и парники для выращивания огурцов, персиков, ананасов, а также арбузов, дынь и абрикосов.

С того же времени в саду стала практиковаться посадка фруктовых деревьев и ягодных кустарников непосредственно в открытый грунт, а вблизи оранжереи Гульдом был устроен обширный огород.

Садовое ограждение «ах-ах». Рис. из книги «Ideenmagazin» И. Г. Громанна. Изд. 2-е. Лейпциг, 1797. Тетр. 2.

План первой очереди Таврического сада. Чертеж. 1786 г.

В письме к барону Гримму Екатерина II сообщала: «...выращиваем столько ананасов, что не только к столу, но и на продажу хватает».

Из числа построенных оранжерей до наших дней сохранилась лишь большая пальмовая.

К концу 1786 года завершилось строительство главного корпуса дворца, и затем в течение трех лет были построены галереи и боковые флигеля. В 1790 году почти законченный дворец с усадьбой Потемкин продал в казну за 450 тысяч рублей.

Но в следующем же году за взятие крепости Измаил, считавшейся неприступной, Потемкин в числе других наград получил от Екатерины II в дар свою петербургскую усадьбу.

Вернувшись в столицу, Потемкин-Таврический приказал готовить дворец к празднику, задуманному в честь взятия Измаила. Главной же причиной торжества была последняя попытка князя вернуть ускользающее влияние на императрицу.

Однако, по словам современников, Конногвардейский дом не был вполне отделан: перед главным

подъездом дворца тянулся забор, скрывавший какие-то развалины (на том месте, где стоит ныне башня общества водопроводов); по приказанию Потемкина в три дня был уничтожен забор, место расчищено и освобождена обширная площадь до самой Невы. Здесь были воздвигнуты триумфальные ворота.

Дворец заново украсили картинами, коврами, скульптурой, обставили новой мебелью. 28 апреля 1791 года состоялся праздник. Для 3000 имениных гостей были запланированы музыкальные, драматические и балетные представления, устроен грандиозный бал. Эпикентром праздника стал Зимний сад. Энтони Кросс ошибся, когда считал, что «он был пристроен к основному зданию для торжественного приема императрицы...»¹⁶. Построен он был вместе с дворцом, о чем писал Н. А. Татищев в письме к князю от 26 мая 1784 года: «Дом уже покрыт железом, исключая садика, в коем оканчивается храмик, и потом начнут делать кровлю»¹⁷. Здесь хочется привести описание Зимнего сада, помещенное в 3-м томе журнала «Москвитянин» за 1852 год. Рукопись опубликована издателем и редактором этого журнала М. П. Погодиным. Автор ее неизвестен, но по подробному описанию можно предположить, что то был современник происшедшего события. Сей дивный сад будет стержнем праздника, о котором мы поговорим в дальнейшем, а пока приведем цитату (несколько объемную, но полно рассказывающую о предмете нашего описания). «Ничто, однако, великолепием не превосходило зимний сад, примыкавший к большей галерее, и в который вход был из круглого зала, между столпов. Величина

онаго была вшестеро больше, нежели славного зимняго сада в эрмитаже Императорском; расположен был оной также в английском вкусе, но несравненно лучше. Зеленеющий, дерновый скат вел дорогою, обсаженною цветущими померанцовыми деревьями. Там видимы были лесочки, по окружающим которые решеткам обвивались розы и жасмины, наполняющие воздух благовонием. В кустарниках видимы были гнезда соловьев и других поющих птиц. Разногласное их щебетанье было несравненно приятнее скучнаго единогласия. В сей вечер освещение и музыка бала возбуждали их к пению. В разных местах в земле, и в драгоценных горшках, на мраморных и гранитных подножиях, видимы были в сем саде редчайшие кустарники и растения. Проходи, иностранными деревьями обсаженныя, срослись между собою столь плотно, что и днем в них было темно. Печи, которых для зимне-го сего сада потребно было не мало, скрыты были за множеством зеркал, одинакой величины и цены чрезвычайной. На дорожках сего сада и на малых дерновых холмочках, видимы были на мраморных подножиях вазы из того же камня, но другаго цвета, либо истуканы из белого мрамора, представлявшие гениев отчасти венчающих, частью же отправляющих жертвоприношение перед бюстом Императрицы, очень сходно с изображенным. В траве стояли великие из лучшего стекла шары, наполненные водою, в которых плавали золотыя и серебряныя рыбки. Посредине сада возвышался храм простаго, но размернейшаго устройства. Его купол, возвышавшийся до самого потолка сего сада, искуснейшею рукою и обманчиво росписаннаго под вид неба, и способствовавший к поддержанию потолка, опирался на 8 столпах из белого мрамора. В оном по ступеням из сераго мрамора был вход к жертвеннику, служившего подножием изображению Императрицы, иссеченному из белого мрамора. Императрица представлена была в царской мантии, держащая рог изобилия, из котораго сыпались орденские кресты и деньги. На жертвеннике было подписано: «Матери отечества и моей благодетельнице». Здесь равномерно разставлены были лампы, имеющие подобие цветов, фестономы около столпов, как бы обвитыя. Позади храма находилась великолепная листовая беседка; внутренняя стены оной

состояли из зеркал; в день же праздника наружныя решетки были украшены пестрыми лампадами, в подобии яблук, груш и виноградных гроздов. Далее в день праздника сад весь был еще несравненно более обыкновеннаго украшен. Все окна онаго прикрыты были искусственными пальмовыми и померанцовыми деревьями, коих листья и плоды представлены были из разноцветных лампад. Другие искусственные плоды в подобие дынь, ананасов, винограда и арбузов, в приличных местах сада, были представлены также из разноцветных лампад. Для услаждения чувств, скрытыя курильницы издыхали благовония, кои смешивались с запахом цветов померанцовых и жасминовых деревьев, и испарениями малого водомета, бьющаго лавандною водою. Между храмом и листовою беседкою находилась зеркальная пирамида, украшенная хрустальями, на верху которой блистало имя Императрицы, подделанное под бриллианты, и от котораго исходило на все стороны сияние. Близ оной стояли другия меньше огромныя пирамиды, на которых горели трофеи, и вензеловыя имена Наследника престола, Его Супруги и обоих Великих Князей, составленныя из фиолетовых и зеленых огней. В сей только вечер окна зимняго сада были скрыты; в прочее время были то двери, вводящия в воздушной сад Таврическаго дворца»¹⁸.

Как бы переключаясь и дополняя этот текст, звучат воспоминания Г. Р. Державина, бывшего на том торжестве. Вот его описание Зимне-го сада: «Сквозь оных столпов виден обширный сад и возвышенныя на малом пространстве здания. С первого взгляда усомнишься и помыслишь, что сие есть действие очарования, или по крайней мере живописи и оптики; но приступив ближе, увидишь живые лавры, мирты и другия благоуханнейших климатов древа, не токмо растущия, но иныя цветами, а другия плодами обремененныя. Под мирною тению их, инде как бархат, стелется дерн зеленый; там цветы пестреют, здесь излучистыя песчаныя дороги пролегают, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просеки, блистают стеклянные водоемы. Везде царствует весна, и искусство спорит с прелестями природы. Плавает дух в удовольствии. Но едва успеешь насладиться издали зрением вертограда, нечувствительно приходишь к возвышенному на ступенях

сквозному алтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживают свод его. Вокруг онаго утверждены на подставках яшмовыя чаши, а сверху висят лампы и цветочныя цепи и венцы; посреди же столпов на порфировом подножии с златою надписью (Матери отечества и мне премилосердной. — *И. П.*) блистает иссеченный из чистаго мрамора образ божества, щедротою котораго воздвигнут дом сей (На портике дома надпись: От щедрот Великой Екатерины) <...> Алтарь сей окружен лабиринтом. По извивающимся и отененным тропам его, между древесными ветвями, показываются жертвенники благодарности и усердия, истуканы славных в древности мужей, из мрамора и из других редких веществ сосуды, на подножиях возвышенныя. На зеленом лугу, позади алтаря, стоит высокая, алмазовидная, обделанная в злато пирамида. Она украшена висящими гранеными цепочками и венцами, из разных цветнопрозрачных камней же, увенчан лучезарным именем Екатерины Второй. <...> За обелиском, в самой глубине вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладез и купель резная из пароскаго мрамора, выше роста человеческого. Такая же две стоят по концам залы пред двумя возвышениями, из коих на одном помещается многочисленный хор музыки, а на другом избраннейшая беседа. Для прочих гостей устроены между столпов ложи. Везде виден вкус и великолепие; везде торжествует природа и художество; везде блистает граненый кристал, белый мрамор и зеленый цвет, толико глазам приятный. По приличности, висят цветочныя вязи и венцы, а по надобности лампы и фонари. Невероятной величины зеркала! Все они инде предметы усугубляют, инде увеличивают, а инде и умаляют. Притом сладкогласное пение птиц, приятное благовоние ароматов, соделывая сие жилище некоею новою поднебесностию, или волшебною странною, заставляют каждого в восторге самого себя вопрошать: не се ли Эдем? — Кроме торжественных врат еще четырьмя большими дверями проходят из сего чертога одни во внешний сад, а другими в прочие покои. <...> Казалось, что все богатство Азии и все искусство Европы совокуплено там было к украшению храма торжеств Великой Екатерины. <...> Если дом по сему описанию заслуживает внимание: то празднество, бывшее в нем, еще бо-

лее. По всеподданнейшему от хозяйки на прошение Великой Государыни и Их Высочеств, и по народному зову знатного обоего пола дворянства, к 6-ти часам по полудни все собрались. Все были в маскарадном платье. Хотя от множества карет заперлись улицы, но в доме такой был простор, что можно бы без сомнения пригласить такое же, или еще большее число гостей. Наконец прибыл Двор»¹⁹. Были представлены турецкие паши, которых пленили в эту кампанию.

А вот как в «Москвитянине» описывается сад дворца: «Потемкин хотя расположил сей сад с самого начала, но в последствие, с невероятными издержками, довел до чрезвычайного степени совершенства. Выгодное местоположение онаго придавало ему много цены, а пособие искусства и еще оную возвысило. Сравнили место, сняли пригорки, где оным по плану быть не надлежало, насыпали новые холмы, для услаждения зрения дальновидностями. Прямым путем протекавшей речке дали течение извилистое, и вынудили из ней низвергающийся водопад, который упал в мраморный водоем. Построены великолепные мосты из железа и мрамора; множество истуканов и памятников находилось еще в работе. В намерении том, чтобы из дома и сада можно было оглядывать прелестныя дальновидности, приказал Князь Потемкин наскоро и вне окружности двора своего построить павилиены и подобное; все сие как волшебством из земли возникло. Словом сказать, он употребил все к соделанию места сего приятнейшим жилищем. Во время последней праздника в вечеру весь сад освещен был великолепнейшим образом, а воды украшены гондолами. Тысячи художников и работников занимались несколько недель приготовлениями и распоряжениями к сему празднеству, которое назначено было в 9-е число мая. Три тысячи особ придворных и прочих в городе, приглашены были чрез билеты, разосланные с офицерами... <...> Считают, что в сей вечер горело 140 тысяч лампад и 20 тысяч свеч восковых»²⁰.

Здесь мы вновь обратимся к Г. Р. Державину и дополним описание сада из его воспоминаний: «...во внешнем, весьма просторном и прекрасном саду возжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всем утешаться ими, но любопытство приметило оные. Там, на прекрасных прудах, чешуящихся меж-

Дом садового мастера. Арх. Ф. Волков. 1793–1794 гг. Фото автора

ду открытоюпологою зеленью, а инде древами осененных, зыблилась флотилия, из нескольких судов состоявшая, украшенная разноцветными флагами и фонарями, со множеством матросов и гребцов, богато одетых. Роши, приятно разбросанные, и алеи, далеко простирающиеся, также испещрены были разными огнями. Всего приятнее казалось помавание дерев над водами стоящих, которые от случившагося тогда нарочитаго ветра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся под ними стеклу пробегать то зеленя, то красныя струи. Все дороги были покрыты народом, толпящимся подобно рою пчел, привившихся к тому месту, где матка их находится. Шорох дерев, шум вод катящегося водопада, жужуканье говорящих, глас в далеке гребцакого рога и песен, слы-

Фонтан перед Домом садового мастера. Фото автора

шимый с гулом музыки, вырывающимся из дому, погружали мысли в некую забывчивость»²¹.

В парке, на специально устроенной эстраде, играл оркестр роговой музыки из 50 человек, которым дирижировал известный итальянский маэстро Сарти. В различных участках сада установили качели и столы с изысканными яствами. К этому торжеству Гаврила Романович Державин написал свои знаменитые стихи, положенные на музыку: «Гром победы раздавайся». Следует заметить, что в Таврический дворец не был приглашен никто из большого семейства Зубова, в том числе и сам фаворит»²².

На прудах в саду катались песенники в лодках; народ пировал также роскошно. Фонтаны белого и красного вина били высокими струями, и были расставлены жареные быки с золотыми рогами.

«...Сад... был отделан великолепно; всюду виднелись киоски, беседки; ручейку, протекавшему в саду по прямой линии, дали извилистое течение и устроили мраморный каскад. Сад горел тоже множеством огней и оглашался роговой музыкой и пением хора песенников»²³.

«Издержки для сего праздника считали в 200 000 руб., но кажется, что сумма сия простиралась несравненно больше»²⁴.

14 октября 1791 года на пути из Ясс в Николаев скончался светлейший князь Потемкин-Таврический. После его смерти дворец и сад были куплены у наследников и перешли в собственность казны.

В сентябре 1792 года указом Екатерины II дворец Потемкина объявлен императорским дворцом и сделал-

Левый флигель Дома садового мастера. Фото автора

Правый флигель Дома садового мастера. Фото автора

ся любимым местом пребывания императрицы весной и осенью. Здесь обосновался и Двор, «который, по обыкновению, с первых весенних дней, переехал в Таврический дворец»²⁵. Во дворце находились и апартаменты последнего фаворита Екатерины — Платона Зубова. В том же году Конногвардейский дом был официально переименован в Таврический дворец. К последним годам правления Екатерины II относятся воспоминания князя Адама Чарторижского, польского дворянина, будущего российского министра и друга юности императора Александра I. «Иногда вблизи Таврического дворца устраивались две ледяные горы. Великая княгиня, княжны и все придворные отправлялись туда кататься с гор на

санях, как это делается в России. Искреннее веселье царило на этих катаньях, в которых участвовали молодые, красивые девушки, принятые ко Двору»²⁶. Далее князь Чарторижский описывает свою встречу с великим князем Александром, произошедшую в Таврическом саду: «Однажды, при встрече со мной, он выразил сожаление, что мы видимся так редко, и приказал мне прийти к нему, в Таврический дворец, предлагая погулять по саду, который он хотел показать мне... Как только я явился, великий князь взял меня под руку и предложил пройти в сад, желая, как он выразился, услышать мое мнение об искусстве англичанина-садовника, который сумел убрать сад с большим разнообразием и притом так, что ни откуда

нельзя было видеть конца сада, несмотря на то, что он был невелик. Мы обошли сад во всех направлениях за три часа очень оживленного, непрерывного разговора»²⁷.

В начале 1790-х годов Воскресенская (или Шпалерная) улица была продолжена до площади перед Смольным монастырем. Она ограничила территорию дворца с севера. Восточная и западная границы ансамбля определились в результате прокладки двух новых улиц — Таврической и Потемкинской. Несколько слов о вариантах названий этих улиц. В конце XVIII века Потемкинская называлась Артиллерийской Поперечной улицей, затем более полувека — Таврической и лишь в 1871 году получила свое нынешнее имя. У Таврической имен было поболее. Первое ее имя — проспект к Таврическому дворцу, далее — Таврический проспект. Параллельно этому имени существовало и другое — Садовая улица, а также ее вариант — Садовая (Рождественская). С 1859 года она стала Таврической. После революции ее еще раз переименовали, и с 1918 по 1944 год она называлась улицей Слуцкого.

В том виде, в каком его первоначально создал Гульд, Таврический сад просуществовал недолго. С 1791 года облик сада постепенно менялся и стал занимать современную территорию (21 га), но в целом ландшафт не был изменен. В 1792 году Гульд разработал подробную записку, в которой он изложил программу дальнейшего переустройства сада.

На месте уничтоженного ранее Домика садовника в северной части сада в 1793—1794 годах архитектор Ф. И. Волков построил для Вильяма Гульда в стиле классицизма изящный особняк — «Дом садового мастера».

Двухэтажное прямоугольное в плане здание расположено в глубине участка. Два симметричных одноэтажных флигеля выдвинуты вперед. Они увенчаны невысокими башнями с куполами. Фасад главного корпуса обработан портиком из четырехдорических колонн. Садовый фасад образован выступающей в первом этаже полуторной и балконом над ней, круглым в плане. Одноэтажные боковые флигеля увенчаны небольшими башнями с купольными завершениями. При доме были выстроены коровник и несколько хозяйственных построек. Под пастбища для коров отвели несколько десятин земли на территории сада. На берегу большого пруда по проекту

Ф. Волкова была сооружена затейливая беседка «Адмиралтейство», состоявшая из открытой беседки-ротонды и закрытого помещения, предназначавшегося для хранения шлюпок.

С 1792 по 1796 год сад был приведен в блестящее состояние. Традиции Гульда в саду сохранялись в течение ряда последующих лет. Как писал поэт Г. Р. Державин: «Везде виден вкус и великолепие, везде торжествуют природа и искусство...».

В 1794 году в саду были построены два металлических моста. Интересна их история. На Сестрорецком заводе предполагалось изготовить пять металлических мостов. К сентябрю 1793 года были изготовлены конструкции для «одного железного с чугунными досками малого моста»²⁸. Автор проектов этих мостов неизвестен, но так как они были созданы в те же годы, когда в саду активно работал архитектор Ф. И. Волков, то можно предположить, что он принимал участие в их проектировании. Изготавливались конструкции мостов на Сестрорецком оружейном заводе под руководством Карла Шпекле. Арочные пролетные строения этих мостов изготовлены из железа, плиты настила отлиты из чугуна. Пролеты этих мостов равны 10,6 и 13 метрам. У десятиметрового моста пролетное строение состоит из однородных ребер пологих очертаний. У тринадцатиметрового моста основные ребра усилены дополнительными «полуарками», соединенными с основными в жесткую систему вертикальными кольцевыми элементами.

(Продолжение следует)

Старинные мосты конца XVIII в. Фото автора

¹ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга... СПб., 1884. С. 260.

² Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 149.

³ Георги И. Г. Описание... столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 114.

⁴ Петров П. Н. Указ. соч. С. 526.

⁵ Там же. С. 388.

⁶ Там же. С. 277.

⁷ Столпянский П. Н. Старый Петербург и его исторический план. СПб., 1913. С. III.

⁸ Петров П. Н. Указ. соч. С. 527.

⁹ Там же. С. 645.

¹⁰ Пыляев М. И. Старый Петербург. М.; СПб., 1990 (1889). С. 305.

¹¹ Там же. С. 305.

¹² Цит. по: Лихачев Д. С. Поэзия садов. М., 1998. С. 211.

¹³ Занан Л. А. Городской детский парк // Сады и парки Ленинграда. Л., 1981. С. 100.

¹⁴ Антонов В. В. Вильям Гульд, садовник князя Потемкина-Таврического // Невский архив. 1999. Вып. 4. С. 163.

¹⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 304.

¹⁶ Кросс Э. Русские сады, британские садовники // Памятники истории и культуры Петербурга. СПб., 1997. С. 98.

¹⁷ Цит. По: Дьяченко Л. И. Таврический дворец. СПб., 1997. С. 27.

¹⁸ О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. М., 1991. (Перепечатка: Москвитинян. 1852. Т. 3. С. 24–25).

¹⁹ Державин Г. Р. Избранные сочинения Гавриила Романовича Державина. СПб., 1893. С. 122–125.

²⁰ О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. С. 25–27.

²¹ Державин Г. Р. Указ. соч. С. 139.

²² Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 231.

²³ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 312.

²⁴ О приватной жизни князя Потемкина. Потемкинский праздник. С. 28.

²⁵ Мемуары князя Адама Чарторижского. 1912. С. 47.

²⁶ Там же. С. 80.

²⁷ Там же. С. 84.

²⁸ Пирютко Ю. М. Между Ленинградом и Петербургом. Памятники на исходе столетия (1986–1999) // Невский архив. 1999. Вып. 4.

Семья Тарасовых в Петербурге: XVIII — начало XX века*

А. Т. Офенгейм

Знатокам истории Петербурга фамилия Тарасовых говорит о многом.

Их привезли сюда в начале 1720-х годов строить новый Парадиз, и они с честью выполнили порученное им дело, не забыв при этом, разумеется, и себя. Среди Тарасовых были плотники, столяры, резчики, корабли, строители, купцы, лекари, банкиры, военные... Город рос у них на глазах и отчасти их трудами, и они росли и богатели вместе с ним.

Петербург начал строиться, и они обживали избы на Охте. России нужен был флот, и они строили корабли. Наступил «золотой век Петербурга», и они стали паркетчиками и позолотчиками. В конце XIX века возросло значение капитала, и они оказались среди финансовой элиты города. Вместе с имперской столицей они потерпели крушение в 1917-м. Наконец, их потомки были смыты волной репрессий, обрушившейся на город после убийства С. М. Кирова.

Не будет большим преувеличением сказать, что судьба Тарасовых во многом повторяет историю Петербурга.

Упоминание о различных представителях этого рода часто встречается в петербурговедческой литературе. Конечно, в первую очередь внимательный читатель назовет книгу Д. А. Засосова и В. И. Пызина «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев»¹, несколько глав которой ярко и образно повествуют о жизни огромного домовладения братьев Тарасовых, располагавшегося между Фонтанкой и 1-й Ротой Измайловского полка. Переиздание этой книги «Лениздатом» в 1999 году стало поводом к обстоятельному рассказу об истории известной петербургской семьи.

Начало рода Тарасовых овеяно преданием, дошедшим до нас благодаря этой книге. Один из авторов, Дмитрий Андреевич Засосов, много лет прожил в доме № 116 по набережной реки Фонтанки, некогда принадлежавшем семье моих героев. Его отец, почетный гражданин Санкт-Петербурга Андрей Иванович Засосов, служил управляющим огромного домовладения Тарасовых, включавшего дома № 114 и 116 по Фонтанке и № 3, 5, 7 и 9 по 1-й Роте Измайловского полка. Управляющий был доверенным лицом хозяев. Достаточно сказать, что бани, располагавшиеся в домах № 7 и 9, формально принадлежали А. И. Засосову². Нетрудно представить себе, как Засосов-отец вечером за обедом рассказывает своей семье о жизни «господ». Из обрывков этих рассказов, слухов, сплетен прочих жильцов дома сложились детские воспоминания, использованные Засосовым-младшим в своей книге.

Возможно, отделенные временем, эти сведения исказились и приобрели характер легенды. Материалы фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического

* В работе использованы материалы, собранные учеником 10-го класса 564-й школы, дипломантом XII историко-краеведческих чтений учащихся Санкт-Петербурга К. С. Титух.

Тарасова улица на Большой Охте.
Фото 2001 г.

Улица Егорова (бывший Тарасов пер.). Фото 2001 г.

кого архива (РГВИА), Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГА КФФД), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) позволяют уточнить данные, приводимые Д. А. Засосовым и В. И. Пызиным, частично опровергая, частично подтверждая их.

Семейное предание Тарасовых гласило: «По указу Петра I для постройки кораблей и города были вывезены государственные крестьяне, плотники из Костромской

губернии, и поселены на Охте. Некоторые из них вышли в десятники, в их числе и Тарасовы, а потом и в подрядчики и стали постепенно богатеть, приобретать земельные участки в городе, в частности и по Фонтанке...»³.

Сами Тарасовы не только не отрицали своего происхождения из плотников-«переведенцев», но даже подчеркивали свою связь с Охтой: «Тарасовым принадлежала богадельня на Охте... В богадельне содержалось 100 человек: 50 стариков и 50 старух, все они были уроженцами Охты. Это должно было напоминать о том, что предки Тарасовых... были поселены Петром I на Охте»⁴. Гордиться было чем: получалось, что Тарасовы обосновались в Петербурге на 100 лет раньше самих Елисеевых, чьи предки появились в нашем городе лишь в 1813 году⁵.

Впрочем, происхождение Тарасовых из земель, вошедших при Екатерине II в состав Костромской губернии, не бесспорно. Священники Георгиевской церкви православного Георгиевского (Большеохтинского) кладбища Д. Муретов и Ф. Малиновский в книге «Описание Большеохтинского кладбища» пишут: «...между переселенцами из Архангельской и Олонецкой губерний, где, в начале прошлого (XVIII. — А. О.) века, раскол... свил себе теплое и уютное гнездо, нашлось много приверженцев старины. Поэтому на Охте, с самого начала ее заселения, явилось много раскольников, особенно беспоповцев. Некоторые из них приобрели особое значение в обществе в качестве старшин, как Окорчев и Тарасов»⁶. Таким образом, указывается другая родина Тарасовых — северная область России, Архангельская или Олонецкая губерния. Вероятно, священники опирались на разговоры прихожан. Известно, что Охта жила своим замкнутым мирком, где все всё знали друг о друге. Так что сведения, сообщаемые Муретовым и Малиновским, заслуживают ничуть не меньшего внимания, чем воспоминания Д. А. Засосова.

Петровский указ о строительстве на Охте «500 изб с сенями» датируется 21 февраля 1720 года⁷; указом от 19 января 1721 года предписывается «новопостроенные дома на Канцовской стороне отдать безденежно вольным плотникам...»; однако ни в 1721, ни в 1722 году (согласно указу от 7 марта 1722 года) не удается полностью заселить слободу⁸. Обратимся к тексту указа от 2 сентября 1723 года, хранящегося в фонде Охтинской пригородной управы ЦГИА СПб (по возможности сохранена орфография и пунктуация источника): «Указ Его Императорского Величества... сего Сентября 2 Дня... искамор коллегии (Камер-коллегии. — А. О.) вкатору партикулярной верфи написан. Вольным да обучаным Судовой работе плотникам которые в подрядной канторе записаны в 722 и в нынешнем 723 годах сту двадцати четырем [человекам] против имянного Его Величества ноября 4 дня 721 году указу выдано на [ссуду] Денег по два рубля исподрядной канторы да правиянтра ржи потри четверти насемью исприван[т]ской канцелярии [...]. А в канторе партикулярной верфи оных плотников перепоручить добрыми поруками аежели посторонних порук небудет перепоручить их круглой порукой дабы изних бегу также денежной казне напрасной траты небыло... а кто [именно] плотники и жены их и что приних мужеска и женска полу детей и в каковые кто лета тому при сем указе реэстр...»⁹.

В этом-то «реэстре» — первом списке охтян, сохранившемся в слободской канторе, — обнаруживается «Юрьева монастыря деревни Шубина крестьянин Иван Тарасов 28 [лет] у него жена Аграфена Варламова дочь 27 [лет] есть»¹⁰. 15 ноября 1723 года в кантору Партикулярной верфи был отправлен повторный список переведенцев, в ко-

тором записано: «Оный Тарасов при смотре сказал жена ево Аграфена живет во оной деревне»¹¹.

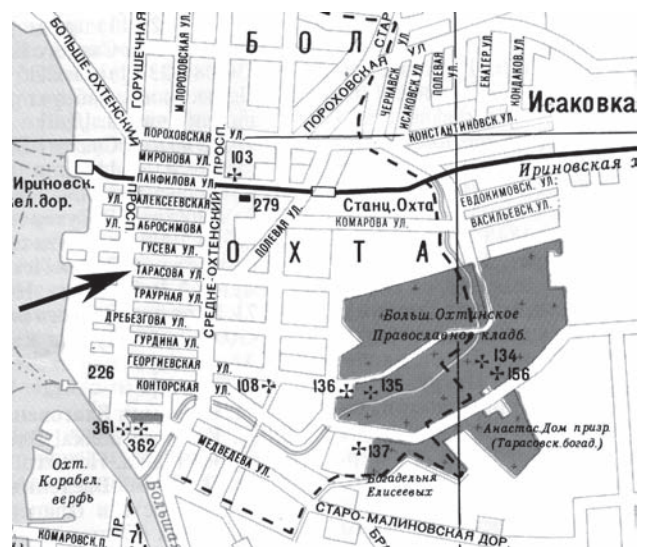
В числе населенных вотчин Юрьева новгородского первоклассного монастыря действительно имеется «Курский погост, с Ляховицкой волостью, отстоящей от монастыря на 95 верст»¹², включавшей 59 сел и деревень, в том числе и Шубину. Волость располагалась в так называемой Деревской пятине, лежавшей на юго-востоке от Новгорода, между озером Ильмень и реками Мстой и Ловатью.

Других Тарасовых среди переселенных петровскими указами на Охту нет. И если семейное предание — не выдумка, то Тарасовы ведут свой род от Ивана из Шубиной деревни.

Проследить судьбу Тарасовых в XVIII веке удается лишь фрагментарно. Так, в числе 62 «добрых и плотничной работе зело обучанных» охтинских плотников, посланных в апреле 1753 года «в канцелярию Спб строения коисправлению по имянным Ея Императорского Величества Высочайшим указам водворцах плотничных работ»¹³, находим Акинфея Тарасова (может быть, именно так и началась карьера Тарасовых как подрядчиков, выполнявших заказы Двора?). А в мае того же года в составе 140 «лутчих и в работе знающих» охтян в кантору Партикулярной верфи «для исправления яхты... за имеющимися в них гниlostями» направлен Ларион Тарасов¹⁴.

История семьи прослеживается полностью от Степана Ларионовича (Илларионовича) Тарасова. Родился он в последней трети XVIII века. Жил на Охте, содержал в своем доме столярную мастерскую, занимался подрядами, избирался старшиной общества охтинских поселян. Одна из улиц Большой Охты по сей день называется Тарасовой.

В очерке Б. П. Мансурова «Охтенские адмиралтейские селения» о Степане Тарасове можно прочесть следующее: «...его обвиняли в разных неправильных и противозаконных поступках во время бытности старшиною, и постоянных происках к угнетению неимущих и безгласных поселян...»¹⁵. Священники Муретов и Малиновский также отмечают: «Деятельность Степана Илларионовича Тарасова как старшины вызывала неудовольствия и даже формальные жалобы, что, в те блаженные времена, весьма много значило со стороны охтян»¹⁶.

Большая Охта в 1912 г. Фрагмент карты «Храмы Санкт-Петербурга: 1912 г.» (СПб., 1994)

На Тарасове лежала, с точки зрения православных священников, особая «вина»: «...в религиозном отношении Тарасов играл еще большую роль [...] Как ретивый миссионер раскола, он действовал энергично не только на Охте, но и в других местностях России, приправляя свою миссию делами милосердия на чужой счет. Выпросив, под видом благочестия, у [...] добродетельных лиц разные жертвования, он раздавал их нуждающимся охтянам, которые, вследствие сего, должны были считать себя обязанными слушать его учения. Под его протекцией развилось и процвело на левом берегу Охты раскольническое кладбище с часовней. Нева, близ его дома, изображала купель для перекрещивания прозелитов раскола»¹⁷.

Каковы все-таки были личные качества С. И. Тарасова? Очень сложно описать характер человека, жившего 200 лет назад. Но можно попытаться.

В ЦГИА СПб хранится дело «О жестоком обращении с мальчиком Лисенковым, находившимся в работниках у посел[янина] Тарасова»¹⁸. Там рассказывается, как в апреле 1837 года Степан избил и выгнал из дома в одной рубашке, босым 14-летнего работника Ивана Лисенкова «за то, что он в Воскресенье ходил в Церковь и не согласился вступить в раскол». Тарасов выглядит властным, вспыльчивым, скорым на расправу. Характерно, что под суд всеильный старшина не пошел: дело замяли. А вот еще один документ — дело «О старшинах Алексее Михайлове, Степане Тарасове и Иване Иконникове»¹⁹. Трое поселян в 1823 году подали жалобу во Флотскую комиссию Военного суда по поводу присвоения старшинами «зарабочих денег». Если это правда, то Тарасов предстает человеком алчным, готовым урвать, где только можно. (Степан, кстати, и тут вывернулся: суд обвинил не старшин, а поселян — за то, что жаловались, минуя непосредственное начальство, и передал их суду общества, то есть тех же старшин.) Третье дело — «О поселянах Степане Тарасове и Василии Меринове как имеют тяжбу в месте земли»²⁰ — сохранило примечательную характеристику Тарасова Мериновым: «сосед мой... своевољством своим известный всем почти жителям Охты...». Конечно, когда люди судятся, они не говорят друг другу комплименты, но похоже, что Муретов и Малиновский правы — у охтян были причины жаловаться на С. И. Тарасова.

На ком и сколько раз был женат Степан Тарасов — неизвестно. Детей у него было семеро: Федор (1791(2) 1850), Андрей (1793—1851), Семен (1795(6)—?), Николай (1800—1869), Мария (1802—?), Иван (1803—1872), Арефий (1810(11)—?)²¹.

Несмотря на значительное состояние, в купечество Степан Илларионович вышел только 4 сентября 1845 года²², находясь уже в преклонном возрасте.

Именно С. И. Тарасов в 40-х гг. XIX в. приобрел участок на левом берегу реки Фонтанки, занимаемый ныне домами № 114 и № 116, описанными в книге Д. А. Засосова и В. И. Пызина. В 1846 году он продал домовладение Татьяне Васильевне, жене своего четвертого сына Николая²³, и переселился к ним на постоянное местожительство. Скончался не ранее 1848 года.

Дети Степана Илларионовича пошли по стопам отца. Они плотничали и столярничали, работая в отцовской мастерской на Охте, причем были мастерами высокого класса. Например, старший, Федор, в 1826 году «по распоряжению Госп[одина] Верховн[ого] Маршала Коронации вытребован был... в Москву, для зажигания иллюминации в продолжение празднеств Священного Коронавания (Ни-

колая I. — А. О.) и возложенные на него должности выполнял с усердием и вел себя добропорядочно, за что и удостоен Серебряной медалью для ношения на шею на Анненской ленте»²⁴. А Семену Тарасову было дозволено «именоваться столярных, паркетных и позолотных дел мастером двора Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны»²⁵.

Ю. М. Овсянников в книге «Великие зодчие Санкт-Петербурга» упоминает, что паркет в Михайловском дворце поручено было выполнить Степану Тарасову, «у которого золотые руки»²⁶. Там же сообщается, что модель дворца, предназначенную английскому королю Георгу IV, приказано было делать «мастеру на все руки Николаю Тарасову», а сопровождать ее в Англию — Ивану Тарасову. «Ивана приняли в Сент-Джеймском дворце и торжественно наградили «золотой медалью на голубой ленте. Но, увы, облегчения в жизни эта медаль семейству Тарасовых не принесла»²⁷. Ну, не такая уж тяжелая у Тарасовых была жизнь: Иван и Николай вышли в купечество, первый — в 1822 году, второй — в 1823 году²⁸. Разбогатев на подрядах, они приобрели в городе недвижимость и стали со временем крупными домовладельцами.

Младший же сын Степана Илларионовича, Арефий, был, по-видимому, в семье «паршивой овцой», дважды попав под арест и следствие: в 1834 году — «за разбитие в трех казенных фонарях в ночное время стекол» в компании семи подвыпивших приятелей²⁹, и в 1846 году — за то, что едва не задавил насмерть шестилетнего мальчика. Во втором случае вина Арефия была доказана: «Комиссия Воен[ного] Суда... находит подсудимого охт[енского] пос[елянина] Арефия Тарасова... виновным в причинении в нетрезвом виде Кресть[янского] мальчику Гр[афа] Шереметева³⁰ Николаю Никифорову значительных телесных повреждений при наезде на него лошадей, запряженной в санях, коего сбил с ног и тащил под санями около 50 сажень почему он, Тарасов, был тогда предведомляем посторонними людьми, что мальчик находится у него под санями но он не обращая на то внимания погнался лошадь и когда б[ыл] остановлен Гор[одскими] стражниками то вынув из-под своих саней означенного мальчика... бросил его в онья вниз головой а потому за таковой поступок приговорила: ...его Тарасова наказать розгами тремястами ударами, а лошадь... отобрать и отдать в Артиллерийское ведомство»³¹. Был ли суровый приговор приведен в исполнение — неизвестно, но вряд ли, так как в 1851 году обнаруживаем Арефия не только живым, но и женатым во второй раз, причем супруга была моложе его на 20 лет³².

Нас же более интересует судьба Николая Степановича Тарасова и его потомков: именно этой ветви семьи служил отец Дмитрия Андреевича Засосова.

Не позднее 1826 года Николай женился на Татьяне Васильевне (1803—1869), девичья фамилия которой неизвестна. От этого брака у них было трое детей: Алексей (1827—1867), Анастасия (?—до 1847), в замужестве Кирпичева³³, и Федосья (1829—1894), скончавшаяся женой генерал-лейтенанта Павла Степановича Юнеева³⁴.

По свидетельству Санкт-Петербургской городской думы, с 1823 года по 1834 год Николай был купцом третьей гильдии, с 1834 года по 1838 год — второй гильдии, в 1838 году вступил в первую гильдию³⁵. Пробыв в ней непрерывно 8 лет, в 1846 году получил право претендовать на причисление к сословию потомственных почетных граждан, в которое и был возведен в 1847 году³⁶.

Как уже было сказано, в 1846 году Николай Степанович приобретает на имя жены участок своего отца в Нарвской части, ставший «родовым гнездом» этой ветви семьи. Купчая крепость была совершена Санкт-Петербургской палатой Гражданского суда 5 сентября 1846 года. Владение Тарасовых простиралось до 1-й Роты Измайловского полка (ныне 1-й Красноармейской ул.). По табели 1822 года оно числилось в 1 квартале Нарвской части под номерами 2 и 3; по распределению номеров 1834 года — под № 103 по Фонтанке и № 4 по 1-й Роте; по табели 1846 года — № 102 по Фонтанке и № 3–5 по 1-й Роте. Татьяна Васильевна была неграмотной, всем имуществом управлял сам Николай.

В 1849 году архитектор Г. Э. Боссе строит для Тарасовых на Фонтанке 4-этажный каменный дом (современный адрес — наб. р. Фонтанки, д. 116)³⁷. В 1858–1859 годах архитекторы К. К. Андерсон, А. И. Ланге и Р. И. Кузьмин возводят огромный доходный дом по южной границе участка (сегодня это д. 3–5 по 1-й Красноармейской ул.)³⁸. К 1870 году в Нарвской части у Н. С. Тарасова было уже три каменных дома — по Фонтанке, 1-й Роте и Обводному каналу (современный адрес — наб. Обводного канала, д. 123–125 / ул. Егорова, д. 25)³⁹.

Переулок в Измайловских Ротах, проложенный в 1871 году Городской управой параллельно Царскосельскому (Московскому) проспекту, соединил владения Тарасовых в 1-й Роте и на Обводном канале и был назван Тарасовским (или Тарасовым)⁴⁰. Редкий случай в городской топонимике: простой обывательской семье выпала честь дать свое имя двум городским проездам!

Сборник «Статистические сведения о фабриках и заводах в СПб за 1862 г.» сообщает, что в доме Тарасова на Фонтанке размещалось «Паркетное заведение Н. Тарасова», где работало 20 мужчин и пять мальчиков, из которых грамотных было только трое. В 1862 году заведение произвело продукции на 15 000 руб. Видимо, это был последний год существования заведения, поскольку с 1863 года в списке фабрик и заводов Нарвской части оно не упоминалось. Это подтверждает слова Д. А. Засосова о паркетной фабрике Тарасовых.

В 1850 году Н. С. Тарасов основал Анастасиевскую богадельню* в память своей рано скончавшейся дочери Анастасии, размещавшуюся в двухэтажном здании близ Большеохтинского единоверческого кладбища, пожертвовав 125 тысяч руб.⁴¹ Возможно, именно за это богоугодное дело Тарасов был удостоен звания коммерции советника.

В 1867 году Николая Степановича и Татьяну Васильевну постигло большое горе. 10 апреля, всего 40 лет от роду, скончался их единственный сын Алексей⁴². В память о нем при Анастасиевской богадельне Тарасовых по проекту академика архитектуры И. В. Штрёма была построена церковь преподобного Алексия, человека Божия⁴³. Под алтарем церкви находился склеп семьи Тарасовых.

Через два года после смерти сына — 5 апреля 1869 года — умерла Татьяна Васильевна, а еще через год — сам Николай Степанович. Он скончался 24 августа 1870 года и был похоронен рядом с женой в усыпальнице Тарасовых⁴⁴.

Церковь преподобного Алексия, человека Божия, была закрыта в 1923 году и снесена, могилы семьи Тарасовых уничтожены. Здание богадельни частично сохра-

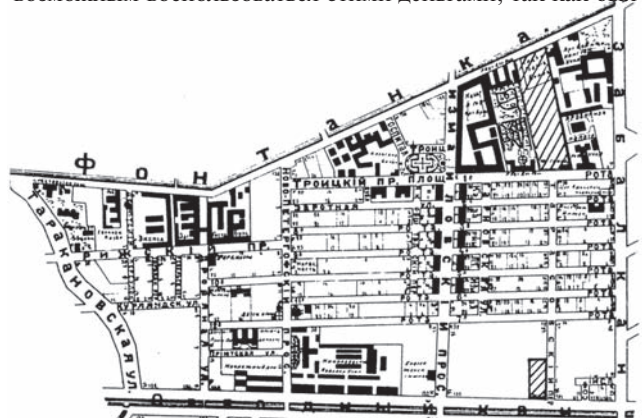
Дом Тарасовых. 1-я Красноармейская ул., д. 3–5. (Арх. К. К. Андерсон, А. И. Ланге и Р. И. Кузьмин, 1858–1859). Фото 1998 г.

нилось. Это уродливое строение является собственностью Комбината химико-пищевой ароматики, числясь под № 13 по Партизанской улице.

Наследниками Н. С. и Т. В. Тарасовых стали внуки — Николай, Алексей и Сергей Алексеевичи. Однако о сыне, Алексее Николаевиче, надо сказать особо.

6 февраля 1849 года Алексей Тарасов обвенчался с Елизаветой Григорьевной, дочерью Григория Петровича Елисеева и его первой жены Анны Ивановны⁴⁵. Совместная жизнь их была очень короткой: Елизавета умерла через семь месяцев после свадьбы, 7 сентября 1849 года. По примеру Анастасиевской богадельни Тарасовых Елисеевы увековечили память дочери, основав Елисаветинскую богадельню на 3-й линии Васильевского острова, д. 30. Обязанности эконома принял на себя Алексей Тарасов. Даже женившись вторично, он исполнял эту должность до своей смерти 10 апреля 1867 года.

История эта в воспоминаниях Д. А. Засосова и В. И. Пызина искажилась до неузнаваемости. Они пишут: «Дед Тарасовых (Николая и Сергея Алексеевичей, у которых служил А. И. Засосов. — А. О.) женился на дочери богатого купца, красавице Анастасии, и получил в приданое миллион. Через месяц после свадьбы молодая жена умерла. Тогда ее муж по своей купеческой спеси сделал гордый выпад, который поразил всех толстосумов: возвратил этот миллион отцу покойной жены, заявив, что он не считает возможным воспользоваться этими деньгами, так как был

Фрагмент плана Нарвской части С.-Петербурга. («Весь Петербург на 1913 г.»). Заштрихованные участки принадлежали Н. А. и С. А. Тарасовым

* История основания Анастасиевской богадельни имеет почти детективный сюжет и, безусловно, будет любопытна читателю как пример человеческих отношений середины позапрошлого столетия. Возможно, читателя «Истории Петербурга» ждет отдельный рассказ об Анастасиевской богадельне Тарасовых.

Анастасиевская богадельня Тарасовых сегодня.
Партизанская ул., 13. Фото 2001 г.

женат всего один месяц. Папаша умершей, такой же “гордый” купец, не принял этого миллиона, сказав, что наследником после умершей жены является Тарасов и что чужих денег [он] не берет. Так они перекидывали этот миллион несколько раз. Наконец вдовец нашел выход, который мог удовлетворить обе стороны, не задевая их самолюбия; он сказал строптивому тестю: “Деньги пойдут ни мне, ни тебе, а богу”, построил богадельню на Охте и положил капитал на ее содержание. Эту богадельню он назвал в честь своей любимой безвременно умершей жены Анастасиинской»⁴⁶.

Не дед, а отец; не на Анастасии, а на Елизавете; не через месяц, а через семь месяцев; не на Охте, а на Васильевском острове! Здесь явно смешаны две истории — об основании дедом Николая и Сергея Алексеевичей, Николаем Степановичем Тарасовым, Анастасиевской богадельни и об увековечении памяти Елизаветы Григорьевны Тарасовой, первой жены их отца, Алексея Николаевича, постройкой Елисаветинской богадельни. А может, этот спор произошел между Николаем Степановичем и его зятем Кирпичевым?

Самый же интересный вопрос: верна ли история о миллионном приданом — похоже, останется без ответа.

Вторую жену А. Н. Тарасова звали Екатерина Васильевна. Имена их детей указаны в завещании бабушки, Татьяны Васильевны⁴⁷. По этому документу, все недвижимое имущество переходило к внукам, Николаю (1853—?), Алексею (1854—1910) и Сергею (1857—?). Внуки Серафима (1863—1895), Ольга (?), Екатерина (?) и Татьяна (1865—1872) получали каждая по достижении совершеннолетия по 50 тысяч руб.

Алексей стал лекарем. В Российском государственном военно-историческом архиве имеется копия диплома А. А. Тарасова об окончании Императорской медико-хирургической академии (Военно-медицинской академии) от 2 мая 1878 года⁴⁸. Алексей Алексеевич исполнял обязанности врача Анастасиевской богадельни. В управлении тарасовским домовладением участия не принимал — в 1884 году между братьями произошел раздел имущества⁴⁹, недвижимость осталась в руках Николая и Сергея, Алексей же получил свою долю деньгами. Позднее он приобрел дом № 30 по Забалканскому пр. (ныне Московский пр.), выходящий также на Бронницкую ул., № 5, — в Московской полицейской части, и дом № 119 по наб. реки Фонтанки — в Спасской части⁵⁰. Возможно, поэтому-то Д. А. Засосов не упоминает об А. А. Тарасове.

Наконец-то мы добрались до братьев Тарасовых, описанных в книге Д. А. Засосова и В. И. Пызина! Старший, Николай Алексеевич, родился в Санкт-Петербурге 2 июля 1853 года⁵¹. Потомственный почетный гражданин. Среднее образование получил в Главном немецком училище евангелической церкви Св. Петра, где учился с 1862 по 1870 год. Аттестат Тарасова гласит, что «при весьма хорошем поведении и похвальном прилежании оказал успехи хорошие». В 1876 году окончил Институт инженеров путей сообщения со званием гражданского инженера и правом на чин коллежского секретаря при вступлении в государственную службу. 22 июня 1876 года определен на службу в Министерство путей сообщения сверхштатным инженером без содержания. 4 ноября 1876 года утвержден в чине коллежского секретаря. 8 ноября 1879 года произведен в титулярные советники. С 19 октября 1881 года — коллежский асессор, с 3 декабря 1885 года — надворный советник, с 14 декабря 1889 года — коллежский советник, с 24 февраля 1894 года — статский советник. Служил в техническо-инспекторском комитете МПС, исполнял обязанности участкового инспектора Николаевской, Новоторжковской и Боровичской железных дорог, заведовал инспекцией Сестрорецкой железной дороги. Кавалер орденов Св. Владимира 4-й и 3-й ст., Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст. 5 ноября 1904 года уволен от службы «с мундиром» согласно собственному прошению по болезни. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 27 декабря 1904 года «произведен в действительные статские советники в отставку». Рассказ Д. А. Засосова об участии Н. А. Тарасова в строительстве Архангелогородского шоссе не находит подтверждения.

Торжественное заседание в день 50-летнего юбилея
Петербургского городского кредитного общества.
5 апреля 1911 г. Фото К. Буллы.

На фрагменте — председатель правления ГКО
действительный статский советник Н. А. Тарасов

Какая же болезнь послужила причиной отставки Н. Тарасова от службы? В 1883 году он не вернулся вовремя на службу из отпуска, проведенного на водах. В РГИА сохранился следующий документ: «Биарриц, 12 октября 1883 г. [...] Дано сие свидетельство Г. Инж. Кол. Ас. Н. А. Тарасову в том, что он страдает седалищною невралгией в обеих ногах (Ichiass duplex), сопровождаемую симптомами поражения центральной нервной системы (Neurasthenia cerebri et spinalis), и что для излечения упомянутой болезни ему необходимо продолжить назначенное ему лечение и пребывание на берегу моря в Биаррице

Товарищ Санкт-Петербургского городского головы
С. А. Тарасов. Фото 1903 г.

[...] Д-р медицины Алексей Любимов»⁵². Подтверждаются воспоминания Д. А. Засосова: «Ежегодно бывая за границей еще молодым человеком, он [Тарасов] заболел сухой спинного мозга. Эта страшная болезнь изуродовала его фигуру: ходил он сильно наклонившись вперед»⁵³.

С 1885 года Николай Алексеевич вошел в состав правления Санкт-Петербургского городского кредитного общества (ГКО)⁵⁴, с 1896 года до начала 1918 года бессменно занимал должность председателя правления ГКО⁵⁵, распорядившись судьбой значительной части недвижимости в городе.

В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов хранится негатив снимка, сделанного во время торжественного заседания в Петербургском городском кредитном обществе 5 апреля 1911 года, посвященного 50-летию юбилею общества⁵⁶. На центральном месте за столом президиума сидит худощавый человек с подкрученными усами. Известно, что к 1911 году пост председателя правления ГКО уже 15 лет занимал Н. А. Тарасов. Кому, как не ему, было председательствовать в столь торжественный день! Похоже, перед нами — единственное известное на сей день изображение Николая Алексеевича Тарасова.

Младший из братьев Тарасовых, Сергей Алексеевич, родился в 1858 году. Учился в Николаевском кавалерийском училище (его имя присутствует в списках 51-го выпуска 1878 года)⁵⁷. С. Тарасов был выпущен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, 2 августа 1886 года уволен в отставку в чине штабс-ротмистра⁵⁸. По воспоминаниям Д. А. Засосова, на учениях Сергей упал с коня и повредил себе спину.

Гласным Городской думы состоял с 1889 года, а с 1898 года занимал должность товарища Санкт-Петербургского городского головы. Будучи гласным, принимал участие в работе комиссии по народному образованию, финансовой комиссии и комиссии по составлению списков присяж-

ных заседателей. Состоял членом от города в попечительстве приюта-колонии в память Императора Александра III, депутатом по наблюдению за городскими стипендиями имени великого князя Константина Николаевича в школе садоводства и огородничества. Также был заместителем городского головы в губернском по квартирному налогу присутствии, представителем от города в правительственной комиссии по вопросу о тяге на приладожских каналах и заместителем председателя в комиссии о Северных железных и водных путях и торговле Петербургского порта. В должности товарища городского головы С. А. Тарасов много потрудился в делах городского управления по проведению железной дороги Петербург — Вологда — Вятка, по устройству городского ломбарда и городской типографии⁵⁹.

А. Д. Бочагов в альбоме «Петербургская дума в биографиях ее представителей. 1904—1910» добавлял, что на пост товарища городского головы в 1904 году С. А. Тарасов был выбран почти единогласно, что он нередко замещал городского голову в присутствии управы в качестве председателя, что под его началом находились регистратура, юрисконсультский стол, контроль делопроизводства при управы и общее заведование канцелярией управы. «Такой массой обязанностей по служебному долгу только и можно объяснить, что С. А. Тарасов приходит в Думу первым, а уходит почти последним», — писал А. Д. Бочагов⁶⁰. В его альбоме помещены также характеристики членов Городской думы на основе «психографологического» изучения почерка. Относительно С. А. Тарасова сказано следующее: «Простая, искренняя натура. Дружелюбное отношение к окружающим. Сильная потребность к деятельности. Природный ум. В материальной жизни — осторожность, но без жадности. Почерк обнаруживает выгодные способности к организации дела. Умение выдержать кризис, настаивать и поставить на своем. Изворотливость ума, тщеславный, любит показать себя».

Братья были не чужды благотворительности. Состояли в Императорском человеколюбивом обществе на должности сотрудника попечителя Приюта Господа Нашего Иисуса Христа в память отрока Василия, председательствовали в Хозяйственно-техническом комитете Императорского человеколюбивого общества. В 1915—1916 годах старший был помощником попечителя Николаевской городской детской больницы (Большая Подьяческая ул., 30).

В январе 1918 года Н. А. и С. А. Тарасовы еще были в Петрограде⁶¹. В дальнейшем их следы теряются. Д. А. Засосов и В. И. Пызин пишут, что у Сергея Александровича была дочь, но судьба ее неизвестна. Николай Алексеевич потомства не оставил. У Алексея Алексеевича было трое детей: дочери Валентина и Людмила и сын Владимир⁶². Людмила Алексеевна (1884—?) стала женой Александра Владимировича Юргенса (1876—1935), начальника станции Царского павильона I железной дороги в Царском Селе (1911), с 1916 года — полковника.

17 марта 1935 года при проведении органами УНКВД Ленинградской области операции «бывшие люди» А. В. Юргенс был арестован и 29 марта 1935 года Особым совещанием при НКВД СССР, как социально опасный элемент, вместе с семьей (женой, дочерью Ириной (1905 г. р.), сыновьями Никитой (1906 г. р.) и Андреем (1912 г. р.) лишен права проживания в 15 населенных пунктах без указания срока. 26 марта 1935 года Юргенс прибыл с семьей к месту проживания в г. Выкса Горьковского края. Особым совещанием при НКВД СССР от 2 апреля

1936 года ссылка Ирине и Андрею Юргенс была отменена. А. В. Юргенс умер в ссылке в январе 1939 года. Л. А. Юргенс от ссылки освобождена постановлением Особого совещания при МВД СССР от 2 июля 1946 года⁶³.

Дальнейшая их судьба не установлена. Быть может, кто-либо из них жив и сочтет для себя возможным откликнуться на эту публикацию?

Сегодня дома «империи Тарасовых» обветшали; корпуса по Фонтанке и 1-й Красноармейской ул. еще относятся к жилому фонду, а корпуса в глубине участка предназначены на слом. Хочется, однако, верить, что потомки многочисленного рода Тарасовых, на протяжении трех столетий бывшего свидетелем жизни нашего города, здравствуют и по сей день.

- ¹ Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991; Изд. 2-е, доп. 1999. Ссылки даются по первому изданию.
- ² Богданов И. А. Три века Петербургской бани. СПб., 2000. С. 133.
- ³ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 47.
- ⁴ Там же. С. 60–61.
- ⁵ Краско А. В. Дома купцов Елисеевых. СПб., 1997. С. 16.
- ⁶ Муретов Д., Малиновский Ф. Описание Большеохтинского кладбища. СПб., 1883. С. 17–18.
- ⁷ Там же. С. 3.
- ⁸ Там же. С. 4.
- ⁹ ЦГИА СПб. Ф. 391 (Охтенская пригородная управа). Оп. 1. Д. 3 «О записке из вольных людей в вольные плотники с имянным списком». Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Л. 5 (об).
- ¹¹ Там же. Л. 30 (об).
- ¹² Юрьев новгородский первоклассный монастырь: История и его описание / Сост. иеромонах Валентин (Ключарев). Новгород, 1893. С. 43–49.
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 121 «О выборе в мирские должности и о распоряжениях вообще по управлению охтенскими поселянами». Л. 33–34.
- ¹⁴ Там же. Л. 36, 36 (об).
- ¹⁵ Мансуров Б. П. Охтенские Адмиралтейские селения. СПб., 1856. С. 112–113 1-й паг.
- ¹⁶ Муретов Д., Малиновский Ф. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 910. «О жестоком обращении с мальчиком Лисенковым, находившемся в работниках у поселянина Тарасова».
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 292. «О старшинах Алексее Михайлове, Степане Тарасове и Иване Иконникове».
- ²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 348 а. «Дело о поселянах Степане Тарасове и Меринове как имеют тяжбу в месте земли».
- ²¹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1036. «О доставлении сведений, не был ли в штрафах и под судом охтенский поселянин Арефий Тарасов». Л. 4–5. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1137. «О доставлении в Кораблестроительный Департамент списка семейств охтенского поселянина Семена Тарасова». Л. 4. Петербургский некрополь / Сост. Саитов В. И. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.
- ²² Там же.
- ²³ ЦГИА СПб. Ф. 515 (Городское кредитное общество). Оп. 1. Д. 1835. «Дело правления С.-Пб гор. кредитного общества по залогу имущества гг. Тарасовых». Л. 1–2.
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 482. «О награде Охтенского поселянина Федора Тарасова Серебряной Медалью». Л. 2.
- ²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1181. «О дозволении Поселянину Семену Тарасову именоваться столярных, паркетных и позолотных дел мастером двора Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны».
- ²⁶ Овсянников Ю. Великие зодчие Санкт-Петербурга: Трезини, Растрелли, Росси. СПб., 1996. С. 464.
- ²⁷ Там же. С. 467–468.
- ²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1137. Л. 4; Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдии. СПб., 1865. С. 348.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 830. «О взятых в ночное время [в] полицию поселян Аревыя Тарасова и Василия Деметьева Максимова [за] разбитие фонарей Охтенской части».
- ³⁰ ШЕРЕМЕТЕВ Дмитрий Николаевич (1803–871), граф, флигель-адъютант Николая I, гофмейстер, попечитель московского Странноприимного дома Шереметевых.
- ³¹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1036. Л. 30, 32, 35 (об), 36.
- ³² Там же. Д. 1137. Л. 4.
- ³³ Краско А. В. Указ. соч. С. 32.
- ³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1835. Л. 81–88. Петербургский некрополь / Сост. Саитов В. И. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4747. «Правительствующего Сената герольдии дело по прошению С. Петербургского 1 гильдии купца Тарасова о возведении его в потомственное почетное гражданство». Л. 9, 9 (об.).
- ³⁶ Там же. Л. 16 (об.) – 17.
- ³⁷ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: Справочник. СПб., 1996.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 г. купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдии. СПб., 1870.
- ⁴⁰ С 1921 г. – ул. Егорова. Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика: [Справочник-путеводитель] / Авт.-сост. С. В. Алексеева и др. СПб., 1997. С. 44.
- ⁴¹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Ист.-церков. энциклопедия в трех томах. СПб., 1996. Т. 3. С. 195.
- ⁴² Петербургский некрополь.
- ⁴³ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч.
- ⁴⁴ Петербургский некрополь.
- ⁴⁵ Краско А. В. Указ. соч. С. 30–34.
- ⁴⁶ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 60.
- ⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1835. Л. 81–88.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 316 (Военно-медицинская академия). Оп. 69. Д. 115. «Копии дипломов лекарей и ветеринаров в [18]78 г.» Л. 201.
- ⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1835. Л. 118.
- ⁵⁰ Там же. Д. 3768а. Л. 54; Д. 1845. Л. 221.
- ⁵¹ Здесь и далее сведения даются по: РГИА. Ф. 229 (Канцелярия министра путей сообщения). Оп. 10. Д. 2894 «О службе инженера Николая А. Тарасова».
- ⁵² Там же. Л. 68.
- ⁵³ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁴ Шустов А. С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903.
- ⁵⁵ Весь Петербург на... (1896–1914) год. Адресно-справочная книга. СПб., [1896–1914]; Весь Петроград на (1915–1917, 1922) год. СПб., [1915–1917, 1922].
- ⁵⁶ ЦГА КФФД. Е 8430. 5 апреля 1911 г. Петроградское городское кредитное общество «Торжественное заседание в день 50-летнего юбилея общества».
- Фотограф К. Булла.
- ⁵⁷ Шкотт П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1898. СПб., 1898.
- ⁵⁸ Высочайшие приказы о военных чинах за 1885, 1886 гг. СПб., 1885–1886.
- ⁵⁹ Тимофеев А. В. Петербургская городская дума: Альбом господ гласных. СПб., 1903.
- ⁶⁰ Бочагов А. Д. Петербургская дума в биографиях ее представителей. 1904–1910. СПб., 1904. С. 11.
- ⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9175.
- ⁶² Там же. Д. 3768а «Дело правления С.-Пб гор. кредитного о-ва по залогу имущества жены Гв. капитана Х. Г. Байер». Л. 288.
- ⁶³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивная справка № 10/14-2151н/с от 14.11.2001 о наличии сведений в отношении семьи Юргенс.

Российская семья — россыпь алмазов

В. Е. Павлов*

Всем хорошо известна редкая фамилия Миклухо-Маклай. Научная деятельность выдающегося ученого и путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая, посвятившего свою жизнь идеалам гуманизма, сделала эту фамилию всемирно известной.

Антрополог, этнограф, анатом, врач, лингвист, зоолог, ботаник, биолог, географ, писатель, публицист и художник в одном лице, Николай Николаевич, словно комета, промчался по небосклону научной сферы, оставив труды, не утратившие своего значения до сегодняшнего дня.

Главный источник высококравственных поступков знаменитого исследователя — его семья, родители. Сведения о них малоизвестны, имена родителей подверглись забвению, а между тем это — цвет русского общества бурного XIX века.

Мало кто знает, что все дети инженера путей сообщения Николая Ильича Миклухи (их было пятеро), их внуки и правнуки образовали такой сплав выдающихся деятелей Российского государства, которому отдают дань уважения уже более полутора веков.

Николай Ильич Миклуха, родоначальник ныне живущих Миклухо-Маклаев, — незаурядная обаятельная личность. Он родился 12 октября 1818 года** в дворянской семье в городе Стародубе Черниговской губернии (теперь этот город, основанный в 1096 году, — в составе Брянской области). Свою фамилию он унаследовал от предков, известных еще в XVII веке. По семейной легенде, в битве под Желтыми Водами на Украине в

Николай Ильич Миклуха

1648 году, когда казаки Богдана Хмельницкого разгромили авангард польского гетмана Потоцкого, был взят в плен шотландский наемник Микаэл МакЛай, служивший в польской армии. Казаки отнесли к пленнику по-доброму. Им были по душе его мощная фигура и покладистость. Так шотландец остался на Украине, обрусел, женился. Имя Микаэл перешло в «Миклуху». Правда, до 60-х годов XIX века вторая часть фамилии употреблялась редко.

Известно, что один из Миклухо-Маклаев, Степан, участвовал в русско-турецкой войне и отличился при взятии Очакова в 1788 году. Он первым во главе сотни казаков взобрался на крепостную стену и водрузил российский флаг, за что получил чин хо-

*Не осталось мне от батюшки
Палат каменных,
Слуг и золота.
Он оставил мне
Клад наследственный —
Волю твердую,
Удаль смелую.*

И. С. Никитин

рунжего казачьих войск, был награжден орденом Владимира I степени и удостоился дворянского звания¹. Это позволило семье приобрести хутор под Стародубом и обеспечить хорошее по тому времени проживание.

Сын дворянина Степана Миклухи-Маклая Илья Степанович учился в Нежинской гимназии² высших наук князя А. А. Безбородко. Эта гимназия, основанная в 1799 году, в 1832 году была преобразована в физико-математический лицей, который блестяще (с отличием) окончил сын Ильи Степановича Николай (у Ильи Степановича было шестеро детей). Среди профессоров лицея выделялся профессор чистой математики К. Я. Купфер, пользовавшийся большим авторитетом среди учеников. Видимо, именно Купферу обязан Николай Ильич своей подготовкой, так как в 1834 году он выдержал конкурс при поступлении в Институт Корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге (особое внимание при отборе абитуриентов тогда обращалось на их физико-математическое образование).

Интересно, что в том же лицее первоначальное образование получил выдающийся инженер путей сообщения — мостостроитель Дмитрий Иванович Журавский, проявивший с ранних лет склонность к математике, чем он был обязан, по его воспоминаниям³, своему старшему товарищу Николаю Ильичу Миклухе, который был дружен с Петром, братом Дмитрия, и часто приезжал к Журавским в гости⁴. В 1838 году Д. И. Журавский окончил лицей и поступил, как и Н. И. Миклуха, в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, и их дружба продолжалась до кончины Николая Ильича. Д. И. Журавский — автор проекта металлического шпиля знаменитого собора Петропавловской крепости.

* Выражаю глубокую благодарность Карине Викторовне и Ольге Андреевне Миклухо-Маклай за ценные сведения и предложения, использованные в этой статье, а также за возможность ознакомиться с фотографиями потомков Н. И. Миклухи.

** Все даты в тексте до марта 1918 г. приведены по старому стилю.

В 1830-е годы Институт Корпуса инженеров путей сообщения (первым директором института был знаменитый испанский инженер и ученый мирового уровня Августин Августинович Бетанкур⁵) был закрытым учебным заведением (по образцу военных кадетских корпусов).

В 1834 году директором института был профессор начертательной геометрии генерал-лейтенант Карл Потье⁶, французский инженер, закончивший Политехническую школу и Школу мостов и дорог в Париже, приглашенный в Россию А. Бетанкуром при согласии императора Александра I. К. Потье сменил генерал-лейтенанта Петра Базена⁷, второго директора института, прославившегося крупными инженерными работами в Санкт-Петербурге, выдающегося математика и механика, почетного члена Петербургской академии наук. П. Базен передал Карлу Потье институт, завоевавший высокий научный авторитет среди высших технических учебных заведений города (кроме военных вузов в 1834 году в Санкт-Петербурге готовили специалистов институты Горный, Технологический, Гражданских инженеров, Лесной).

В 1834 году институт располагал крупной библиотекой, физическим, минералогическим, модельным и инструментальным кабинетами, лабораторией, мастерскими и музеем. В институте работали 80 профессоров, преподавателей и других сотрудников, обучались 347 студентов⁸.

9 октября 1836 года директором института был назначен генерал-майор А. Д. Готман⁹, выпускник первого приема в институт (1813 года выпуска), проявивший себя во многих инженерно-строительных работах, талантливым учеником А. Бетанкура.

Помощником Готмана по учебной части стал профессор Я. А. Севастьянов¹⁰, выпускник института 1814 года. Питомцы института А. Д. Готман и Я. А. Севастьянов в течение первых трех-четырёх лет своей работы перевели преподавание в институте с французского на русский язык и начали выпускать учебные пособия только на русском языке, что в значительной мере облегчало обучение студентов.

Николай Ильич Миклуха захватил перестройку в работе института, обучаясь вначале на французском, а затем — на русском языке.

Он слушал лекции выдающихся ученых: академиком Петербургской академии наук В. Я. Бунаковского¹¹

(по высшей математике), М. В. Остроградского¹² (по аналитической механике и астрономии), Г. И. Гесса¹³ (по химии), А. Я. Купфера¹⁴, младшего брата профессора Нежинского лицея (по физике), а также профессоров П. П. Жако¹⁵ (по архитектуре), Я. А. Севастьянова (по начертательной геометрии), И. Ф. Ястржембского¹⁶ (по прикладной механике).

Благодаря таким учителям Николай Ильич в 1840 году блестяще окончил институт вторым по успехам (после Петра Собко, ставшего профессором института и всегда интересовавшегося судьбой своих однокурсников). Получив звание инженера-поручика, Николай Ильич поступил в распоряжение Корпуса инженеров путей сообщения и был определен к работе по соединению рек Волги и Москвы, выполняемой III округом путей сообщения¹⁷.

Однако 25 февраля 1843 года Н. И. Миклуха был переведен на строительство Петербурго-Московской железной дороги¹⁸.

Еще в марте 1841 года был образован Особый комитет для составления предварительного проекта железной дороги между Петербургом и Москвой. Главную роль в этом комитете играли профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения П. П. Мельников и Н. О. Крафт¹⁹, которые подготовили аргументированные технико-экономические обоснования проекта. 1 февраля 1842 года был издан указ Николая I о создании Комитета Петербурго-Московской железной дороги, в составе которого действовала Строительная комиссия под председательством А. Х. Бенкендорфа, при участии П. П. Мельникова, Н. О. Крафта и других специалистов. В августе 1842 года главноуправляющим путей сообщения стал П. А. Клейнмихель, и все строительство дороги было подчинено ему. Строительная комиссия была упразднена, а ее функции были переданы Департаменту железных дорог, образованному в составе Главного управления путей сообщения и публичных зданий. При департаменте была создана техническая комиссия, которая должна была рассматривать все проекты и сметы расходов по железной дороге. В состав этой комиссии вошли 6 человек, в том числе П. П. Мельников и Н. О. Крафт.

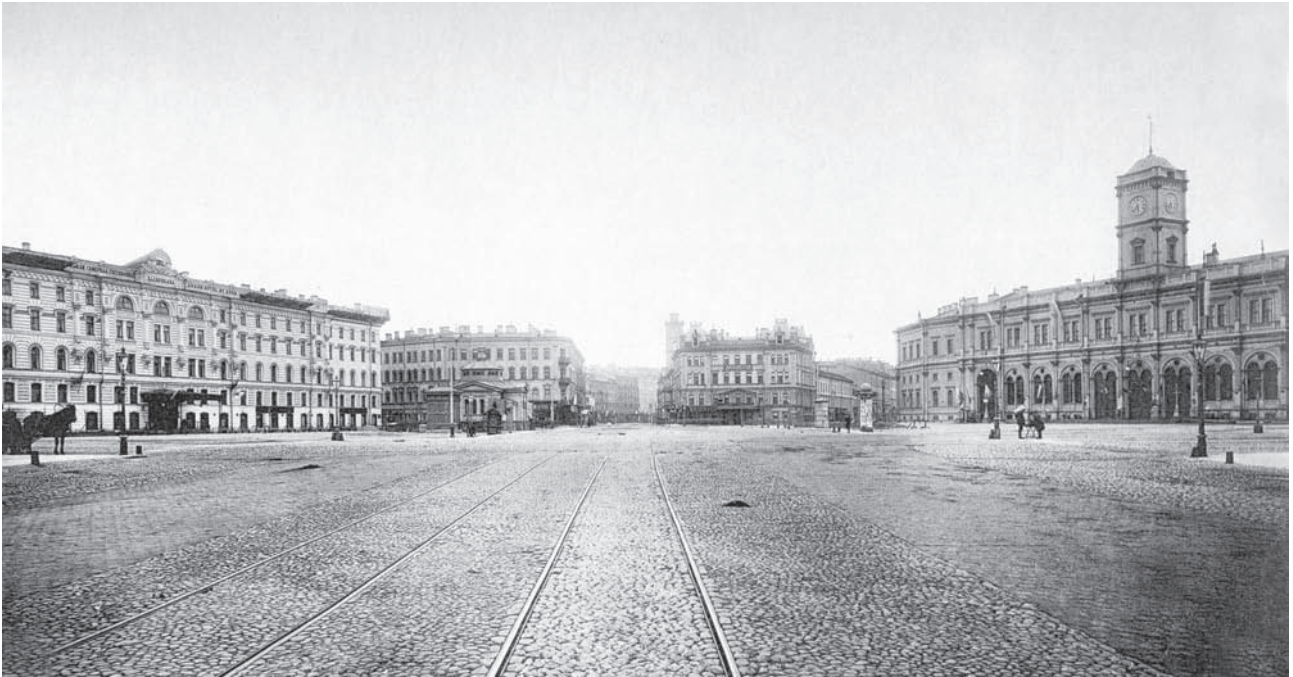
Строительство дороги было поручено двум дирекциям — Северной (от Санкт-Петербурга до нынешней

станции Бологое²⁰, под управлением П. П. Мельникова) и Южной (от Москвы до станции Бологое, под управлением Н. О. Крафта). П. П. Мельников поселился в Чудове, а Н. О. Крафт — в Твери. Все лето и осень 1842 года проводились изыскания на местности, в которых участвовали молодые выпускники Института Корпуса инженеров путей сообщения. Основные изыскательские работы в Северной дирекции были завершены в декабре 1842 года, а в Южной — в апреле 1843 года. К маю 1843 года общее направление дороги было нанесено на карту, проект трассы дороги закончен и представлен в департамент на утверждение. Летом 1843 года (после утверждения результатов проектно-изыскательских работ) началось строительство дороги. Каждая дирекция была разделена на 6 участков, а каждый участок на дистанции длиной 10–12 км. Во главе участков и дистанций были поставлены инженеры путей сообщения (их было 79 человек).

Вот в тот период и началась работа Николая Ильича Миклухи в должности начальника дистанции в Северной дирекции под общим руководством П. П. Мельникова. В июле 1846 года Николай Ильич, как сказано в его послужном списке²¹, был назначен «помощником начальника опытного пути от Санкт-Петербургской пассажирской станции до Александровского механического заведения Санкт-Петербургской железной дороги²² (начальником опытного пути был инженер путей сообщения Петр Клоков).

7 мая 1847 года опытный путь (длиной 27 км) был сдан в эксплуатацию, и открылось рабочее движение грузовых и пассажирских поездов (движение на магистрали начиналось частями по мере готовности отдельных участков). В этом была заслуга и Николая Ильича, первого на дороге отправлявшего поезда из Санкт-Петербурга. 6 марта 1848 года Николая Ильича назначили начальником Санкт-Петербургской пассажирской станции Петербурго-Московской железной дороги и одновременно начальником вокзала, строительство которого еще не было завершено.

Строительство столичного вокзала началось в 1844 году по проекту известного архитектора К. А. Тона²³, утвержденному императором. Правда, вследствие отъезда К. А. Тона на 5 месяцев за границу к наблюдению за строительством был привлечен архитектор Р. А. Желязевич²⁴ (семь лис-

Знаменская площадь. Фото К. К. Буллы. 1890-е гг. Инв. ЭРФТ-152

тов чертежей 1845 года по устройству пассажирской станции в Петербурге подписаны Желязевичем). С 1847 года Тон не принимал участия в строительстве вокзала.

Начальником станции и вокзала Николай Ильич оставался до августа 1849 года, 11 августа он был переведен на более ответственную работу — начальником опытного пути Петербурго-Московской железной дороги на участке Южной дирекции между Вышним Волочком и Тверью под начало Н. О. Крафта. В октябре 1849 года этот опытный участок был открыт. Туда по Мариинской водной системе были в разобранном виде доставлены паровозы. Там они были собраны и поставлены на рельсы. Поэтому значение участка, куда был направлен Николай Ильич, было особо важным для организации движения от Бологого до Москвы. На участке от Вышнего Волочка до Твери в октябре 1849 года было открыто движение пассажирских поездов по расписанию с продажей билетов (для движения рабочих поездов этот участок уже был готов в конце августа).

Николай Ильич в декабре 1849 года писал: «Первый поезд назначенного правильного (т.е. по расписанию) пассажирского движения по железной дороге между Вышним Волочком и Тверью отправился из Твери утром в 10 часов и прибыл в Волочек того же числа благополучно. На станциях задержек и в пути остановок не было».

Первыми русскими машинистами на этом опытном пути были Иван Плотников и Василий Исаев²⁵.

1 ноября 1851 года Петербурго-Московская железная дорога была сдана в постоянную эксплуатацию. В связи с этим Николай Ильич в сентябре 1851 года возглавил вначале VI, а с июля 1852 года — IV отделение первой двухпутной магистрали России (с жительством в Санкт-Петербурге). Он стал одним из первых инженеров путей сообщения в России, освоивших эксплуатационное направление в своей практической работе на железнодорожном транспорте. При участии начальников отделений дороги, в том числе и Николая Ильича Миклухи, в 1854 году в рамках всей магистрали был введен (впервые в России) график движения поездов.

Инженер Миклуха стал инициатором устройства на опытном участке Петербурго-Московской железной дороги живой изгороди из елок для защиты верхнего полотна дороги от снежных заносов. В письме Н. О. Крафту от 16 марта 1850 года Николай Ильич отметил, что «поставленные ряды елок в настоящую зиму в опытном пути на всем его протяжении весьма хорошо предохранили дорогу от снежных заносов. Елки устанавливались там, где дорога идет по горизонтальной местности или малом возвышении или понижении над нею, при переходе пути в выемку и выходе из нее. На версту требуется около 4-х тысяч елок»²⁶.

Условия труда Н. И. Миклухи, особенно на первых порах, были чрезвычайно трудными. Протяженность болот на участке Северной дирекции (от Петербурга до Бологого) составляла 36% (общая длина болот, пересекаемых железной дорогой, достигала 170 км). Строители, в большинстве своем крепостные крестьяне из Белоруссии (на участке работы Н. И. Миклухи их было около тысячи человек), нередко работали по пояс в воде. Их руками было выполнено около 100 млн. кубических метров земляных работ, т.е. 160 тыс. кубометров на один км пути. Этот колоссальный объем работ свидетельствует о непосильной нагрузке каждого рабочего. Кроме того, надо учесть, что рабочие жили на строительстве в деревянных бараках, в шалашах, в землянках, в холщовых палатках. Селили всех по несколько десятков человек. Плохое питание, скученность и грязь, отсутствие бань и простейших уборных вызвали распространение заразных болезней. Нередко на стройке свирепствовали тиф и цинга, появлялись случаи холеры, что приводило к опасным заболеваниям и смерти. Только в январе—феврале 1846 года на участках Северной дирекции умерло 357 человек. На всей магистрали работало 35 тыс. человек, несколько тысяч из которых погибло от голода и болезней²⁷.

Николай Ильич часто находился среди рабочих, поддерживая их своим вниманием и заботой, обеспечи-

вая необходимые перерывы для отдыха и смены одежды, договариваясь с подрядчиками работ об улучшении условий труда. За это они отвечали ему любовью и уважением. Сам Николай Ильич с семьей жил в районе строительства, часто в палатках, работал без отпусков; восьмилетняя бивуачная жизнь подорвала его здоровье, он стал чувствовать усталость. Только поддержка жены и радость общения с детьми придавали ему силы.

Николай Ильич был человеком с широким кругозором, он проявлял интерес не только к технической литературе, его душа была полна поэзии и музыки. Знакомство с поэтом Алексеем Константиновичем Толстым было для него событием. Толстой познакомил Николая Ильича с Н. А. Некрасовым и А. И. Герценом. С семьей Герцена общалась и дружила вся семья молодого инженера. Примечательно, что переписку с Герценом Николай Ильич не прерывал и после того, как тот эмигрировал в Англию. Это обстоятельство не ускользнуло от полиции. Н. И. Миклуха болезненно переживал арест и ссылку Т. Г. Шевченко, которого глубоко уважал как автора «Кобзаря» и других свободолобивых произведений. Т. Г. Шевченко много лет томился в ссылке в Оренбургском крае. Николай Ильич послал Шевченко в Александровский форт 150 руб. Видимо, это не понравилось полиции и самому Александру II. В 1856 году Николая Ильича уволили с должности начальника отделения дороги из-за начала следствия по делу о связях с репрессированным Т. Г. Шевченко.

20 декабря 1857 года, по новому стилю 2 января 1858 года, не отметив свое сорокалетие, в расцвете сил Николай Ильич умер (у него открылся скоротечный туберкулез легких). На руках жены остались пятеро детей (старшему сыну было 12 лет, а младшему — 1,5 года).

Похоронили инженера-капитана на Волковском православном кладбище (в 1938 году его прах был перенесен на территорию, которая в 1885 году получила наименование «Литераторские мостки»²⁸).

В 1867 году на ст. Любань Николаевской железной дороги была освящена каменная Петропавловская церковь, построенная по проекту К. А. Тона на народные средства и пожертвование П. П. Мельникова (оно составило 50% необходимой для строительства суммы). На мраморной дос-

ке, размещенной при входе в церковь, были высечены фамилии всех инженеров путей сообщения — строителей дороги, в том числе и фамилия Н. И. Миклухи. К сожалению, эта доска была уничтожена во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, значительно пострадала и сама церковь.

В 1901 году совет управления Николаевской железной дороги принял решение считать Петропавловскую церковь храмом-памятником Николаевской железной дороги²⁹.

В 2000 году, после завершения работ по реставрации Петропавловской церкви, разрушенной в военное время, этот храм был освящен патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Восстановление храма проведено на благотворительные средства работников Октябрьской железной дороги, поддерживавших предложение начальника дороги и министра путей сообщения А. А. Зайцева о необходимости реставрации храма.

У Николая Ильича была удивительная семья. Его жена и пятеро детей навечно вошли в историю России, как и сам Н. И. Миклуха.

Екатерина Семеновна Миклуха, урожденная Беккер

Весной 1843 года на участок дороги, где работал Николай Ильич, в связи с профилактикой чумы приехал Семен Иванович Беккер, старый приятель Ильи Степановича Миклухи по Отечественной войне 1812 года³⁰.

Летом 1843 года Николай Ильич побывал в Москве у Беккера и по-

знакомился с дочерью Семена Ивановича Екатериной, которая и стала его женой. У Беккера было семеро детей, Екатерина была четвертой. Беккеры происходили из обрусевших немцев, приехавших в Россию еще при Екатерине II. Дед Екатерины Семеновны был лейб-медиком польского короля Станислава Понятовского (приехал из Пруссии по поручению прусского короля), а отец был женат на польке Луизе Шатковской (из города Вильно, скончалась в 1874 году в Киеве). Екатерина Семеновна родилась 3 октября 1826 года, скончалась в ночь на 10 июня 1905 года и похоронена на кладбище г. Малина Житомирской области на Украине, где уже покоились ее сын Сергей и жена Сергея — Анна Петровна.

У Николая Ильича и Екатерины Семеновны было пятеро детей: сыновья Сергей (родился 22.06.1845 г.), Николай (родился 17.06.1846 г. в селе Языково-Рождественском близ Боровичей Новгородской губернии), Владимир (родился 19.05.1853 г.), Михаил (родился 31.03.1856 г.) и дочь Ольга (родилась 29.04.1849 г.).

Старший сын Сергей Николаевич окончил юридический факультет Петербургского университета, работал мировым судьей в Киевской губернии (жил в г. Малине, умер в 1895 г.)³¹.

У Сергея Николаевича было три сына и дочь. Сергей Сергеевич (17.01.1890—16.03.1962) участвовал в

Сергей Николаевич Миклухо-Маклай

Николай Николаевич
Миклухо-Маклай

Первой мировой войне, за отвагу и храбрость был награжден орденами, в том числе орденом Святого Георгия. В 1920 году он эмигрировал и проживал в Югославии. В Македонии и сейчас проживает его дочь Анна.

Юрий Сергеевич (1892–17.07.1918) учился в гимназии, добровольцем ушел на фронт в годы Первой мировой войны, в июле 1918 году был убит бандитами в своем доме в г. Малине.

Дмитрий Сергеевич (1894–2.01.1941) с 1928 года жил в Ленинграде, с 1938 года работал секретарем редакции журнала «Известия Всесоюзного Географического общества»³².

Николай Николаевич, восстановивший полную фамилию отца Миклухо-Маклай (все родственники Николая Николаевича официально приняли эту фамилию), учился в Петербургском университете, но в 1864 году за участие в студенческом движении был исключен из университета без права поступления в высшие учебные заведения России. Образование свое Николай Николаевич продолжил за границей: учился на философском факультете Гейдельбергского университета, на медицинском факультете Лейпцигского и в Йенском университете, где изучал анатомию и зоологию (первые научные работы в этой области принесли Николаю Николаевичу некоторую известность). В 1866 году Н. Н. Миклухо-Маклай отправился на Канарские острова, где вместе со своим учителем зоологом Э. Геккелем изучал животный мир острова Лансароте.

После поездок на Сицилию и в прибрежные области Красного моря осенью 1869 года Николай Николаевич представил Русскому географическому обществу свой план тихоокеанского путешествия с научными целями и получил поддержку.

20 сентября 1871 года он высадился в бухте Астролябия в Новой Гвинее. Корвет «Витязь», совершавший тогда кругосветное плавание, взял на борт Николая Николаевича; команда «Витязя» для Николая Николаевича и его двух спутников построила на берегу бухты небольшую хижину. Так началась удивительная эпопея жизни и научных изысканий знаменитого ученого. В июле 1878 года Николай Николаевич открыл первую в Австралии морскую биологическую станцию³³ (недалеко от Сиднея)³⁴.

В 1882 году Миклухо-Маклай побывал в Петербурге и обратился к императору Александру III с предложением защитить население Малайского берега Новой Гвинее и основать там «вольную русскую колонию». Однако это предложение не было принято, и Николай Николаевич уехал в Сидней, где в течение двух лет приводил в порядок свои обширные коллекции и дневники. Этот материал позволил ему в 1886 году в Петербурге устроить выставку, вызвавшую интерес в научных кругах. Статьи Миклухо-Маклая печатались в «Известиях Императорского Русского географического общества». 14 апреля 1888 года, на 42-м году жизни, Николай Николаевич скончался в Петербурге и был похоронен на Волковском кладбище, но в 1938 году был перезахоронен — его могила находится рядом с могилой отца на «Литераторских мостках»³⁵.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай был женат на Маргэрит, урожденной Робертсон (21.01.1855–01.01.1936), дочери премьер-министра Нового Южного Уэльса Австралии, с которой почти два года прожил в Петербурге, привез с собой на родину двух сыновей — Александра (14.11.1884 — ноябрь 1951) и Владимира (29.12.1885–19.02.1958). После смерти Николая Николаевича его вдова с детьми возвратилась в Сидней и получала до 1917 года пенсию от российского правительства на содержание детей. Работы и коллекции своего мужа она передала Русскому географическому обществу (они хранятся сейчас в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге).

Маргэрит, жена Николая
Николаевича

Имя ученого носит берег на северо-востоке острова Новая Гвинея (протяженность берега Маклая — 300 км).

В 1979 году в Сиднее образовано Общество имени Н. Н. Миклухо-Маклая, президентом которого был избран его внук Роб (29.10.1919–25.05.1994), сын Владимира, доктор наук, заведующий физическим департаментом Сиднейского педагогического колледжа. Два места в совете этого общества были предоставлены представителям Географического общества СССР и Института этнографии Академии наук СССР.

В связи со столетием прибытия Н. Н. Миклухо-Маклая в Австралию в Сиднее советом Государственной библиотеки Сиднея совместно с генеральным консулом СССР, при участии потомков ученого, проживавших в Австралии, в июле 1978 года была организована памятная выставка³⁶. На открытии выставки присутствовали внуки Н. Н. Миклухо-Маклая: Роб и Кеннет (родился 02.05.1912, адвокат), дети Владимира Николаевича и Пол (родился 02.04.1916, журналист, комментатор и диктор телевидения), сын Александра Николаевича.

Пол с женой в 1971 году посетили Ленинград в связи с празднованием 125-летия со дня рождения своего деда. У Пола трое детей, четверо внуков.

Роб с женой Алисой посещали Ленинград 5 раз (последний раз — в 1994 году) и даже отметили в Ленинграде золотую свадьбу.

В 1984 году Роб с женой перед уходом на пенсию решил снова побывать на родине своего деда. Супруги

Братья Миклухо-Маклай Михаил Николаевич и Владимир Николаевич (стоит) с женой Юлией (1883 г.)

съездили на Украину, под Киев; в Ленинграде посетили могилу Н. Н. Миклухо-Маклая, а затем побывали в средней школе № 232, где в бывшей Второй Санкт-Петербургской гимназии учился Николай Николаевич. Школьники подарили гостям портрет Н. Миклухо-Маклая, выполненный ученицей Дариной Карповой³⁷.

К сожалению, в мае 1994 года Роб скончался.

В июле 1996 года общественные организации Сиднея и общество дружбы «Австралия—Россия» провели

научную конференцию памяти Н. Н. Миклухо-Маклая. На территории Сиднейского университета в присутствии посла России в Австралии и работников генерального консульства России в Сиднее был открыт бюст Николая Николаевича (подарок российского правительства)³⁸. Памятному событию было посвящено собрание Русского исторического общества (в помещении Свято-Петропавловского собора), а также вечер в честь Н. Н. Миклухо-Маклая в Русском клубе в Стратфилде. Музей У. Мак-

лая, сподвижника Н. Н. Миклухо-Маклая, осуществил прием гостей в здании «Элизабет Бэй Хаус»³⁹.

В Советском Союзе (а сейчас в России) опубликованы научные труды Н. Н. Миклухо-Маклая, охватывающие весь период активной творческой деятельности ученого.

Так, в 1999 году Институтом этнографии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук опубликовано Собрание сочинений Миклухо-Маклая в 6 томах (аналогичное издание было осуществлено в 1950—1954 гг. и в 1990 г.). Н. Н. Миклухо-Маклаю посвящены многочисленные научные статьи и популярные очерки, монографии и диссертации. В 1989 году на русском языке опубликован обширный труд австралийского исследователя Гринопа Франка Сиднея — «О том, кто странствовал в одиночку», впервые изданный в Сиднее в 1944 году.

Тиражом в 115 тыс. экземпляров в 1965 году в Москве вышла книга М. С. Колесникова «Миклухо-Маклай», вобравшая в себя многочисленные сведения о жизни и творческих поисках русского ученого.

Николай Николаевич оставил своеобразное завещание своим детям — правила своей жизни⁴⁰:

1. Помни, что каждый вечер мы делаемся беднее на один день.
 2. Твои права оканчиваются там, где начинаются права другого.
 3. Не делай другому того, что не желаешь, чтобы сделали тебе.
 4. Не обещай — раз обещав, старайся исполнить.
 5. Никогда не раскаивайся в том, что сделал, но если осознал, что сделал плохо, — не повторяй.
 6. Не берись за дело, не будучи уверенным, что его выполнишь.
 7. Раз начав работу, старайся ее кончить как можно лучше — не переделывай ее несколько раз. На следующей работе не повторяй ошибок первой.
 8. Если не сделаешь, когда можешь, не сможешь сделать, когда и захочешь.
 9. Людей следует ценить по тем целям, которые они перед собой ставят.
 10. Все, куда человек стремится, является бесконечным.
 11. «Tendo una parola» — «Держу одно слово».
- Последнее было жизненным девизом рода потомственных дворян Миклухо-Маклаев (в России каждый

потомственный дворянин должен был иметь родовой девиз).

Ольга Николаевна Миклухо-Маклай проявила себя талантливой художницей по фарфору. Она умерла в 1880 году при рождении ребенка. Сын ее Михаил (родился 31.01.1880 г.) воспитывался в доме бабушки в г. Малине и носил фамилию Миклухо-Маклай. Он окончил Киевский университет и работал там профессором.

Владимир Николаевич Миклухо-Маклай после окончания гимназии в 1869 году поступил в Морской кадетский корпус и отлично окончил его в 1873 году. Получив первый офицерский чин в царском флоте, мичман В. Н. Миклухо-Маклай был направлен на Черноморский флот. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, проходя службу на крейсере, он заслужил славу отважного офицера. Однако в знак протеста против жестоких порядков на царских военных кораблях в 1879 году Владимир Николаевич перешел в торговый флот. Плавая капитаном парохода на трассе Одесса–Владивосток, он хорошо изучил Тихий океан, что позволило ему в будущем свободно ориентироваться на море в годы войны с Японией. В 1882 году Владимир вернулся на военный корабль и получил чин капитана I ранга. Переведенный на Балтийский флот, он командовал броненосцами. Осенью 1902 года Владимир Николаевич стал капитаном броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков», на котором в 1905 году пришлось принять участие в Цусимском сражении. После первого дня морского боя поврежденный броненосец тихим ходом, отстав от других кораблей, направился во Владивосток и был замечен двумя японскими крейсерами. Контр-адмирал Симамура поднял сигнал, требуя сдачи броненосца. Однако Миклухо-Маклай предпочел сражаться, а не сдаваться врагу. Артиллеристы броненосца нанесли японскому крейсеру «Ивате» значительные повреждения, но силы были неравны, и броненосец, обстреливаемый японцами, наклонился и стал тонуть. Всем уцелевшим матросам капитан корабля приказал прыгать за борт, а корабль затопить. Сам же отказался от места в подошедшей японской шлюпке, указав на тонущего рядом моряка, и скрылся в водах Японского моря. Так вечером 15 мая (28 мая по новому стилю) 1905 года погиб вместе со многими боевыми товарищами один из лучших моряков

Ольга Николаевна Миклухо-Маклай

русского флота, патриот своей родины. Ему было всего 52 года⁴¹. Детей у Владимира Николаевича не было.

Подвиг Владимира Николаевича Миклухо-Маклая нашел отражение в воспоминаниях очевидцев, одно из которых «Памяти героически погибших в Цусимском бою офицеров и команд» капитана II ранга Г. К. Графа опубликовано в сборнике статей «С эскадрой адмирала Рожественского» (изда-

тельство «Облик», Санкт-Петербург, 1994) по материалам книги, изданной в Праге к 25-летию Цусимского сражения.

После Русско-японской войны 1904–1905 годов в Санкт-Петербурге был возведен и 31 июля 1911 года освящен построенный за один год храм-памятник «Спас на Водах» в память всех русских моряков и погибших кораблей. Мозаичная икона

Христа Спасителя, шествующего по морю и посылающего последние благословения тонущим морякам, была в окружении мраморных досок с медными пластинами. На одной из досок было выгравировано название корабля — «Адмирал Ушаков» и имя легендарного командира корабля — «Владимир Миклухо-Маклай». Храм-памятник, простоявший до 1932 года, был возведен по проекту архитектора М. М. Перетятковича. Работы по строительству храма возглавил инженер путей сообщения С. Н. Смирнов⁴². Недавно было принято решение о возрождении «Спаса на Водах».

Михаил Николаевич Миклухо-Маклай после окончания Первого реального училища и химико-технического отделения дополнительного класса в 1876 году поступил в Горный институт в Петербурге. Окончив институт в 1882 году, он отправился в Германию, где в Мюнхенском университете слушал лекции и работал под руководством профессора Р. Гертвича. В мае 1886 года Михаил поступил в распоряжение Общества Путиловских заводов, но по поручению Минералогического общества производил геологические исследования уездов Волынской губернии, а затем и на Северо-Западе России — в районе Олонца и островов Ладожского озера, расположенных вокруг Валаама, бассейнов рек Свири, Олонки, Тулоксы, Видмецы, побережья Ладожского озера. Эти исследования были использованы при составлении первой геологической карты Европейской части России.

Михаил Николаевич провел тщательную обработку «Дневника Туруханской экспедиции 1866 г.» геолога

и географа И. А. Лопатина для опубликования его в «Записках Императорского Русского географического общества».

Михаил Николаевич принял участие в работе по составлению Русской геологической библиотеки, издаваемой С. Н. Никитиным, геологом и палеонтологом, членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Михаил Николаевич 7 лет работал в Музее Горного института, но его увлекли геологические исследования восточного побережья Белого моря, Хилевские минеральные источники. Он включился в работу Геологического комитета (ныне Всероссийского геологического НИИ имени А. П. Карпинского).

Михаилу Николаевичу принадлежит разведка и описание месторождения каолина в Киевской губернии (в районе г. Умани), необходимого для производства алюминия. В конце 1890-х годов он покинул Петербург и жил до 1923 года в г. Малине, а потом возвратился в Петроград в Геологический комитет, где продолжил работу по составлению Русской геологической библиотеки.

12 апреля 1927 года Михаил Николаевич умер. Он похоронен на Волковском кладбище, где покоятся его отец, брат Николай и сестра Ольга⁴³.

У Михаила Николаевича было трое детей: Александр (1887–1947), Серафима (1889–1971) и Николай (1899–1956). Серафима вышла замуж за двоюродного брата Дмитрия, сына Сергея Николаевича. В ученом мире известны имена внуков Михаила Николаевича и Сергея Николаевича. Артемий Дмитриевич (1908–1981) — крупный геолог, окончил Горный ин-

ститут, кандидат геолого-минералогических наук; Андрей Дмитриевич (1914–1965) — доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского университета; Николай Дмитриевич (1915–1975) окончил восточный факультет Ленинградского университета, кандидат исторических наук, востоковед-иранист.

В нашем городе живут потомки братьев Михаила Николаевича и Сергея Николаевича. Правнук Николай Андреевич родился в 1940 году, окончил географический факультет Ленинградского университета и 35 лет проработал в Центральном научно-исследовательском геолого-разведочном институте. Сейчас он на пенсии⁴⁴. Правнучка Ольга Андреевна родилась в 1949 году, работает ответственным редактором в издательстве «Азбука». Они носят фамилию Миклухо-Маклай.

Таким образом, потомки инженера путей сообщения Н. И. Миклухи стали неотъемлемой частью истории России, посвятив Отечеству свой труд и творчество.

Николай Ильич и его потомки никогда не стремились к славе, к получению наград и званий. Все, чем они занимались в жизни, делалось ради процветания Родины.

О таких людях А. П. Чехов писал: «...один Пржевальский или один Стэнли⁴⁵ стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг... и недаром на тех путях, где проходили они, народы составляют о них легенды».

Петербургский государственный университет путей сообщения гордится своими питомцами, среди которых Николай Ильич Миклуха занимает особое место в мемориале выпускников — инженеров путей сообщения.

¹ Куриленко Г. Один из первых // Гудок. 1957. 22 июня.

² Гимназия — среднее общеобразовательное учебное заведение (преимущественно с гуманитарным уклоном), ориентированное на подготовку воспитанников в университеты. В России первая гимназия была открыта в 1726 г. в Петербурге при Академии наук. В 1809 г., когда был основан Институт Корпуса инженеров путей сообщения, в России действовало 32 гимназии, в том числе Нежинская гимназия (Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.). СПб., 1912).

³ Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 391.

⁴ Рыкачев Е. Н. Дмитрий Иванович Журавский. М., 1984. С. 9–13.

⁵ БЕТАНКУР Августин Августинович (1758–1824) — испанский инженер-механик, математик, один из основоположников теории машин и механизмов, на русской службе с 1808 г., организатор и первый директор Института Корпуса инженеров путей сообщения, главный директор путей сообщения в 1819–1822 гг., председатель Комитета по строительству Петербурга в 1816–1824 гг., автор проектов Московского манежа, зданий Нижегородской ярмарки, ассигнационной фабрики в Санкт-Петербурге, член-корреспондент Национального института Франции.

⁶ ПОТЬЕ Карл Иванович (1786–1855) — французский инженер, профессор и директор Института Корпуса инженеров путей сообщения в 1824–1836 гг., подготовил и издал первый учебник по начертательной геометрии на французском языке, в отставку вышел в звании генерал-лейтенанта.

⁷ БАЗЕН Петр Петрович (1786–1838) — французский инженер, математик, механик, профессор и директор Института Корпуса инженеров путей сообщения в 1824–1836 гг., член-корреспондент, почетный член Петербургской академии наук, автор многих инженерных сооружений, в том числе 30 мостов в Санкт-Петербурге и пригородах.

⁸ История Института инженеров путей сообщения императора Александра I за первое столетие его существования (1810–1910) / Сост. А. М. Ларионов. СПб., 1910.

⁹ ГОТМАН Андрей Данилович (1790–1856) — инженер путей сообщения, профессор архитектуры, директор Института Корпуса инженеров путей сообщения в 1836–1843 гг., построил главное здание института, осуществил ряд важных инженерных проектов в Санкт-Петербурге, входил в состав, а затем возглавлял Комитет по строительству Петербурга, был членом комиссии по строительству железной дороги Петербург–Москва, в 1859 г. получил звание инженер-генерала.

- ¹⁰ СЕВАСТЬЯНОВ Яков Александрович (1796–1849) – инженер путей сообщения, профессор и помощник директора Института Корпуса инженеров путей сообщения, основоположник отечественной науки в области начертательной геометрии и графики, редактор «Журнала путей сообщения», член Совета путей сообщения, генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения.
- ¹¹ БУНЯКОВСКИЙ Виктор Яковлевич (1804–1899) – математик, член и вице-президент (1864–1889) Петербургской академии наук, профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения, автор одного из первых учебников по теории вероятностей.
- ¹² ОСТРОГРАДСКИЙ Михаил Васильевич (1801–1861) – математик и механик, член Петербургской академии наук и многих иностранных академий, профессор аналитической механики Института Корпуса инженеров путей сообщения в течение 30 лет, основатель Петербургской математической школы.
- ¹³ ГЕСС Герман Иванович (1802–1848) – выпускник Дерптского университета, доктор медицины, химик, академик Петербургской академии наук, основатель «термохимии», профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения, в 1833 г. выпустил учебник «Основания чистой химии» – основное руководство по химии в вузах России (до выхода менделеевского учебника).
- ¹⁴ КУПФЕР Адольф Яковлевич (1799–1865) – физик, член Петербургской академии наук, профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения.
- ¹⁵ ЖАКО Павел Петрович (1798–1860) – выпускник Парижской школы мостов и дорог, профессор архитектуры Института Корпуса инженеров путей сообщения (1821–1836), автор проекта первой церкви института, открытой в 1829 г., автор проекта здания Петербургского дворянского собрания (где сейчас размещалась Филармония) и Голландской церкви (Невский проспект, 20).
- ¹⁶ ЯСТРЖЕМБСКИЙ Николай Феликсович (1808–1874) – инженер путей сообщения, профессор прикладной механики Института Корпуса инженеров путей сообщения, автор «Курса прикладной механики» в двух томах (1838), в 1848 г. был направлен в XI округ путей сообщения (Могилев), один из авторов Строительного устава и «Собрания чертежей по части строительного искусства».
- ¹⁷ Реализация проекта одного из крупнейших гидротехнических сооружений первой трети XIX в. – водного пути «Москва–Волга» для соединения Петербургского порта с Москвой (автор проекта – выпускник института 1817 г., инженер путей сообщения Н. М. Бугайский) началась в 1824 г., но в 1843 г. работы были приостановлены из-за отсутствия средств. Только через 100 лет, в 1932–1937 гг., был сооружен канал «Москва–Волга» протяженностью 128 км с 240 различными гидротехническими сооружениями.
- ¹⁸ Формулярный список о службе и достоинстве исправляющего должность начальника IV отделения Петербурго-Московской железной дороги капитана Миклухи (Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 207, 1853. Оп. 16. Д. 145).
- ¹⁹ КРАФТ Николай Осипович (1798–1854) – инженер путей сообщения, специалист в области строительства железных дорог, возглавлял Южную дирекцию изысканий и строительства Петербурго-Московской ж. д., разработал методы возведения земляного полотна железной дороги на болотистых грунтах.
- ²⁰ История Института инженеров путей сообщения императора Александра I за первое столетие его существования (1810–1910).
- ²¹ Формулярный список о службе и достоинстве исправляющего должность начальника IV отделения Петербурго-Московской железной дороги капитана Миклухи (РГИА, Ф. 207, 1853. Оп. 16. Д. 145).
- ²² В 1844 г. по инициативе Мельникова Александровский механический завод в Петербурге был передан Ведомству путей сообщения и получил новое название: «Александровский главный механический завод Санкт-Петербурго-Московской железной дороги». При заводе был создан специальный комитет, в состав которого входил П. П. Мельников. Этот комитет разрабатывал технические условия на проектирование подвижного состава и осуществлял контроль за качеством поставляемых паровозов и вагонов. Сегодня завод является акционерной компанией «Пролетарский завод». На территории завода на гранитном пьедестале установлена модель паровоза с надписью: «Модель первого магистрального паровоза, построенного в России в марте 1845 г. умельцами бывшего Александровского завода». Н. И. Миклуха был свидетелем появления на железной дороге первых паровозов, построенных на Александровском заводе.
- ²³ ТОН Константин Андреевич (1794–1881) – архитектор, академик Петербургской академии наук, профессор, член строительного комитета Департамента проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий, создатель проектов и главный архитектор храма Христа Спасителя, Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты в Москве и других уникальных сооружений.
- ²⁴ ЖЕЛЯЗЕВИЧ Рудольф Андреевич (1812–187?) – военный инженер, архитектор Департамента военных поселений России, профессор Академии художеств, автор проектов зданий вокзалов на Петербурго-Московской железной дороге (1842–1851).
- ²⁵ РГИА. Ф. 249, 1849. Оп. 1. Д. 272. Л. 386.
- ²⁶ Там же. Ф. 249, 1849–1852. Оп. 1. Д. 311. Л. 115.
- ²⁷ Магистраль имени Октября. М., 1990. С. 44–51.
- ²⁸ Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 325.
- ²⁹ Московская железная дорога. М., 1997.
- ³⁰ С. И. Беккер (27.10.1785–11.04.1854) во время Отечественной войны 1812 г., подполковник Низовского казачьего полка, был ранен в Бородинском сражении, вышел в отставку, получил должность смотрителя больницы чернорабочих в Москве, похоронен в Московском некрополе, на иноверческом кладбище на Введенских горах. (По сведениям О. А. Миклухо-Маклай, ответственного редактора издательства «Азбука» в Санкт-Петербурге, и ее мамы К. В. Миклухо-Маклай).
- ³¹ По сведениям О. А. Миклухо-Маклай.
- ³² По сведениям О. А. Миклухо-Маклай.
- ³³ Такая же станция по инициативе Н. Н. Миклухо-Маклая была создана в Севастополе (в настоящее время – Институт биологии южных морей Академии наук Украины).
- ³⁴ Внуков Н. Великие путешественники: Биограф. словарь. СПб., 2000. С. 417–424.
- ³⁵ 24 марта 1888 г. умер известный писатель В. С. Гаршин. На это событие откликнулись «Санкт-Петербургские ведомости», где впервые в некрологе было названо место захоронения Гаршина как «Литераторские мостки».
- ³⁶ Дмитриев В. Отец великого путешественника // Веч. Ленинград. 1982. 29 июля.
- ³⁷ Рошина С. Юные друзья Маклая // Ленингр. правда. 1984. 16 нояб.
- ³⁸ Автору этой статьи удалось побывать в Сиднее в связи с приемом в почетные члены Сиднейского университета и присутствовать при открытии памятника Н. Н. Миклухо-Маклаю, где Кеннет и Владимир Сергеевич Стариков, почетный член Общества Миклухо-Маклая в Сиднее, разрешили себя сфотографировать.
- ³⁹ Миклухо-Маклай, 1846–1888: Программа мероприятий, посвящ. 150-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая. Сидней, 1996.
- ⁴⁰ Миклухо-Маклай А. Д. Новые данные о Н. Н. Миклухо-Маклае и его родных // Страны и народы Востока: Сб. Л., 1980. Вып. XXVIII. С. 186.
- ⁴¹ Куриленко Г. Славная семья русских патриотов // Смена. 1980. 11 июня.
- ⁴² Соловьева Т. А. К причалам Английской набережной. СПб., 1998. С. 29–34.
- ⁴³ Машков В. Миклухо-Маклай младший // Веч. Ленинград. 1990. 27 сент.
- ⁴⁴ По сведениям О. А. Миклухо-Маклай.
- ⁴⁵ ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Н. М. (1839–1888) – выдающийся российский географ, натуралист, путешественник, исследователь Уссурийского края и Центральной Азии.
- СТЭНЛИ Генри Мортон (1841–1904) – видный американский исследователь Африки, дважды пересек Африку, обследовал все течение реки Конго и исследовал озеро Танганьика (Внуков Н. Великие путешественники: Биограф. словарь).

Император Николай I.
Е. Ботман. 1949 г. ГМЗ «Петергоф»

Праздники в Луговом и Колонистском парках Петергофа в царствование Николая I

И. О. Пащинская

Многолюдные петергофские маскарады в день рождения императрицы Александры Федоровны в Большом дворце и иллюминации Нижнего парка были одной из традиций царствования Николая I.

Но в 40-х – первой половине 50-х годов XIX века в Петергофе к югу от Верхнего сада по воле и при непосредственном участии императора были созданы Колонистский и Луговой парки с изящными постройками по проектам А. И. Штакеншнейдера. Разнообразные павильоны – Царицын, Ольгин, Розовый (Озерки), Никольский домик, Сельский приказной домик, мельница стали местами для чаепитий, полдников, ужинов во время прогулок императорской семьи. Там же стали устраиваться и праздники, непохожие на традиционные петергофские балы и маскарады. Начало им было положено в июле 1846 года.

Зиму 1845–1846 годов императрица Александра Федоровна с дочерью Ольгой Николаевной провели на Сицилии. В Палермо решился вопрос о браке Ольги Николаевны. Она приняла предложение принца Карла Вюртембергского. Свадьбу решено было отпраздновать в Петергофе 1 июля 1846 года¹.

Возвращавшихся из Италии жену с дочерью Николай выехал встречать в Варшаву. В честь его приезда 11 (23) мая в Лазенках был устроен праздник с иллюминацией. Газета «Варшавский курьер», сообщая об этом празднике, отметила, что парк был иллюминирован «цветными лампами, помещенными на колоннах»². 25 мая 1846 года

Императрица
Александра Федоровна.
В. Гау. 1834 г. ГМЗ «Петергоф»

гофмаршал граф А. П. Шувалов из Варшавы сообщил управляющему Петергофским дворцовым правлением С. М. Лихардову, что на Императорском стеклянном заводе уже заказано более 3000 цветных фонарей по образцу лазенковских и император желает, чтобы после бракосочетания Ольги Николаевны «фонарями сими ежедневно освещалось пространство перед окнами Ея высочества в Большом дворце»³. Из Варшавы в Петербург был командирован подполковник Федорович «для указания как должны быть оные (цветные фонари) повешены и устроены»⁴.

Уже через месяц в Петергофе, в день рождения Николая Павловича,

Великая княжна
Ольга Николаевна. П. Орлов.
1846 г. ГМЗ «Петергоф»

25 июня, когда состоялось обручение Ольги Николаевны и принца Вюртембергского, «предназначенный церемониалом парадный бал был отменен; но вечером загорелась совершенно обворожительная, совсем новая иллюминация одного Верхнего сада. Ее устраивал, по примеру бывшей в Варшаве для встречи императрицы⁵, нарочно выписанный сюда поляк. На деревьях было развешено в форме виноградных лоз, 52 000 разноцветных стеклянных фонарей, и сверх того сад горел множеством пальмовых деревьев и колонн, увенчанных корзинами с цветами. Для выделки этих фонарей были остановлены все работы на казенном заводе, и за всем тем, последние три тысячи поспели в самый день иллюминации»⁶. Камерфурьерский журнал свидетельствует, что назначенный по церемониалу бал был отменен и «их величества с их

высочествами прибыли в Большой дворец и с приглашенными особами на балконе изволили кушать чай, мороженое, фрукты и молочное — и обозреть иллюминацию, устроенную прибывшим для сего из Варшавы подполковником Федоровичем среди сада Верхнего сада и украшенную разноцветными фонарями и шкаликами⁷. В «Северной пчеле» об этом событии сообщалось: «В этот день почти весь Петербург переселился в Петергоф. Не фельетону описывать, что происходило в этот день в очаровательном жилище царском. Городской вестник может только упомянуть о необыкновенном стечении народа в Верхнем петергофском саду и о чудесной иллюминации, бывшей там первый раз. Это было что-то особенное, дивное, волшебное... Все деревья Верхнего сада сверху донизу были увешаны разноцветными шкаликами и стеклянными фонарями разной формы; над кустами возвышались пирамиды, блестящие разноцветными огнями; пруды и фонтаны были окаймлены широкою полосой цветных огней; по лугам были видны ряды, фестоны и арабески маленьких шкаликов, издали казавшиеся роскошными фантастическими цветами, составленными из бриллиантов, рубинов, изумрудов и всех возможных драгоценных камней»⁸.

1 июля состоялось венчание Ольги Николаевны и Карла Вюртембергского по православному, а затем и по лютеранскому обрядам, парадный обед в Большом дворце и бал. На следующий день были устроены традиционные маскарад и иллюминация Нижнего парка⁹. В те два дня Верхний сад иллюминировался так же, как и в день помолвки. Автор «Дружеского письма в Москву» восхищенно писал: «Не могу тебе выразить того чувства, которое овладело мною, когда я вошел в этот сад... Мне показалось, что я в саду обладателя волшебной лампы. На высоте деревьев были повешены разного цвета зажженные продолговатые фонари, которые казались то красными, то синими, то фиолетовыми плодами. Те же, которые скрывались за ветвями деревьев, показывали свое присутствие тем, что осыпали разноцветными искрами темные листья. Фонари меньшего размера стояли на земле в цветниках, где эти фонари заменяли цветы. Кроме того, все пруды были ими иллюминированы, а многие из них висели почти на воздухе... Перед драгоценными

каменьями Верхнего сада, золото Нижнего показалось мне бледным...»¹⁰.

Цветные фонари были синими, зелеными, алыми, фиолетовыми, светло- и темно-желтыми. Кроме того, в иллюминациях использовались белые хрустальные фонари трех видов с цветными вкладками, шкалики белые и крашенные и хрустальные белые гладкие фонари. Для светильников готовилась зеленая, синяя и желтая воды¹¹. Для иллюминации были изготовлены из дерева и окрашены кусты разного рода, «ромбусы» и к ним корзины с цветами, щиты с изображением ананасов, тополей, ваз с цветами, щиты готические, колонны плоские волнистые, византийские колонны, венки с кольями и без колея¹². Новые иллюминации в документах назывались «в новом роде», «из цветных фонарей», «с разноцветными фонарями», с «цветными фонарями на манер Варшавских».

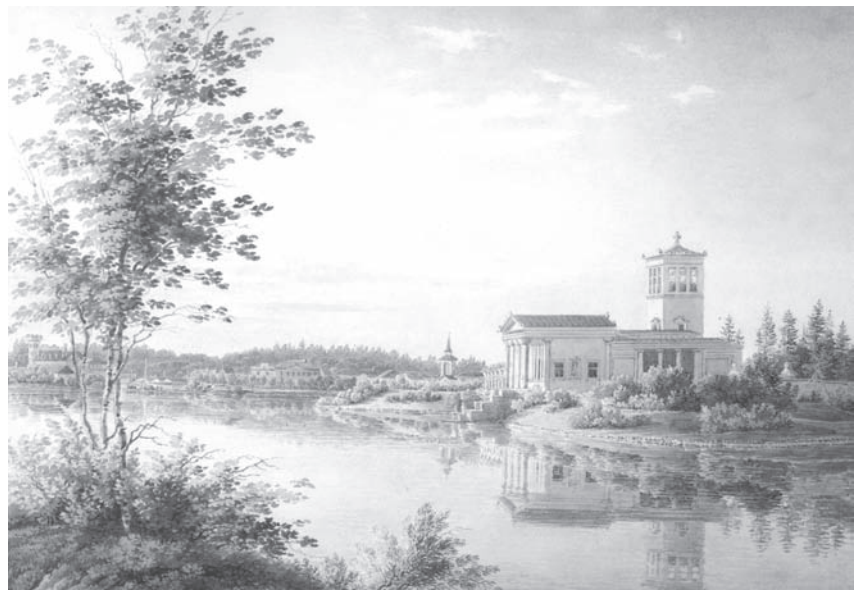
По окончании свадебных торжеств, 4 июля, император приказал фонари, шкалики и прочие принадлежности иллюминации Верхнего сада передать для хранения в иллюминационные кладовые, но потребовал, чтобы они хранились отдельно от принадлежностей большой иллюминации и отпусались по требованию управляющего Петергофским дворцовым правлением С. М. Лихардова без особого разрешения гоф-интендантской конторы, в ведении которой был иллюминационный двор¹³. Таким образом создавался особый фонд хранения иллюминационных принадле-

ностей, которым можно было распорядиться более оперативно, чем раньше. Это позволяло организовывать небольшие иллюминации. В том году их устраивали в Верхнем саду — 25 июня, 1 и 2 июля, в Английском парке — 8 июля¹⁴ и 21 июля на островах Большого пруда. Все их устраивал подполковник Федорович¹⁵.

Рисунок А. Ф. Чернышева, хранящийся в Государственном музее-заповеднике «Петергоф», дает нам возможность представить, как шла подготовка к празднику на Ольгином (Большом) пруду. На озеро доставлялись лодки для артистов и для гостей, иллюминационные предметы устанавливались на берегах пруда.

21–22 июля традиционно были праздничными для царской семьи. 22 июля — день тезоименитства Марии и день рождения Фридриха Вильгельма III. В те дни вспоминали ушедших — мать императора императрицу Марию Федоровну и отца императрицы, праздновали именины великих княгинь Марии Николаевны и Марии Александровны.

В том году 21 июля гости «из числа проживающих в Петергофе особ», приглашенные императрицей, собрались на Царицын остров в 8 часов вечера. Александра Федоровна и Николай Павлович прибыли с «их высочествами». По-видимому, на празднике присутствовали и находившиеся в тот день в Петергофе наследник Александр Николаевич с супругой Марией Александровной, сыновья императора Константин, Николай и Михаил, дочери Мария с мужем герцогом

Е. Мейер. Царицын остров и павильон в Колонистском парке. 1845 г. ГМЗ «Петергоф»

Лейхенбергским, Ольга с мужем принцем Вюртембергским, принц Ольденбургский, брат Александры Федоровны принц Вильгельм Прусский и другие приглашенные. На острове был устроен полдник, гостей угощали канапе и мороженым. Острова, берега пруда и Съезжий дом были иллюминированы новыми цветными фонарями. На Ольгином острове «пели разные арии артистки и артисты, с сопровождением театральной музыки. Три иллюминированных судна и малая лодка развезжали с артистами и музыкантами на пруду около островков»¹⁶. На горке напротив Царицыного острова располагался оркестр¹⁷.

Праздничное мероприятие в документах Дирекции императорских театров, артисты которой пели в тот день, именовалось серенадой¹⁸. В этот день над водной гладью пруда звучало прекрасное пение бельканто. Европейская знаменитость, обладатель прекрасного баритона Антонио Тамбурини исполнял для гостей праздника арии из итальянских опер. В серенаде принимали участие и другие артисты итальянской оперы, пел и сын А. Тамбурини. Ферреро инструментировал для этого праздника музыку из оперы *Fidanzata Cozza Джованни Пачини*¹⁹.

Великий князь Константин Николаевич записал в тот день в своем дневнике: «Вечер провели на Царицыном острове. Этот вечер был одним из самых чудных, которые я видывал. Все острова, дома... кругом были освещены разноцветными фонарями, и по воде гребли разные расцвеченные лодки, на которых пели серенады. Это было чудесно. Потом я возил Оли и Мама в лодке по озеру и оттуда все вместе было еще дивнее»²⁰.

Праздник получился замечательным. На следующий год, когда по заведенному порядку в январе был сделан запрос из гофинтендантской конторы министру императорского двора о проведении иллюминации летом в Петергофе, министр генерал-фельдмаршал П. М. Волконский сообщил, что Николай I «не изъявил высочайшего соизволения по устройству в нынешнем году большой иллюминации, а повелел приготовить оную только на Царицыном острове и около оною, по примеру того, как было в прежнем году»²¹. Подготовкой к иллюминации было поручено заниматься столоначальнику титулярному советнику Мейеру, чиновнику особых поручений Мордвинову, архитектору

Кузьмину и младшему смотрителю Андрееву²². 9 апреля архитектор представил рисунки, свои замечания к ним и их опись²³. Поначалу не принимавший участия в работах предыдущего года Кузьмин сделал рисунки и план иллюминации отличные от того, что было ранее. Он предлагал иллюминировать Дом полиции, Ванную²⁴, щиты на месте для снабжения водою, на мостике, на спуске озера, гирлянды вокруг двух озер, декорацию, ограничивающую место гулянья, и пригорок²⁵. Но ему еще раз было указано, что необходимо сделать точно так, как за год до этого²⁶.

При подготовке к празднику были составлены кондиции и объявлены торги на столярные и плотницкие работы, закупались лампы и шкалики белого и голубого цветов, заказывались свечи и 5000 поплавок, изготовлялось 200 восковых факелов для зажигания свечей в фонарях и ламп-пионах²⁷. Изготавливались и расписывались иллюминационные предметы для развешивания цветных фонарей. Как и в прошлом году, это были сделанные из дерева «корзины с цветами, ананасы на пьедесталах под натуру, разные кубки с цветами, цветные венки с двух сторон, деревья в вазах и кадках с цветами, тополя под натуру, беседки, волнистые колонны»²⁸. Архитектор запрашивал, нельзя ли будет прислать 100 матросов в дополнение к тем 80 плотникам и 80 женщинам и мальчикам, которых разрешили нанять для зажигания иллюминации²⁹. Но флот находился в море, и поэтому рассматривался вопрос о найме для этих работ мастеровых людей или обывателей Петергофа³⁰.

Праздник с иллюминацией на островах состоялся 6 августа, в день Спаса Преображения Господня и в день рождения Марии Николаевны, ровно через три года после того, как Царицын остров первый раз посетила Александра Федоровна и он получил свое название. Вечером у павильона собрались по приглашению императрицы гости. Когда в 9 часов прибыли Николай Павлович и Александра Федоровна, их дочь Мария Николаевна, а также сыновья Николай и Михаил, сестра и брат императрицы принцесса Нидерландская и принц Прусский, а также принц Вюртембергский, начала играть музыка. Музыканты Конного и Кавалергардского полков размещались одни «на Горке против острова, а другие на Ольгином острове. Потом на иллюминирован-

ных разными фонарями катерах ездили по озеру придворные певчие с песнями»³¹. На Царицыном острове в тот день был накрыт вечерний стол на 85 персон³².

Это были первые гулянья при иллюминации на островах в новом парке Петергофа. В последующие два года события в революционной Европе сделали неуместными петергофские празднества, и они не устраивались вовсе. Только в 1850 году было решено организовать балетный спектакль на открытом воздухе около нового павильона «Озерки» в Луговом парке в честь дня рождения Александры Федоровны.

Строительство павильона завершилось еще летом 1848 года, но следующие два года благоустраивалась территория вокруг него: было вырыто два пруда, создан остров на одном из них, проложены дорожки, посажены деревья и кустарники, установлены скульптурные группы.

К организации праздника была привлечена Дирекция императорских театров. А. А. Роллер, главный декоратор и машинист, занимался созданием театра, в котором сцена устраивалась над водой, а зрители размещались в амфитеатре на 250 человек на берегу около павильона Озерки. К сожалению, пока не удалось обнаружить изобразительные материалы, позволяющие представить, каким был амфитеатр. Но «Требования Роллера о разных деревьях и цветах»³³ дают возможность узнать, что ложа императорской семьи была украшена в три ряда «цветными растениями». Сам театр в четырех местах украшался разными деревьями в кадках высотой в 5 аршин, а также «цветными растениями» высотой от одного до трех аршин³⁴. Иллюминацию готовили поручик корпуса путей сообщения М. И. Пилсудский, архитектор Э. Л. Ган, смотритель титулярный советник Поварин, провизор титулярный советник Е. П. Кильштетт и плотницкий мастер И. И. Эзе³⁵. Полковник Константин руководил устройством бенгальских огней и букетов³⁶. Архитектор Э. Л. Ган отвечал за работы от Мельницы до Бабьего Гона³⁷. Смотритель Поварин — за работы от Ольгина и Царицына павильонов и Дома полиции до Мельницы и палаток для ужина на одном из островов Лугового парка³⁸.

В Петергофе уже три года не устраивалась традиционная большая иллюминация Нижнего парка. Слухи о предстоящем празднике распростра-

Ольгин павильон и Дом полиции. Открытка. ГМЗ «Петергоф»

нялись по столице. Увеличивалось количество пароходных рейсов в Петергоф. Ожидалось большое стечение публики, что вызывало беспокойство организаторов праздника³⁹. Предполагалось вызвать в помощь петергофской полиции коллег из Петербурга, но император «не изъявил высочайшего соизволения» на это, сочтя, что имеющихся в Петергофе жандармов достаточно⁴⁰. Им в помощь был назначен один эскадрон лейб-гвардии Конно-пионерского дивизиона⁴¹.

Для приглашенных были напечатаны билеты трех видов: для входа в павильон и к высочайшему столу на острове; для предъявления полицейской команде на проезд к павильону; для входа на башню павильона во время иллюминации камер-фрау и камер-юнкерам. Также были отпечатаны программы о порядках приезда, проведения фейерверка и следования к павильону⁴².

Работы были столь объемны, что к 1 июля не успевали, и праздник перенесли на два дня позже⁴³.

Вечером, в 9 часов, был устроен чай на террасе Монплезира для 220 приглашенных. После чая гости в четырех шарабанах, яхт-вагоне и 23 линейках отправились к Озеркам. Дом полиции, Ольгин и Царицын острова и павильоны, караулки, Никольский и Сельский домики, мельница, деревня Бабигон, Саперный лагерь и окрестности были иллюминированы цветными фонарями. Прибыв к павильону, гости «проезжали мимо одного кругом островов по иллюминации при играни музыки в шести местах». Приглашенные на праздник генералы

гвардейского корпуса, штаб- и обер-офицеры лейб-гвардейских полков, которым было роздано 175 билетов, собирались прямо у павильона Озерки⁴⁴.

«Павильон Озерки, средоточие иллюминации, особенно привлекал любопытных, восхищавшихся его ярким и разнообразным освещением. Клумбы цветов и фруктов, скаты островков, устланных золотистым ковром частых огней, кустарники, пылавшие розами и тюльпанами, берега каналов, усеянных бисером шкаликов; огромный звездный щит, отражавшийся в зеркале воды; пламенеющие дорожки и аллеи, но нет, напрасно стали бы мы расточать слова, усиливаясь дать хотя бы слабое понятие о том, что видели...»⁴⁵ — так описывал праздничную иллюминацию писатель и журналист Леопольд Брант в «Северной пчеле».

На сцене, устроенной на воде перед южным фасадом павильона, был показан дивертисмент из балета «Наяда». Выбор балетного представления, по-видимому, не случаен. Балет «Наяда и рыбак» был создан по мотивам повести де ла Мотта Фуке «Ундины». Александра Федоровна прекрасно знала произведения этого автора. В юном возрасте его роман «Волшебное кольцо» был одним из самых любимых ее литературных произведений⁴⁶. Роман «Ундины» был известен в Европе и пользовался большой популярностью. В 1831–1837 годах В. А. Жуковский перевел этот большой прозаический роман на русский язык, превратив его в стихотворную повесть. По мотивам «Ундины» в 1844 году в Лондонском Королевском

театре сценографом Ж. Перро был поставлен балет «Наяда и рыбак» на музыку композитора Ц. Пуни. С 1848 года Ж. Перро служил главным балетмейстером в Петербурге. Именно массовую сцену, дивертисмент, непревзойденным мастером которых он был, танцевальную сюиту из «Наяды и рыбака», где танец и пантомима находились в неразрывном единстве, поставил Ж. Перро для представления в Озерках⁴⁷. Остров стал сценой, на которой разворачивалось действие представления. К ней «танцоров подвозили с берега на убранных зеленую небольших паромах, имевших вид небольших островков»⁴⁸.

Наяда Азюрина пыталась очаровать рыбака Матео, который был влюблен в Жианину и ждал завтрашней свадьбы с ней. Азюрина подбрасывала рыбаку в сети золотистых и серебристых рыбок, пытаясь привлечь внимание Матео, просила у него букет, который он собрал для невесты. Но влюбленный рыбак, играя с наядой, не забывал невесту... Танцы наяд, рыбаков и девушек, сольные танцы Азюрины и Матео, сицилийский танец Матео и Жианины — все это было представлено на сцене над водой⁴⁹.

На хромофотографии П. Ф. Бореля по рисунку И. Шарлеманя отчетливо видны рыбки, которых наядя положила в сети Матео. На первом плане — в ролях Матео и Азюрины Ж. Перро и А. Прихунова. Роль Гидролы, царицы наяд, исполняла Никитина, Жианины — З. Ришар. Четырех главных наяд представляли Соколова, Амосова, Снеткова и Макарова⁵⁰.

А. Т. Гримм, воспитатель младших сыновей императора, описывая этот праздник, отметил особенность освещения, придававшего празднику оттенок фантастичности: «Это было в один из самых длинных дней в году, уже после захода солнца при загадочном дневном свете северного неба. Лес и вода служили здесь настоящей сценой для балета, расстаяние от зрителей было таково, что плоты, на которых появлялись нимфы, были незаметны и весь танец казался парящим над водой»⁵¹.

После спектакля гости в экипажах отправились от павильона к острову на ужин. Путь освещался бенгальскими огнями и маяками и был украшен большим щитом с вензелем Александра Федоровны. Звучала музыка. По понтонному мосту высочайшие особы и дамы следовали в эки-

пажах, а кавалеры — пешком. Мост в то время освещался двумя маяками. На острове для высочайших особ была поставлена турецкая палатка, за центральным столом в которой ужинали 14 человек. Там располагались члены императорской семьи — Николай I, Александра Федоровна, наследник Александр Николаевич с женой Марией Александровной, Константин Николаевич с женой Александрой Иосифовной, сыновья императора Николай и Михаил и высокие иностранные гости: принцесса Альтенбургская, принц Фридрих Нидерландский с супругой Луизой, сестрой Александры Федоровны, и брат императрицы Карл Фридрих Прусский. Вокруг центрального в палатке было поставлено еще четыре стола, за которыми ужинали фрейлины и некоторые кавалеры, 50 человек. Рядом стояли три палатки для других приглашенных. На острове были устроены куртины с деревьями и цветами и выставлены трофеи Саперного батальона. Ужин был накрыт на 393 персоны. Во время ужина непрерывно пускали ракеты с парашютами, а вокруг острова плавали иллюминированные лодки с музыкантами. Когда императорская фамилия ехала после ужина по иллюминации, зажгли маяки с перемежающимися огнями у караулки, винного погреба конторы Бабьего Гона, Сельского приказного домика и у мельницы⁵². Все завершилось громадным фейерверком⁵³.

На следующий вечер было устроено повторение дивертисмента и полдник на 130 персон около павильона Озерки⁵⁴.

По-видимому, именно тот день вспоминала много лет спустя А. П. Нетарова, участница спектакля. «Когда кончился спектакль, мы были вызваны на сцену, где уже собрались государь, государыня и вся царская фамилия... В мгновение ока были поставлены на сцене накрытые столы и арапы несли на больших подносах творог, простоквашу и фрукты... Императрица пожелала видеть все устройство спектакля и движений раковин по озеру, которое было так ловко устроено. Государыня попросила Роллера, чтобы он показал это без участвующего персонала. И все это было государыне показано. Устроено было так: на самом берегу оркестр, весь закрытый зеленью, а затем большая сцена на воде; на сцене декорация — цветы и зелень. По бокам сцены плоты, на этих плотках работали матросы. Подъезжа-

Балет «Наяда и рыбак» на Озерках. Хромолитографии П. Ф. Бореля по рисунку И. Шарлеманя. 1850 г. ГМЗ «Петергоф»

ли по группам и по линиям: когда одна пара плотов отъезжала, со стороны сцены подъезжала другая пара и сцена наполнялась наядами. Плоты тянули с берегов веревками на блоках под сценой. Когда все наяды были уже на сцене, подъезжал центральный плот с царицей наяд и маленькими воспитанницами. Этот плот шел прямо на публику и изображал громадную раковину. Во время спектакля освещенные солнцем группы были удивительно красивы. В продолжение всего балета, и особенно когда шла пантомима, слышно было пение соловья. Для этого был приглашен какой-то господин, который за пять рублей прекрасно щелкал соловьем, помещаясь на берегу между деревьями»⁵⁵.

В Петергоф на праздник выезжали управляющий конторой Императорских театров А. Д. Киреев, помощник управляющего театральным училищем Аубель, балетмейстер Ж. Перро, режиссер Марсель, дирижер оркестра Франк, экзекутор конторы Гайдук, а также помощник режиссера, 21 танцовщица, 20 воспитанниц училища, при них 2 гувернантки, 70 музыкантов, 5 капельдинеров, нотный копиист, 2 бутафора, 6 горничных, 2 костюмера, 2 парикмахера, 13 портных мужских и женских и 2 цветочницы⁵⁶. Участникам представления были пожалованы подарки. Балетмейстеру Ж. Перро и декоратору А. Роллеру были вручены перстни с темными топазами, дирижеру Франку и режис-

А. Премацци. Павильон Озерки в Луговом парке. 1850. ГМЗ «Петергоф»

серу Марселю — перстни с бриллиантами. Е. Н. Никитиной — брошь с темным топазом, А. Прихуновой — серьги с изумрудами, З. Ришар — серьги с рубинами, Снетковой — брошь с тремя топазами, Макаровой — фермуар с рубинами, Соколовой и А. Н. Амосовой — серьги бриллиантовые⁵⁷.

Были награждены и организаторы иллюминации. Полковник Константинов, капитан I ранга Краббе, состоявший при начальнике Главного морского штаба, поручик Корпуса путей сообщения М. И. Пилсудский, архитектор Э. Л. Ган, провизор Е. П. Кильштет получили бриллиантовые перстни. Советник Поварин и столярный мастер И. И. Эзе были пожалованы золотыми табакерками. Чинам петергофской полиции было выдано 11 рублей серебром. По рублю получили три унтер-офицера, 16 рядовым выдали по 50 копеек⁵⁸.

Л. Брант в «Северной пчеле» от 18 июля 1850 года так описал праздничную иллюминацию в тот день: «От островов Ольгина и Царицына до деревни «Бабы-Гоны» вся местность на несколько верст в окружности представляла нескончаемую цепь художественного освещения. Здания, мостики, избы, долины, мельница, возвышения, уступы, пологости, все это, оттененное мраком тихой ночи, выступало в пламени. Если бы вытянуть в одну прямую линию все огни роскошной иллюминации, они составили бы 80 верст. На этом пространстве в разных местах и положениях, горело 16 тысяч разноцветных фонарей, около 400 тыс. обыкновенных шкаликов, 10 тыс. цветных и 9 тыс. изображавших плоды. Известный наш декоратор, академик А. Роллер, был искусным исполнителем мысли — воссоздать этой иллюминацией дневной вид пейзажа, мысли гениальной в самой простоте своей. Как ни великолепно была прежняя иллюминация Нижнего парка, должно сознаться, что нынешняя далеко превосходила ее изяществом, грацией и утонченностью вкуса. Декорацией здесь служила сама природа, устранявшая всякий изысканный вымысел. Желательно было извлечь из мрака ночи собственно натуральный характер масштаба и полное достижение этой поэтической цели доказало, что истина, простота и натура превыше всего»⁵⁹.

Барон М. А. Корф в своих воспоминаниях писал: «При чудесной погоде и необыкновенном изяществе иллюминации и всего убранства це-

лое походило на сказку из тысячи и одной ночи; но все же это был не прекрасный Петергофский народный праздник, укоренившийся, так сказать, в наших обычаях и преданиях, подобно бывалым прежде 1-го января народным же маскарадам в Зимнем дворце. Многие старожилы сожалели, даже и в политическом отношении, об отмене, с некоторого времени, того и другого»⁶⁰.

Театр, сооруженный под руководством А. А. Роллера, был разобран, доски и брусья пронумерованы. Высочайше приказано было его хранить⁶¹.

После того праздник, в августе 1850 года архитектору Н. Л. Бенуа было приказано составить смету для исчисления стоимости постройки «античного» театра на Ольгином острове, такого же, как театр в Лазенках⁶². Каменный амфитеатр в Лазенках был создан в 1790—1793 годах во времена правления Станислава Августа Понятовского по проекту архитектора Я. Х. Камзетцера. Почему Николай именно его избрал его за образец? Он часто посещал Варшаву и останавливался в загородной резиденции. Но, совершив путешествие по Италии, он видел и подлинные античные театры. Может быть, сыграло свою роль то, что сцена театра в Лазенках располагается на острове, что роднило замысел Николая с замыслом Станислава Августа Понятовского. Возможно, имело значение и то, что из Варшавы быстро можно было получить рисунки и чертежи для архитектора, составившего смету. Повторение постройки удешевляло ее. Это было немаловажно для императора, который, отвечая на вопросы Н. Л. Бенуа, старавшегося точно выяснить желания императора, явно стремился к тому, чтобы постройка не была слишком дорогой. Смета в том же году была выполнена, но проект не осуществили, возможно, из-за его немалой стоимости⁶³.

В следующем 1851 году император пожелал, чтобы иллюминация была такой же, как и за год до того. Он поручил ее устройство обер-фельдмаршалу графу А. П. Шувалову. От Петергофской придворной конторы к А. П. Шувалову был командирован советник А. Гейрот. Сам Николай I принял активное участие в подготовке праздника. Он выехал с графом на место и дал распоряжения о порядке его проведения. Император затребовал выполненные архитектором Р. И. Кузьминым рисунки для иллюминации 1846 года, не использовав-

шиеся в том году, и выбрал узор для освещения Самсоньевского канала, собственноручно карандашом поправив его, уменьшив огни⁶⁴. Листы с пометками императора хранятся в архиве ГМЗ «Петергоф». На них отмечено не только уменьшение огней, но и указано, где эти фигуры должны располагаться. Этим трем листам даны новые номера, также написанные карандашом. На первом сделана надпись: «На Озерках, по обе стороны фигуры Нила»⁶⁵. На втором листе: «Между караулкой и Нилом по обе стороны канала»⁶⁶. Надпись на третьем листе гласит: «От дачи Клевецкой до караулок с обеих сторон»⁶⁷. Было задумано так, чтобы украшенные тысячами шкаликов шпалеры вдоль Самсоньевского канала, с обеих его сторон, начинались тогда, когда гости уже почти миновали Ольгин пруд и, осмотрев иллюминированные острова и берега пруда, попадали в сияющую огнями аллею.

К предстоящему празднику сооружались театр и сцена на воде, 24 пьотта, арки на Озерках, конструкции на Самсоньевском канале, на мельнице, в Царицыном павильоне и Итальянском домике (Ольгином павильоне), на железных воротах Верхнего сада, изготовлялся огромный щит, или картина, который поначалу планировали поставить около Озерков, но затем перенесли к «Драконову каскаду»⁶⁸.

Работали плотники, нанятые подрядчиками, но дел было столько, что привлекли военных, нижних чинов лейб-гвардии гарнизонного батальона⁶⁹. Работали и по ночам⁷⁰. В разгар работ Николай I своим распоряжением запретил посторонним в экипажах проезжать от Колонистского моста к Озеркам, чтобы они не мешали работам⁷¹.

Театр и сцену на воде, которые, как и в минувшем году, сооружались под руководством А. А. Роллера, украсили деревьями. Их срубленными поставили для этих целей 1050 штук⁷². На императорском стекольном заводе заказывались по образцам, посланным Петергофским дворцовым правлением, дополнительно к имеющимся в кладовых фонари разных размеров и форм и шкалики⁷³. На иллюминационном дворе соскабливали старую краску с фонарей, сличали хранившиеся фигуры для иллюминации с рисунками, утвержденными государем, сортировали шкалики, исправляли шкаличные кольца, получали бочонки сала с кух-

ни, мыли хрустальные фонари, стекла и лампы в жестяных фонарях, делали фитили для шкаликов, вставляли светильники в поплавки⁷⁴. Счета и ведомости дают нам возможность определить, какого типа лампы использовали для иллюминации: восковые маленькие шкалики и лампы, большие шары, большие «тюльпаны» на кольях, фонари, покрытые краской, жестяные шестиугольные фонари с цветными стеклами, хрустальные белые фонари с вкладными шкаликами. Половина шкаликов была наполнена салом, а половина — спермацетом, использовались «цветные химические воды»⁷⁵.

Император сам составил подробнейшую инструкцию по организации сбора гостей на праздник, определяя пути следования гостей к павильону⁷⁶.

Он же разрешил желающим поставить кондитерские и рестораторские палатки для продажи кофе, чая, фруктов, мороженого, лимонада, но не водки. «Его величеству угодно, чтобы для наблюдения за порядком поставлено было к каждой по одному полицейскому офицеру», — сообщал П. М. Волконский С. М. Лихардову⁷⁷.

Иллюминация 1851 года была более пышной по сравнению с той, что состоялась годом ранее. В 1850 году Ольгин и Царицын острова освещались только с одной стороны — с западной, обращенной к Самсоньевскому каналу. В 1851 году они иллюминировались с трех сторон, а по берегам пруда освещались некоторые частные дома и даже заборы. В 1851 году иллюминировались Верхний сад и Монплеизр, чего не было прежде. Отличием стало и то, что по Самсоньевскому каналу от караулки до Озерков были устроены в два ряда щиты и шпалеры, а у Озерков — пирамиды и большой щит⁷⁸.

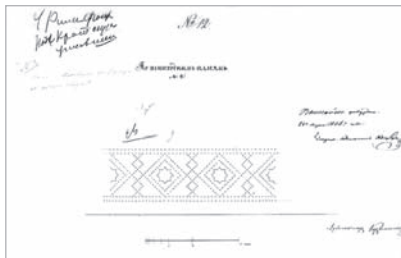
Праздник в честь тезоименитства Ольги Николаевны 11 июля начался с того, что для 200 приглашенных в Большой дворец на балконе было устроено чаепитие, а затем гости в пяти шарабах и 23 линейях по зажженной иллюминации проезжали через Верхний сад. С членами императорской семьи ехали гостившие в это время в Петергофе наследный принц Веймарский, герцогиня Веймарская и принц Александр Гессенский, брат цесаревны Марии Александровны⁷⁹.

Вот как об открывавшемся гостям виде в стиле журналистики того времени написала в «Северной пчеле» Мария Корсини: «Весь партер перед дворцом вдруг осветился разно-

Р. И. Кузьмин.
Рисунки для иллюминации 1846 г.
в Нижнем парке Петергофа
(с карандашными пометками
Николая I 1851 г.). ГМЗ «Петергоф».
Публикуются впервые

Подпись карандашом:
«На Озерках, по обе стороны
фигуры Нила»

Подпись карандашом:
«Между караулкой и Нилом
по обе стороны канала»

цветными огнями. В одно мгновение роскошные цветы на кустарниках сменились блестящими плодами, а дерн покрылся тысячами драгоценных камней. К темным веткам столетних деревьев прильнули прозрачные тюльпаны, красивые вазы, светящиеся шары. На ночную зелень как будто налетели несметные рои неведомых до сих пор насекомых огромных, сияющих радужными красками. Образовался длинный листовенный свод, где сумрак, бледнея перед бесчисленными переливами оттенков, сохранял однако же свою таинственность, всю свою поэзию»⁸⁰. «На последней площадке верхнего сада, перед железными воротами, горел разноцветными огнями огромный щит с вензелем Великой Княгини Ольги Николаевны», — отметил в своем описании этого праздника А. Ф. Гейрот⁸¹.

Далее, «по левую руку зеркальное озеро покоилось в алмазных берегах; на нем гуляла точно воздушная, нарядная яхта, издававшая гармонические звуки музыки. Дальше, облитый огнем павильон на Ольгином Острове; за ним бриллиантовая струя рисовала изящные формы дворца на Царицыном Острове. Оба здания

представляли зрелище до такой степени восхитительное и необычайное, что с трудом верилось в их действительность, и не будь убежденности, что они Царские, фантазия приняла бы их за явление сверхъестественное, за волшебство, за мимолетный призрак восторженной мечты»⁸².

Гости проезжали мимо Дома полиции, и чуть дальше, за дачей Клевцевкой, на углу Самсоньевской и Лагерной улиц, начинались шпалеры, обрамлявшие дорогу вдоль Самсоньевского водовода. «Дорога, или, лучше сказать, две параллельные, прямые и правильные аллеи, разделены током воды, бегущим уступами, шли к павильону, что на Озерках, между двумя пылающими стенами. Кружевные узоры художественно обведены были огненными линиями на сумрачном вечернем воздухе. Обе аллеи соединяются в одном месте мостиком с перилами легкого очертания, с небольшими пьедесталами, а на них вазы, из которых вилось яркое изумрудное пламя, и придавало всему окружающему что-то фантастическое и волшебное»⁸³. В роще за караулкою, у двух мостов, «на поляне между деревьями и кустами была представлена живая картина “Цыганский табор”, освещенная бенгальскими огнями»⁸⁴. «В конце аллеи, разделившихся на две дороги, возвышается над озером павильон; за ним была устроена на открытом воздухе сцена...»⁸⁵.

Приглашенные во дворец проезжали по этой волшебной дороге, часть зрителей же собиралась у павильона. Для них было выдано 237 билетов. Это были офицеры Гвардейского и Морского корпусов⁸⁶.

Когда высочайшие особы прибыли к павильону, началось балетное представление. В этом году повторили дивертисмент из балета «Наяда», поставленный для прошлогоднего праздника. Сцена во время представления освещалась бенгальскими огнями⁸⁷.

Один из организаторов праздника и, несомненно, его зритель А. Ф. Гейрот писал: «Наяды действительно подплывали к сцене в небольших лодках, устроенных в виде раковин... Вправо на дальнем плане виднелись деревянные Бабьего-гона, иллюминированные по главным архитектурным линиям, так что очертания каждой избы видно было издали»⁸⁸. «На озерах виднелись островки с горящим грунтом вместо дерна, на котором живописно обрисовывались клумбы кустарников и цветов, а из их бархатной зелени при-

поднимались мраморные и бронзовые статуи», — дополняет это описание Мария Корсини⁸⁹.

Как и за год до этого, на озерах плавали катера, украшенные цветными фонарями⁹⁰.

После представления императорская семья с приглашенными гостями отправились в Монплеизр, возвращаясь по иллюминации. Ольгин пруд, который был окаймлен рядом шкаликов, освещался еще и бенгальскими огнями. Аллея Нижнего сада, ведущая к Монплеизру, была иллюминирована разноцветными фонарями. В Монплеизре гостей угощали чаем. «В заключение праздника был сожжен над Драконовою горою великолепный фейерверк», — писал А. Гейрот⁹¹. «Партер у Монплеизра был освещен с необыкновенной грацией; против него возвышался огромный щит с августейшим вензелем Августейшей Именинницы, загоревшийся в одно мгновение. А там, с шумом помчались по воздуху ракеты до самых облаков; с легкостью эфира полетели римские

свечи, звезды, бенгальские огни»⁹². Так описал фейерверк над Драконовою горой автор публикации в «Северной пчеле».

На следующий день, как и в прошлом году, дивертисмент повторили для небольшого круга лиц. Гости, 97 человек, были приглашены императрицей в павильон Озерки на полдник. Великий князь Николай Николаевич в дневнике отметил, что было «очень весело и мило, лучше вчерашнего»⁹³.

Советник Петергофского дворцового правления полковник А. Ф. Гейрот и смотритель за материалами титулярный советник Поварин были награждены за устройство иллюминации бриллиантовыми перстнями, а смотрителю иллюминационных кладовых коллежскому секретарю Андрееву было пожаловано 100 рублей⁹⁴. Театральная дирекция просила наградить Ж. Перро, который, уже не состоя на службе, по просьбе дирекции танцевал в дивертисменте, и Ц. Пуни. Композитор дирижировал оркестром, хотя ангажемент его еще не начался. Ис-

прашивались награды для режиссера балетной труппы Марселя и воспитанницы Радиной, которая в этом спектакле первый раз исполнила значительную роль Наяды и заслужила одобрение императора⁹⁵. Великий князь Николай Николаевич в своем дневнике упомянул, что в спектакле участвовали, наряду с Радиной и Перро, Амосова 1, Амосова 2, Снеткова и другие⁹⁶.

Петергофские праздники в эпоху царствования императора Николая I начались в 1830 году устройством маскарада и иллюминации Нижнего парка в день рождения императрицы. В последние годы его правления они приобрели новые черты и переместились в пространстве. «Итальянские» павильоны Колонистского и Лугового парков, пейзажные озерные парки, острова, «воздушные» театры, новый тип иллюминации — все это стало фоном праздничных балетных представлений на сценах, устроенных над водой. Традиции такого рода праздников в Петергофе продолжались преемниками Николая I вплоть до конца XIX века.

¹ Все даты указаны по старому стилю.

² Kurjer Warszawski. 1846. 23 мая. № 134.

³ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1863. Л. 1—1 об.

⁴ Там же.

⁵ Иллюминация в Лазенках в честь прибытия Александры Федоровны и Ольги Николаевны была устроена 26 мая (6 июня) // Kurjer Warszawski. 1846. 7 июня (27 мая). № 148.

⁶ Из записок барона (впоследствии графа М. А. Корфа) // Рус. старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 287.

⁷ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 241.

⁸ Сев. пчела. 1846. 29 июня. № 144. С. 573.

⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 242.

¹⁰ В. Ал. Дружеское письмо в Москву // Сев. пчела. 1846. 29 июля. № 168.

¹¹ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1863. Л. 9—9 об.

¹² Там же. Л. 12 об. — 13 об.

¹³ Там же. Л. 4—4 об.

¹⁴ В камер-фурьерском журнале за 8 июля 1846 года записано, что во время бала в Английском дворце «английский сад против дворца был иллюминирован разными фонарями» (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 242).

¹⁵ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1863. Л. 15, 23.

¹⁶ ЦГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 242.

¹⁷ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2035. Л. 16.

¹⁸ Там же. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2558. Л. 480 об.; Д. 2560. Л. 142.

¹⁹ Там же. Ф. 472. Оп. 17 (6/938). 1846 г. Д. 122. Л. 1, 2. Артистам были пожалованы подарки: отцу Тамбурины — в 700 рублей, сыну Тамбурины — в 400 рублей, музыканту Ферреро — в 300 рублей.

²⁰ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 84. Л. 17.

²¹ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2035. Л. 11.

²² Там же. Л. 4.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ По-видимому, имеется в виду купальня на мысу в северной части озера.

²⁵ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2035. Л. 15.

²⁶ Там же. Л. 14, 16.

²⁷ Там же. Л. 14, 100.

²⁸ Там же. Л. 105, 131.

²⁹ Там же. Л. 79, 80, 83 об.

³⁰ Там же. Л. 87 об. — 88.

³¹ Там же. Ф. 516. Д. 1 (120/2322). Д. 255.

³² Там же.

³³ Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2222. Л. 4.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 7.

³⁷ Там же. Л. 113—122.

³⁸ Там же. Л. 151—166.

³⁹ Там же. Л. 7, 13.

⁴⁰ Там же. Л. 14.

⁴¹ Там же. Л. 6.

- ⁴² Там же. Л. 12. К сожалению, нам известно о существовании этих программ только из перечисления их в документах Петергофского дворцового правления, самих программ обнаружить не удалось.
- ⁴³ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. Т. 102. 1900. Кн. 5. С. 287.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 291.
- ⁴⁵ Брант Л. Праздник в Петергофе // Сев. пчела. 1850. 17 июля. № 157.
- ⁴⁶ См. подробнее: В. А. Пахомова-Герес. Праздник белой розы и театр мечты эпохи романтизма // Волшебство белой розы. История одного праздника. Каталог выставки. СПб., 2000.
- ⁴⁷ Премьера балета состоялась в Петербурге на сцене Большого театра полгода спустя, 30 января 1851. Это был бенефис Ж. Перро, который исполнял роль Матео.
- ⁴⁸ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. Т. 102. 1900. Кн. 5. С. 287.
- ⁴⁹ Брант Л. Указ. соч.
- ⁵⁰ Там же
- ⁵¹ А. Т. Гримм. Александра Федоровна, русская императрица. Лейпциг, 1865–1866. Т. 2 (цит. по переводу: Архив ГМЗ «Петергоф», ПДМП 5612 ар. Л. 12).
- ⁵² РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 291.
- ⁵³ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. 1900. Т. 102. Кн. 5. С. 287.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 291.
- ⁵⁵ Нетарова А. П. Из воспоминаний артистки // Ист. вестн. 1903. Ноябрь. Т. 94. С. 441. Свистал соловьем литаврист Императорских театров Фусс, за что ему было заплачено 50 руб. (РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (6/938), 1850 г. Д. 401. Л. 1, 2).
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 263. Л. 10–10 об.; Ф. 497. Оп. 4. Д. 2575. Л. 43.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2575. Л. 30 об., 31, 43.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2222. Л. 18–20.
- ⁵⁹ Брант Л. Указ. соч.
- ⁶⁰ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Рус. старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 287.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1047. Л. 37.
- ⁶² Старицына Г. К. Ольгин павильона на Ольгином острове в Петергофе: Ист. справка. Л., 1986; Архив проектно-сметной документации ГМЗ «Петергоф». Л. 51.
- ⁶³ Там же. Л. 52–54.
- ⁶⁴ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2355. Л. 36.
- ⁶⁵ Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 2127 ар.
- ⁶⁶ Там же. 2126 ар.
- ⁶⁷ Там же. ПДМП 2128 ар.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2354. Л. 45–45 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 26.
- ⁷⁰ Там же. Л. 26, 62, 63.
- ⁷¹ Там же. Л. 40.
- ⁷² Там же. Л. 27.
- ⁷³ Там же. Л. 3.
- ⁷⁴ Там же. Л. 47.
- ⁷⁵ Там же. Д. 2355. Л. 82–84.
- ⁷⁶ Там же. Л. 40.
- ⁷⁷ Там же. Д. 2363. Л. 3.
- ⁷⁸ Там же. Д. 2354. Л. 72 об.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 303.
- ⁸⁰ Корсини М. Петергоф и петергофский праздник 11 июня текущего года // Сев. пчела. 28 июля. 1850. № 168.
- ⁸¹ Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 50.
- ⁸² Корсини М. Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Гейрот А. Указ. соч.
- ⁸⁵ Корсини М. Указ. соч.
- ⁸⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 303.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2355. Л. 79.
- ⁸⁸ Гейрот А. Указ. соч.
- ⁸⁹ Корсини М. Указ. соч.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2355. Л. 73.
- ⁹¹ Гейрот А. Указ. соч. С. 51.
- ⁹² Корсини М. Указ. соч.
- ⁹³ РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2354. Л. 9–13.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 497. Оп. 2. Д. 13497. Л. 11.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. Л. 7. В дневнике Николай Николаевич также записал, что «публики в саду было ужасно много, по три парохода приходили в 1/4 часа, битком набитые». «Северная пчела» сообщала: «Без всякого предварительного печатного извещения, в столице разнесся слух, что 11 июля, в среду, будет иллюминация в привлекательном Петергофе, и народ хлынул туда толпою. ...О числе посетителей петергофского праздника можно судить еще по тому, что перевозка их пароходами в обратный путь происходила непрерывно в продолжение всей ночи и утра 12 июля, так что даже в этот день, в третьем часу пополудни пароходы приходили совершенно полные (Пчелка. Петерб. смесь // Сев. пчела. 1851. № 159. 18 июля).

Транспорт в старом Петербурге как следствие петербургского мышления

Извозчик с пассажирами зимой. 1900-е гг. Фото К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

С. Н. Полторак

два года население города резко возросло — 471 человек. Археолог П. Е. Сорокин считает, что к концу своего существования в Ниене проживало до 2500 человек¹. По тем временам это был довольно крупный город. Но что касается собственного транспорта, то он был развит плохо, поскольку особой необходимости в нем не было. Поездки в Выборг, Або, Нарву, Ямбург, Копорье, Ивангород были нечастыми. Сено, дрова, бревна для строительства находились неподалеку, в нескольких сотнях метров от городского дома. Почти все жители имели лодки, с которых можно было рыбачить или использовать их для переправы на правый берег Невы к селу Спасскому, считавшемуся предместьем Ниена. Теперь на месте того села находится Александроневская лавра. Возле Спасского жители Ниена косили траву, грузили ее в свои лодки и переправляли через Неву, обеспечивая тем самым кормами домашний скот. Кроме того, из Ниена в село Спасское действовала паромная переправа, находившаяся «на балансе» городской администрации.

Жители Ниена — шведы, немцы, финны и несколько русских семей в душе были приморскими жителями: многовековой опыт предков обязывал. Первые петербуржцы были в большинстве людьми сухопутными, которым обстоятельства жизни — география города и воля государя — навязывали свои транспортные приоритеты. Конечно, долгое время вокруг Петербурга жили своей жизнью старые (шведские, финские, русские) пути сообщения. Но менялись устремления Петербурга — порастали травой, кустарниками, деревьями некогда востребованные дороги, дорожки, тропинки...

Петербург развивался быстро, и поэтому вскоре появилась нужда использовать лошадей и разные плаву-

Нет, в начале было не слово. В начале была все-таки мысль, отразившая сложный букет человеческих переживаний по поводу окружавшего его мира.

В XVIII веке появились первые петербуржцы — люди очень разные по своим корням, верованиям, социальному положению, бытовым привычкам, нравственным приоритетам. Начался процесс их превращения в единую духовную общность — в самых европейских по духу россиян. Этот процесс имеет исходную точку, но не имеет конца. Точнее, он завершится лишь тогда, когда не станет Петербурга. А пока петербуржцы вот уже 300 лет «варятся» в общем котле, добровольно и поневоле принимая в свою жизнь все условия, которые диктует им сама история Петербурга.

На духовное развитие Петербурга и петербуржцев можно смотреть, как с колоколен, с разных позиций. Каждая из них по-своему правильная; каждая — не единственная.

Взойдем мысленно лишь на одну из таких духовно-исторических «колоколен»: посмотрим на процесс развития города и его жителей сквозь призму развития транспортных коммуникаций и самого транспорта.

Качественно новым отличием Петербурга начала XVIII века от дру-

гих городов было то, что он замышлялся не как город средневековый, а как центр, впитывавший в себя все самые современные по тем временам технологии быстро развивавшегося капитализма. Размах, масштабность мышления и дел петровского Петербурга были отличительными чертами развития города-крепости, а с 1712 года — уже и столицы России.

«Капитализация» мышления создателей Петербурга означала понимание неотвратимости развития этого города и как мощного транспортного центра. Транспорту надлежало выполнять две функции: внешнюю (торговля с другими государствами, оборона северо-западных рубежей России) и внутреннюю (всестороннее обеспечение саморазвития города).

Предшественник Петербурга — шведский город Ниен, стоявший у впадения Охты* в Неву, практически не нуждался в транспорте как в средстве передвижения по городу: его можно было обойти по периметру прогулочным шагом минут за двадцать. Ширина центральных улиц Ниена была около 10 метров, а остальных — и того меньше. Стало быть, эти улицы были рассчитаны на пешеходов, реже — на всадников и одиночные повозки. В 1640 году в Ниене проживало 294 человека. Правда, через

¹ До XVIII века Охта носила название Сварте бек — Черная речка. Торфянистая почва, придававшая воде темный оттенок, породила в окрестностях несколько рек с таким названием.

чие средства в качестве городского транспорта: городские «концы» были не близкими. Это – качественно новое явление. Еще 20–30 лет тому назад, в отличие от петербуржцев, нинчане перебирались через Охту или ручей Чернавку через наведенные мосты. Жители Петербурга были лишены такой возможности. Во-первых, Нева, Фонтанка и даже Мойка – это не восьмиметровый в ширину ручей Чернавка, и строить через них мосты было проблематично. Тем более что Петр I, соединяя реки городской черты каналами, вообще считал необходимым приучать горожан к индивидуальному и общественному водному транспорту. У дома каждого владельца здания были не только экипажи, но и лодки-верейки. Их, кстати, строили на верфи, находившейся на Фонтанке напротив Летнего сада.

Любопытное сравнение. Средневековый Ниен в 1640–1645 годах посещало до 112 кораблей в год². А в 1895 году в Петербурге разгрузилось 15 600 судов. Речного порта в городе не было, поэтому разгрузка проводилась у причалов рек и каналов.

На рубеже XIX–XX веков очень ходовым товаром в Петербурге были дрова. Это нетрудно заметить, например, по фотографии Карла Буллы, сделанной на Фонтанке в начале XX века.

Кроме дров в Петербург привозили уголь, песок, кирпич, продовольствие и многое другое. Приходившие в город баржи обратно не отправлялись, поскольку это было экономически невыгодно. Их разбирали до последней щепки и продавали на дрова. Правда, из Петербурга кое-что вывозилось: мусор, нечистоты, железо, колониальные товары – пестрый, но далеко не полный перечень того,

Вид на Неву под Петербургом

чем делилась столица с жителями сопредельных территорий.

В 1848 году в Петербурге организовалось «Легкое невское пароходство», занимавшееся перевозкой жителей. По рекам города начали курсировать небольшие пароходики,

бравшие на борт до 100 пассажиров. Самое интенсивное движение было по Неве и Фонтанке. Трудно поверить, но и интервал между приходом пароходов к причалам был всего 5 минут! Почти как в современном петербургском метро. В 1882 году открылось

Трамвайчик у пристани на Екатерининском канале. 1890-е гг. ЦГАКФФД СПб.

Разгрузка товаров на Николаевской набережной Невы. 1900 г. Фото К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

Пристань на Фонтанке. 1900-е гг. Фото К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

Санкт-Петербург в конце 40-х гг. XIX в. Худ. О. Т. Авдеев

В центре Павловского парка. Худ. О. Т. Авдеев

движение и по Екатерининскому каналу, но эта линия ожидавшихся доходов не приносила, и через 10 лет, по истечении контракта, ее закрыли.

Еще в 40-е годы XIX века основным транспортом в Петербурге и его пригородах были лошади. Всадники и всевозможные экипажи, различные крестьянские повозки были единственным сухопутным транспортом, несмотря на то что первый паровоз уже отошел от столичного перрона в 1837 году.

Но тогда железнодорожный транспорт не имел того утилитарного значения, которое пришло чуть позже. На паровоз и поезд в целом поначалу смотрели с легким трепетом и страхом, потом — как на большую романтическую игрушку для материально обеспеченных взрослых. Не случайно железнодорожное полотно первой в России железной дороги, соединившей Петербург с Павловском, проходило напрямик через знаменитый Павловский парк. Об экологии тогда не думали. Паровоз в парке — это было изящно.

Пригородные вокзалы не были тогда убогими сооружениями, мимо которых проскальзывает взор современного дачника. Это были центры культуры, привлекавшие атмосферой новизны, вносимой в размеренную жизнь обывателей. Иоганн Штраус, например, был приглашен правлением Царскосельской железной дороги для дирижирования оркестром в Павловском вокзале лишь на летний сезон 1856 года, но эта «командировка» затянулась на 10 лет: очень уж велик был интерес петербуржцев к маэстро, железной дороге, атмосфере, царившей как в здании вокзала, так и у его стен.

Не случайно газета «Северная пчела» в ту пору писала: «Паровозы беспрестанно катаются (заметьте, *катаются*, а не следуют и не ездят. — С. П.) из Петербурга в Павловск и обратно в назначенные часы, и в некоторые поездки утром, и особенно вечером, нет ни одного пустого места. В некоторые поездки в каретах (то есть вагонах. — С. П.) были заняты все

24 места»³. Та же газета отмечала, что иллюминация, создававшаяся у Павловского вокзала, была «истинно изящна, разноцветные фонари обвивали арки галерей и всего здания, которое изнутри ликовало светом. Музыка довершала очарование»⁴.

Балы в Павловском вокзале восхищали и привлекали петербуржцев новизной ощущений, масштабностью празднеств, доступностью и вкусом. Не последнюю роль играл и уровень обслуживания, организации как самих увеселений, так и доставки пассажиров к месту отдыха и обратно. Недаром «Санкт-Петербургские ведомости» в январе 1839 года сообщали: «Надобно отдать полную справедливость правлению Царскосельской железной дороги, пекущейся об удовольствиях петербургской публики, как скоро это наслаждение влечет за собой умножение числа проезжающих по железной дороге»⁵.

Паровой двигатель в XIX веке стал явлением революционным. Он изменил во многом и образ жизни людей, и образ мыслей. Именно он сделал петербуржцев еще большими европейцами, чем прежде. Но революционность взглядов и поступков петербуржцев всегда удивительным образом уживалась с консерватизмом, самодостаточностью и стремлением жить по собственным правилам. Сказывалось это

Во время концерта в Павловском вокзале. Худ. Шпак

и на качественном составе петербургского «флота». Так, в 1899 году в городе эксплуатировались 232 парохода (91 пассажирский и 141 буксирный), 299 палубных и беспалубных судов, 28 лодок для перевозки мусора и нечистот, 283 перевозных ялика. Картину приморского города дополняли 284 шлюпки: горожане сохраняли почти 200-летнюю традицию катания по рекам и каналам. В столице было тогда 130 пристаней и 37 перевозов на яликах. До сих пор на гранитных берегах петербургских рек и каналов сохранились вбитые в них кольца для

причаливания водного транспорта. Было привычным пассажирское движение из Петербурга в Кронштадт, Шлиссельбург, Петрозаводск, Ригу и обратно. Но заканчивалась навигация, лед и снег покрывали городские водоемы. Тогда основным транспортом петербуржцев становились сани. Фонарей на них не ставили, ездили, так сказать, без обозначения габаритных сигналов. Но «мощность» саней могла увеличиваться за счет увеличения числа самих живых «лошадиных сил»: запрягали не только одну, но две и три лошади. Ноги у пассажиров укрывались так называемой полостью — специальным фартуком из медвежьей шкуры. Лошадей на время бега накрывали сетчатой попоной, а во время стоянки — суконной. Особенно нарядными были выезды состоятельных господ и представителей царского дома. Каждый из Дома Романовых традиционно имел свой цвет: нечто вроде современного товарного знака. У великого князя Владимира Александровича «домашним» был малиновый цвет, у великого князя Константина Константиновича — желтый, у великой княгини Ксении Александровны — розовый и так далее. В такие же цвета были выкрашены сетки их выездных лошадей. Роскошные лошади, разноцветные сетки на фоне искристого снега — красиво!

Для людей попроще и средства зимнего передвижения были поскромнее. По улицам жители чаще ходили пешком. А преодолевать большие расстояния через Неву помогали так называемые катали. Как только лед на Неве становился прочным, его расчищали от снега и заливали водой. На подготовленном таким нехитрым образом маршруте постоянно трудились 15–20 каталей. Это были крепкие мужчины, стоявшие на коньках,

прикрепленных к валенкам. Каждый из них толкал перед собой деревянные санки, похожие на всем известные финские сани. Впереди сидели один-два седока. Днем катали работали на хозяев, ночью — на себя. Трудный был хлебушек, но очень популярный и, стало быть, доходный. Главные перевозки действовали от Сенатской площади (площадь Декабристов) до Васильевского острова и от Гагаринской набережной (Кутузовская набережная) на Выборгскую сторону.

Зимой 1896 года появились первые электрические трамваи. Этому новшеству всячески препятствовали акционеры товарищества Конно-железных дорог. У них был подписан с Городской думой договор, согласно которому только они, акционеры, имели право на строительство рельсовых путей. Но договор этот распространялся лишь на землю и не учитывал водные артерии. Этим-то и воспользовались организаторы трамвайной железной дороги. Трамваи по отношению к каталям были весьма конкурентоспособны: вместительны, быстроходны, не знали усталости, да и, в отличие от каталей, по понятным причинам были непьющими... С их помощью удалось наладить сообщение от Сенатской площади на Васильевский остров и с Суворовской площади на Выборгскую сторону.

Число извозчиков в Петербурге на протяжении долгого времени непрерывно росло. В 1750 году их насчитывалось около 3000, в 1790 году — 4600, а к концу XIX века — значительно больше. В 1895 году в столице было 1150 карет и троечных экипажей,

15 500 ломовых запряжек, 14 000 саней, 12 859 дрожек.

На каждый «товар» был свой покупатель. Большой популярностью, например, пользовались пролетки. Они, как правило, были выкрашены в черный цвет. Внутри обивались кожей. Впереди на козлах сидел кучер. По бокам пролетки крепились два фонаря, в которых зажигались свечи или карбид. Ноги седоков и кучера прикрывал кожаный фартук, оберегавший их от ветра, дождя и грязи.

Извозчики Петербурга — это была особая каста, заслуживающая отдельной статьи и, скорее всего, даже книги. Они имели свою униформу: синяя суконная поддевка до пят со множеством складок сзади. На голове — черный цилиндр (зимой — круглая меховая шапка). Носили они высокие сапоги, а в холодное время — валенки. При себе всегда имели кнут. Бороды и волосы стригли в виде скобы.

В 1784 году петербургским оберполицеймейстером был подписан документ под названием «Извозничий билет» — первые в России правила уличного движения. С тех пор каждому извозчику выдавался специальный жетон из белой жести, где указывались номер экипажа и часть города, к которой он приписывался, а также этот самый билет, содержавший 28 пунктов правил езды.

То, что почти все извозчики были безграмотны, никого не интересовало.

Но в 1901 году состоялся первый выпуск «ученых извозчиков», обучавшихся целых два с половиной года на специальных курсах. В это трудно поверить, но кроме управления лошадью их учили еще новой извозчиковой таксе, астрономии, французскому языку и хорошим манерам. Как не хватает всего этого нашим современным водителям!

Развитие города, увеличение его населения, изменение характера труда стали толчком к развитию регулярного общественного транспорта. В 1847 году в Петербурге появились первые «кареты для всех» — омнибусы. Первый маршрут пролегал от Знаменской площади (пл. Восстания) вдоль Невского проспекта к Английской набережной, а вскоре был продолжен до Тучкова моста.

На некоторых линиях курсировали открытые экипажи с поперечными сиденьями и подножками по обеим сторонам. По этим подножкам перемещался кондуктор. Он не только собирал плату за проезд, но и помогал прилично

Трамвай на Невском проспекте. 1913 г. Фото К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

одетым людям сойти на остановке или, наоборот, сесть в омнибус.

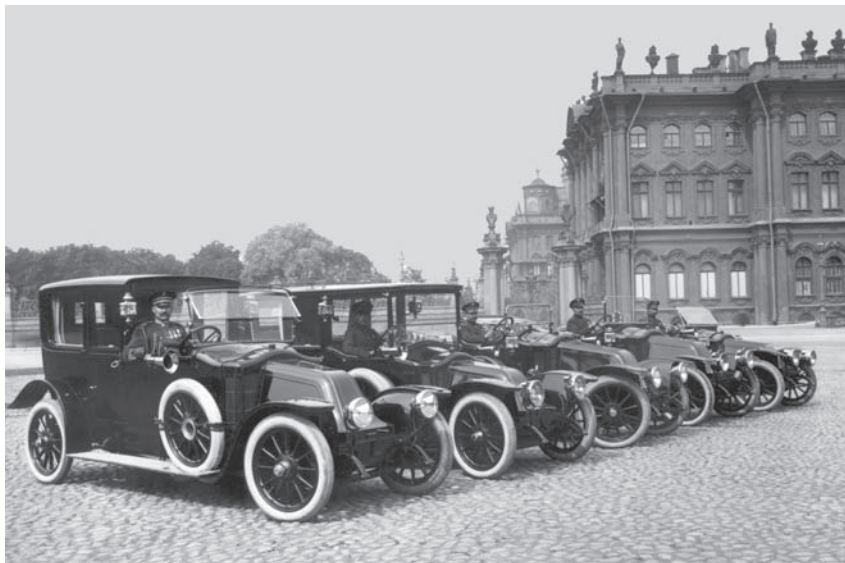
На каждом маршруте омнибусы выкрашивали в определенный цвет. От Бассейной улицы (ул. Некрасова) до Покровской площади ходили синие; от Дегтярной улицы до Николаевского вокзала и далее по Невскому проспекту на Петербургскую сторону — малиновые; по левому берегу Невы, по Шлиссельбургскому тракту шли зеленые; желтые везли пассажиров по Гороховой улице к Царскосельскому вокзалу.

Первые омнибусы были громоздкими и очень тесными. Их вскоре прозвали «сорок мучеников», хотя вмещали они от 10 до 16 человек. Создатели омнибуса долгое время не знали, как увеличить вместимость своих карет. Увеличение габаритов грозило потерей маневренности. Тогда был найден выход: на крышах омнибусов оборудовали дополнительные площадки для пассажиров. Забираться туда было не очень удобно, зато обзор был великолепным. Да и проезд наверху, то есть на империале, стоил уже не 5 копеек, а всего лишь три.

К 1900 году омнибусы Петербурга ездили по 20 маршрутам. Это был самый массовый вид городского транспорта своего времени.

Сродни омнибусам были дилижансы. Они в силу большего удобства предназначались для пригородного сообщения. Они отправлялись от Гостиного двора по строгому расписанию. Проезд до Новой Деревни стоил 15 копеек, до Лесного — 25, до села Александровского — 30 копеек. Дороговато, но на извозчике было бы еще дороже. Поэтому ездили аж до 1914 года.

В 1862 году в Петербурге было создано «Товарищество конно-железных дорог». Разрешение на прокладку конно-железных линий было дано не сразу, но в 1863 году уже началось строительство трех первых линий: по Невскому проспекту, по Садовой улице и от Дворцовой площади на Васильевский остров. Это были темно-синие вагоны длиной 8 метров, запряженные парой лошадей. Над вагоном помещался империал, обрамленный всевозможными рекламными щитами. Женщины получили право ездить на империале только в 1903 году. Внутри вагона и на империале скамьи располагались вдоль окон и были выкрашены почему-то в красный цвет. Внутри конки, над каждой из двух дверей, висели фонарики, в которых в темное время суток зажигали свечи.

Автомобили на Дворцовой площади. 1913–1914 гг.
Фото К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

У автомобиля. 1910-е гг. Фото К. Буллы. ЦГАКФФД СПб.

Только в 1907 году, когда окончился контракт с владельцами конно-железных дорог, в Петербурге появился первый трамвай.

Но еще и тогда доживал свой век вид конки, носившей странноватое название «паровые конные железные дороги». Они работали на двух линиях: от Знаменской площади до деревни Мурзинки, что была за Обуховским сталелитейным заводом, и вдоль Сампсониевского

проспекта — паровик тащил вагоны коночного типа.

Менялись времена, даже эпохи. Менялись ценностные ориентиры петербуржцев, петроградцев, ленинградцев и снова петербуржцев. Они отражались и отражаются во вкусах, в привычках, в потребностях и устремлениях. В том числе — в транспортной сфере. Но на чем бы мы ни ездили, мы все равно остаемся петербуржцами и, похоже, долго еще будем ими оставаться.

¹ Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001. С. 58.

² Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994. С. 145.

³ Цит. по: Авдеев О. Т. Первые железные дороги России. Минск, 2002. С. 44.

⁴ Цит. по: Там же. С. 52.

⁵ Цит. по: Там же. С. 51.

Ленинградский танковый завод в Сибири

Н. П. Шуранов

В тридцатые годы XX века в Ленинграде успешно действовал танковый завод № 174 им. Ворошилова, которому в период Великой Отечественной войны суждено было стать сибирским. С 1931 года он специализировался на выпуске танков Т-26. С того же времени по постановлению Реввоенсовета СССР его опытно-конструкторский отдел (ОКМО), как и завод «Большевик» (б. Обуховский), занимался разработкой самоходных артиллерийских установок для механизированных и моторизованных войск Красной армии. Создавались установки закрытого, полужакрытого и открытого типов. За их созданием постоянно следили секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров и заместитель наркома обороны СССР М. Н. Тухачевский.

В 1933 году на базе ОКМО завода № 174 был образован Ленинградский завод опытного машиностроения им. Кирова. А завод им. Ворошилова продолжил серийное производство танков Т-26. Они имели тонкую пулезащитную броню, специальный бензиновый двигатель воздушного охлаждения, были сравнительно тихоходными и предназначались для поддержки и

С. М. Киров (крайний слева) выступает перед членами партийной организации завода «Красный путиловец». (ЦГАКФФД)

сопровождения пехоты. Выпускалось до 23 модификаций танка. В том числе с телескопическим прицелом, с огнеметом, с зенитным пулеметом, с радиостанцией и др. На базе Т-26 были спроектированы бронетранспортеры, бронетягачи, мостокладчики. За образцовое выполнение заданий по

выпуску танков и укреплению обороноспособности страны завод в апреле 1940 года был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Накануне войны на заводе был разработан новый танк с более мощной броневой защитой и дизельным двигателем – Т-50. Но к лету 1941 года начать производство нового танка не успели. Да и выпуск для него специальной модификации шестицилиндрового дизеля задерживался. Поэтому производство танков Т-50 решено было наладить на других заводах¹.

А затем завод № 174 ввиду приближения фронта к городу вместе с многими другими предприятиями был эвакуирован. 4 октября 1941 г. ГКО принял постановление № 734, которым предусматривалась эвакуация ленинградских танковых заводов – Кировского, Ижорского и ордена Трудового Красного Знамени завода № 174 им. Ворошилова. Его направили в Чкалов (Оренбург). Постановлением ГКО от 14 ноября 1941 года намечалось увеличить мощности завода, построить кузнечный, сварочный, термический, сборочный цехи и обеспечить производство созданного до эвакуации легкого танка Т-50. 28 но-

М. Н. Тухачевский (в центре). Детское Село. 1929 г. (ЦГАКФФД)

ября в помощь заводу направили часть учащихся ремесленных училищ в связи с эвакуацией из Ленинграда 118 тысяч человек населения². Но затем завод № 174 было решено перевести в Сибирь и разместить в Омске на площадях танкового завода № 173, который тогда только начал формироваться на базе Омского паровозо-вагоноремонтного завода. На Омский ПВРЗ в первые месяцы войны был эвакуирован ряд родственных предприятий. По распоряжению Совета по эвакуации от 11 августа 1941 г. № 5388 прибыло оборудование конотопского ПВРЗ. По распоряжению СНК СССР от 3 сентября № 9886 прибыл Днепрпетровский ПВРЗ. 4 октября ГКО постановлением № 731 направил на него паровозное производство знаменитого харьковского танкового завода № 183. А 13 октября постановлением № 774 ГКО направил дополнительно завод им. Октябрьской революции из Ворошиловграда. Одновременно на ТЭЦ омского завода направилась часть оборудования Шатурской ГРЭС. Прибыло и оборудование Ленинградского ПВРЗ.

14 ноября 1941 года ГКО постановил передать Омский ПВРЗ вместе с Ворошиловградским ПВРЗ и другим прибывшим эвакуоборудованием Наркомату танковой промышленности и организовать на нем с 11 февраля 1942 года производство разработанного ленинградским заводом танка Т-50 и корпусов к ним по 8–10 в сутки. Нарком танковой промышленности В. А. Малышев 18 ноября издал приказ, которым присвоил новому танковому заводу номер 173. Его директором нарком назначил Шора, бывшего директора Челябинского тракторного завода. Кроме выпуска танков и боеприпасов производство всей другой продукции с завода снималось.

На новый завод продолжало прибывать эвакуоборудование. В конце декабря скопилось 744 неразгруженных вагона. На месте принимались меры по обеспечению их разгрузки и срочному строительству завода № 173. Правда, Омский обком партии на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1941 года тут же потребовал выделить в январе–феврале 1942 года по 120 баллонов кислорода для обеспечения ремонта тракторов и сельхозмашин к весенней посевной кампании³.

На такую базу и перемещалось из Чкалова оборудование и коллектив завода № 174 во главе с директором

З. М. Кацнельсоном. Перед ним поставили новую задачу — наладить выпуск танка Т-34, лучшего в мире новейшего среднего танка.

К началу Великой Отечественной войны Красная армия имела 22,6 тысячи танков. Но Т-34 и КВ из них — всего 1861, в том числе в западных военных округах Т-34 — лишь 967 единиц. Потери же танков на фронте оказались невиданными. К концу 1941 года они достигли 91%. В действующей армии осталось 517 тяжелых и средних танков. Положение было катастрофическим. А основной производитель танков Т-34 Харьковский завод № 183 был эвакуирован. Единственным поставщиком этих наилучших танков оставался Сталинградский тракторный завод. Завод № 112 «Красное Сормово» только налаживал их производство. Поэтому требовалось в максимально короткие сроки ввести в строй танковый завод № 174.

Завод № 173 был влит в прибывший завод из Ленинграда, и в Омске стал действовать единый танковый завод № 174. В связи с усилившимся строительством Омский облисполком 22 мая 1942 года принял решение о расширении территории завода. Но его строительство шло медленно, не хватало значительной части оборудования. Да и при эвакуации многое не удалось вывезти, в том числе необходимые материалы, приборы, архивы по испытанию двигателей и их зимнему запуску. Общий ущерб от эвакуации завода достиг 21 965 тысяч рублей. В связи с этим ГКО 11 июля принял постановление № 2012, наметившее оказание помощи заводу № 174. В соответствии с ним директор Кацнельсон направил на многие предприятия заявки на поставку необходимого оборудования. Обком партии 28 июля для оказания помощи заводу решил послать на него 1000 комсомольцев и молодежи и поручил Омскому, Тюменскому, Ишимскому горкомам и горисполкомам, а также Тарскому и Ялуторовскому райкомам и райисполкомам провести их мобилизацию.

Начав выпуск танков, завод задания ГКО выполнил в июне на 30%, в июле — на 56% и в августе — на 73,4%. Главными причинами отставания являлось невыполнение сроков строительства объектов завода строительным трестом № 1 и медленный монтаж прибывшего оборудования. Из 2061 станка еще не работали 510, из требуемых 899 штампов было изготовлено лишь 208, не хватало электро-

энергии, медленно сооружался мартеновский цех, 548 рабочих не выполняли норм выработки, в соревновании участвовало только 45% рабочих. Директор завода был заменен.

Обком требовал от нового директора Пассинского принять меры для выполнения задания ГКО. Одновременно ГКО 23 сентября обязал местные власти улучшить электроснабжение завода. Принимались меры по ускорению строительства мартеновского цеха. Тресту № 1 (управляющий Амитин) поручалось до 20 декабря закончить строительство к нему подъездных путей.

Для сплочения трудового коллектива обком направил в августе на завод своих агитаторов. А 1 октября бюро обкома в соответствии с постановлением ГКО от 23 сентября 1942 года № 2334 решило мобилизовать для завода 2000 человек из сельской местности. Нового директора завода Пассинского бюро обязало послать в районы своих уполномоченных⁴.

Неуклонно шло совершенствование танка Т-34 на всех танкостроительных заводах, в том числе и на заводе № 174. Были намечены мероприятия по улучшению водяной, масляной, топливной и воздухоочистительной систем, выхлопного трубопровода, главного фрикциона, коробки перемены передач, тормозной системы, переднего колеса, подвески, ведущего и поддерживающего колес, поворотного механизма, контрольных приборов, электро- и радиооборудования, по усовершенствованию корпуса — всего свыше 80 мероприятий. По согласованию с Главным автобронетанковым управлением Красной армии их 22 августа 1942 года утвердил заместитель наркома танковой промышленности Ж. Я. Котин.

Принятым ГКО планом производства танков на четвертый квартал 1942 года заводу № 174 предусматривалось выпустить 400 танков и 600 бронекорпусов. 19 октября ГКО постановлением № 2392 предусмотрел изготовление на заводе в четвертом квартале 450 танков. Но у завода было немало трудностей в работе. Они обуславливались состоянием непрерывного строительства, затруднявшего организацию производства. Случались и срывы поставок ему необходимых материалов⁵.

С ростом производства усложнялась проблема организации испытания изготовленных танков. Аналогичным было положение на некоторых

других танковых заводах. Учитывая такую ситуацию, ГКО 4 июля 1943 года принял постановление «О строительстве танкодромов и дорог для выхода танков на полевые испытания». В Омске тресту № 1 поручалось построить к 15 октября дорогу от завода № 174 до Черлакского тракта для выхода танков на полевые испытания.

Для укрепления руководства заводом его директором был назначен К. А. Задорожный — бывший директор Сталинградского тракторного завода.

Выпуск танков на заводе нарастал. Но план производства танковых корпусов за 9 месяцев был выполнен только на 55% — недоделано 577 корпусов. Недодел завод и 194 коробки передач — план по ним оказался выполненным на 83%. Обком партии потребовал от руководства завода разработать меры по преодолению этого отставания и 13 октября утвердил их на заседании бюро.

Завод в 1943 году стал крупнейшим предприятием. На нем уже работало более 13 тысяч человек. Выпуск танков за год резко увеличился⁶.

Зимой 1943/1944 года особенно лихорадила производство высокая текучесть кадров. Порой количество самовольно покинувших завод превышало половину всех уволившихся с предприятия. Сложности были в мартеновском цеху. Он еще не был достроен. А уже действовавшие в нем мартеновские печи вместо 2–3 плавков давали по одной плавке в сутки. План по выплавке жидкой стали и фасонному литью не выполнялся. Строители и заводчане торопились и стремились улучшить работу. Медленно шло

Ж. Я. Котин — создатель тяжелых танков. 1941 г. (ЦГАКФФД)

освоение производства модернизированного танка. В мае 1944 года вместо 10 по заданию ГКО был выпущен только один новый танк.

Преодолевая трудности, заводской коллектив продолжал наращивать выпуск модернизированного танка Т-34-85, имевшего более прочную противоснарядную броневую защиту и оснащенного вместо 76-миллиметровой более мощной пушкой калибра 85 миллиметров, способной пробивать даже с дальних расстояний лобовую броню немецких «тигров»⁷.

Производство танков на заводе за 1944 год возросло еще в 1,6 раза и составило 14,77% от всех танков Т-34,

выпущенных в том году танкостроительной промышленностью страны.

После победы над фашистской Германией плановые задания заводу были уменьшены. Поэтому первоначальный годовой план по производству танков Т-34-85 завод выполнил на 86%, а новый, скорректированный план 1945 года — на 100%. План по производству запасных частей — на 103,8%, по выпуску снарядов 122 мм — на 94 и по снарядам М-13 — на 96,4%. Одновременно росло производство запасных частей для сельскохозяйственных машин⁸.

1944 год явился временем наивысшего подъема в становлении и развитии завода. План производства валовой продукции в том году он выполнил на 110,5%. По сравнению с 1943 годом ее объем составил 149,2%, а в 1945 году — 140,7%.

Рост производства достигался при сокращении общей численности заводского персонала, которая обуславливалась превышением числа уволенных над количеством вновь принятых трудящихся. Таким же был и 1945 год.

Танковый завод был самым крупным предприятием в Омске. По объему валовой продукции он превосходил авиадвигательный завод № 29 в 2,4 раза, а самолетостроительный завод № 166 — в три раза. За 1943–1945 годы Ленинградский танковый завод № 174 выпустил в Сибири свыше 5700 танков — это 11,4% от общего количества танков Т-34, произведенных всей танкостроительной промышленностью за годы Великой Отечественной войны. И ныне завод остается в строю действующих танковых заводов России.

¹ Оружие победы. 1941–1945. М., 1985. С. 130, 131, 132, 134, 147.

² Российский центр хранения и исследования документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 169–171; РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 1. Л. 179–180; ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 178. Л. 21.

³ Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 2990. Л. 13; Д. 3000. Л. 3, 4, 9; Оп. 75-а. Д. 7. Л. 1, 7; Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 437. Оп. 21. Д. 85. Л. 428.

⁴ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 4. Л. 214; ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 108. Л. 428; ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 50. Л. 6; Оп. 75-а. Д. 8. Л. 86, 95–96, 98, 100, 122.

⁵ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 431. Л. 39–59; Центр документации общественных организаций в Свердловской области (ЦДОО СО). Ф. 40. Оп. 37. Д. 213. Л. 52, 67; ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 75-а. Д. 8. Л. 113; Д. 12. Л. 374; Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 163; Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 175.

⁶ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 132. Л. 48; ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 75-а. Д. 13. Л. 254; Д. 14. Л. 71–76.

⁷ ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 75-а. Д. 15. Л. 40, 41, 121–125, 257.

⁸ ГАОО. Ф. 2122. Оп. 5. Д. 71. Л. 3, 5, 13, 15–16, 71, 77.

Памятник царю-освободителю для Санкт-Петербурга

К ИСТОРИИ КОНКУРСОВ 1886–1911 ГОДОВ

Ю. Р. Савельев

История создания памятников российским императорам представляет собой совершенно новый раздел истории отечественной монументальной скульптуры. В течение многих лет эта тема была исключена из исследовательских программ, и поэтому история создания проектов этих монументов, история конкурсов и осуществления одобренных моделей остается до сегодняшнего дня одной из наименее исследованных страниц русской скульптуры. Для осознания ее важности достаточно вспомнить, что на протяжении 1880–1910-х годов именно памятники монархам были самой востребованной областью творческой деятельности именитых российских ваятелей. В этот период главные площади, набережные и скверы почти всех российских городов украсили монументы царям династии Романовых. На объявлявшиеся конкурсы представлялись десятки моделей. Заказывались статуи и бюсты для залов дворянских собраний, судов, государственных и общественных учреждений. Скульптурные произведения становились частью градостроительных ансамблей и интерьеров. Многие из них органично входили в исторически сложившийся городской пейзаж, превращаясь в одну из культурных достопримечательностей. Впоследствии именно этот круг скульптурных изображений стал объектом жестокого уничтожения и почти прекратил существование. Из многих десятков и сотен произведений сохранились единицы. Главным образом, это небольшие модели, чудом уцелевшие в музеях и частных коллекциях. Восстановить историю самого значительного и в то же время пока самого загадочного жанра отечественной скульптуры — одна из задач современной науки.

Среди множества конкурсов, проводившихся в России в конце XIX — начале XX века, самого пристального внимания заслуживает многолетняя история проектирования

памятника императору Александру II в Санкт-Петербурге. Сбор средств на строительство памятника самодержцу был объявлен в 1881 году. К 1886 году уже имелось более 130 тысяч рублей добровольных пожертвований. Этой суммы оказалось достаточно для того, чтобы губернский предводитель дворянства граф А. А. Бобринский пригласил известных скульпторов для создания небольших моделей будущего монумента. В мае 1886 года к участию в этом заказном закрытом конкурсе были приглашены М. О. Микешин, А. М. Опекушин, М. А. Чижов и И. Н. Шредер¹. В сентябре четыре модели были выставлены в зале Дворянского собрания. Проекта М. О. Микешина среди них не оказалось, зато в конкурсе принял участие П. П. Забелло². Каждый из скульпторов, вне зависимости от результата, награждался 1000 рублей, а получивший первую премию удаивался права на осуществление своего замысла. 15 сентября 1886 года должны были состояться осмотр моделей и выбор лучшего проекта. Возведение памятника предполагалось начать весной следующего, 1887 года³. После обсуждения модели были перевезены в Зимний дворец, где в декабре 1886 года были представлены на Высочайшее рассмотрение. Ни одна из моделей не заслужила одобрения Александра III⁴.

В марте 1888 года графу А. А. Бобринскому и возглавляемой им комиссии было поручено выработать окончательный проект памятника. К тому времени императором были уже неоднократно, надо полагать, сформулированы требования к создаваемым проектам. Главными из них должны были стать выразительность образа и исключение конных композиций. Существованием именно этого приказа, последовавшего 26 декабря 1888 года, объясняется проведение новой выставки проектов весной 1889 года. Свои модели в зале Дворянского собрания представили те же ав-

торы — А. М. Опекушин, М. А. Чижов, И. Н. Шредер и П. П. Забелло⁵. Они вновь были отклонены.

В 1893 году комиссия по совету министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова обратилась к М. М. Антокольскому⁶. В ответ на письмо губернского предводителя дворянства А. Н. Трубникова (сменившего в этой должности

М. М. Антокольский.
Фото конца XIX — начала XX в.

А. А. Бобринского) скульптор писал: «С величайшим удовольствием готов сделать три проекта для памятника покойного государя. <...> Может быть, на этот раз я буду иметь возможность осуществить мое давнишнее и задушевное желание создать образ покойного императора Александра II. Завлекает меня также эта работа и тем, что в данном случае Ваше желание совершенно совпадает с моим. Я бы просил Вас при этом также сообщить мне известную канву или программу, которой я бы мог более или менее руководствоваться при составлении этих проектов»⁷.

В ответ он получил интереснейшее письмо, которое содержало ис-

прашиваемую скульптором «программу» монумента. Но, как видно из приводимого ниже текста, она не отличалась ни своеобразием, ни новыми яркими идеями, которые могли бы подсказать мастеру удачное образное решение. Напротив, ее содержание лишней раз убеждало в консервативных пристрастиях тех представителей петербургской аристократии, от которых в известной мере в данном случае зависело развитие монументальной скульптуры. «Что же касается каких-нибудь указаний, то я действительно затрудняюсь их дать, хотя и попробую в общих чертах передать мои предположения. Памятник ставится не одним дворянством, а всеми сословиями, мне казалось бы возможным изобразить покойного Государя стоящим на пьедестале во весь рост в генеральском сюртуке без фуражки и держащим в руке манифест 19 февраля 1861 года развернутым. На пьедестале с лицевой стороны можно написать: “Царю-Освободителю Императору Александру II”, на противоположной стороне — барельефы, изображающие появление покойного государя на Дворцовой площади 19 февраля 1861 года и затем моменты получения донесений о покорении Кавказа, Хивы, заключение мира в г. Стефаново и проч. С правой стороны — барельефы великих князей Константина Николаевича (председателя Государственного Совета), Николая Николаевича (главнокомандующего Дунайской армией), Михаила Николаевича (наместника Кавказа и главнокомандующего Кавказской армией). На левой стороне — сподвижников прошлого царствования: князь А. И. Барятинский, граф Д. А. Милотин, граф А. В. Адлерберг, светлейший князь А. М. Горчаков, граф Я. И. Ростовцев, граф Д. А. Толстой и митрополит московский Филарет.

Внизу пьедестала можно поместить в виде отдельных фигур в разнообразных позах все племена и народности, живущие в России. Вот в общих чертах то, что мне пришло в голову, но, конечно, в Ваших умелых руках мое предложение может быть приведено в систему, или же наброски эти могут послужить Вам зачатком того памятника, который Вы со свойственным Вам талантом воспроизведете, под впечатлением желая, чтобы этим памятником навсегда бы увековечился незабвенный образ покойного Государя»⁸. К 1 января 1893 года М. М. Антокольским должны были

быть созданы три варианта модели памятника. Они были доставлены в Петербург из парижской мастерской скульптора и в конце февраля выставлены в Зимнем дворце. Их осмотрел Александр III. Две были отклонены, а в третьей император повелел сделать изменения. «<...> Его Величеству благоугодно было лично указать Вам на изменения, которые предстоит сделать в одной из моделей, наиболее понравившейся Его Величеству», — писал М. М. Антокольскому вновь возглавивший комитет граф А. А. Бобринский⁹.

Измененный проект памятника в двух вариантах был представлен царю в Зимнем дворце в январе 1894 года, но и он не удовлетворил взыскательного вкуса Александра III. Министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков сообщил графу А. А. Бобринскому 11 мая 1894 года: «Его Величество выразил желание, чтобы памятник представлял из себя только фигуру Императора на пьедестале»¹⁰. Предвидя неудачу, М. М. Антокольский писал графу А. А. Бобринскому в сопроводительном письме: «Вообще я сделал, что мог, чтобы не выйти из условий и достигнуть простоты и изящества, но не скрываю перед Вами, глубокоуважаемый граф, что и в этот раз мои надежды на благоприятный исход до того слабы, что я даже решаюсь ехать в Петербург для личного представления проекта, что сопровождалось бы большими расходами и большой потерей времени. Не удивляйтесь, что я так мало верю в мою путеводную звезду на севере. Много проектов я сделал для России, среди них были и достойные и все-таки так или иначе я был устранен. В свое время статуя “Петр I” до того не понравилась в Петербурге, что даже такой художник, как Крамской, советовал уничтожить ее, а теперь она приобретает европейскую славу»¹¹. Несмотря на отклонение проекта, М. М. Антокольскому был выплачен гонорар в размере 2,5 тысячи рублей из средств, собранных на сооружение памятника¹².

Весной 1900 года дело о составлении проекта памятника было вновь возобновлено. К 1 февраля 1901 года сумма средств, выделенных на сооружение монумента, достигла почти 200 тысяч рублей. Тогда же на Высочайшее усмотрение были представлены проекты и сметы созданных к тому времени памятников¹³. По причине неудач первых конкурсов по совету академика М. П. Боккина было реше-

но обратиться к известным скульпторам и заказать им составление моделей. Назывались фамилии В. А. Беклемишева и М. А. Чиждова. В феврале 1901 года проект был заказан М. А. Чиждову, известному своими скульптурными изображениями Александра II (на конкурсах в Москве и многочисленных бюстов императора), Екатерины II (памятник в Петербурге, Ирбите, Нахичевани-на-Дону, третья премия на конкурсе для Симферополя), Николая I в Киеве и другими произведениями. Скульптор должен был создать такое образное решение, которое было бы величественно и в то же время исполнимо за счет собранных средств. Согласно представленной пояснительной записке бронзовая фигура Александра II высотой 6 аршин устанавливалась на гранитный пьедестал, украшенный с лицевой стороны бронзовыми надписями, а с обратной — бронзовыми же гербами России и петербургского дворянства¹⁴. Проект был найден не соответствующим условиям и признан только как «основание к последующим указаниям»¹⁵.

Организаторы создания памятника вновь пришли к пониманию того факта, что одной из причин неудачи в поиске образного решения монумента было отсутствие ясной программы. «...Задача художника, при разработке подобного проекта, крайне усложняется отсутствием тех указаний, относительно общего характера как самого памятника, так и главнейших придаточных частей, которые служили бы автору проекта руководящей нитью при наброске эскиза, тем более, что определенные указания, касающиеся как места, так и основных составных элементов памятника, до некоторой степени должны выяснять вопрос возможности сооружения его при затрате около 200 тыс. рублей. Так, например, богатые украшения пьедестала, дополнительные фигуры, барельефы, окружающие памятник сооружения и т.п. — очевидно, при имеющейся налицо суммы, неосуществимы и в случае признания их необходимыми, вызвали бы вопрос относительно источника увеличения собранных по настоящее время на сооружение памятника средств»¹⁶.

В 1901 году было решено объединить усилия столичного дворянства, Городской думы и просить правительство об объявлении всероссийской подписки для открытия памятника к 19 февраля 1911 года в честь 50-летия Освобождения крестьян. В декабре

1901 года из средств Городской думы на эти цели было ассигновано 100 тысяч рублей. Новый комитет по сооружению памятника был образован по воле Николая II под председательством великого князя Владимира Александровича 16 февраля 1902 года. Он был образован по «ведомственному» принципу и состоял из представителей разных учреждений: товарища министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского, вице-президента Академии художеств графа И. И. Толстого, петербургского градоначальника, предводителя и двух представителей от петербургского дворянства, городского головы и двух представителей от Городской думы (гласные П. П. Дурново и И. С. Крючков), а также художников, архитекторов и других лиц по приглашению его августейшего председателя¹⁷.

Первое заседание комитета состоялось лишь 8 марта 1908 года во дворце великого князя Владимира Александровича. К этому времени комитет по созданию памятника располагал суммой в 250 тысяч рублей¹⁸. В 1909 году его возглавил великий князь Андрей Владимирович, и был наконец объявлен новый конкурс на проект памятника. Условиями предусматривалось три премии: первая — 2 тысячи рублей, вторая — 1,5 тысячи рублей и третья — 1 тысяча рублей.

Выставка проектов памятника императору Александру II. Конкурс 1910 г. Манеж Мраморного дворца. 1910. ЦГАКФФД. Публикуется впервые

Срок представления проектов был назначен 20 марта 1910 года, а сооружение памятника предполагалось завершить к 1 марта 1911 года — годовщине гибели императора. В 1910 году началась подготовка к строительству, в частности, были исследованы грунты на месте сооружения монумента¹⁹.

К установленному сроку, в марте 1910 года, почти 50 конкурсных моде-

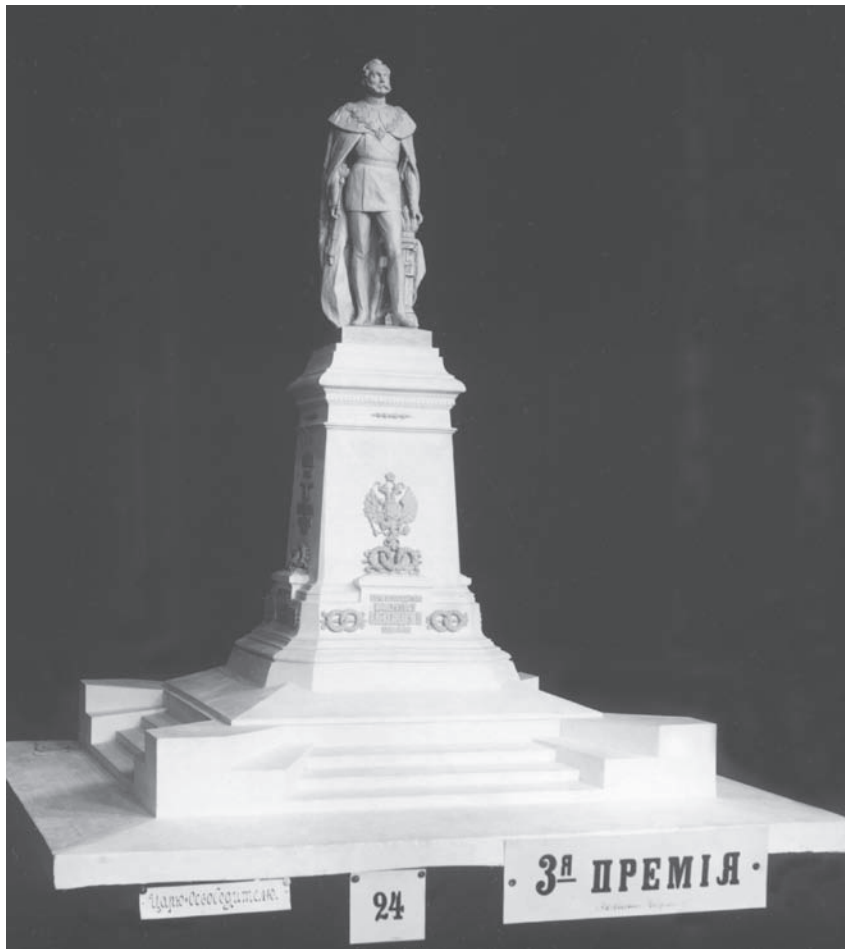
лей были выставлены в просторном здании манежа Мраморного дворца. Конкурсный комитет под председательством великого князя Андрея Владимировича остановил свой выбор на проектах Р. Р. Баха (девиз «Жить для веков в величии народном», первая премия), П. П. Лаврова (девиз «Комета», вторая премия) и М. А. Чижова (девиз «Царю-Освободителю», третья

Р. Р. Бах. Проект памятника Александру II. I премия. 1910. ЦГАКФФД. Публикуется впервые

П. П. Лавров. Проект памятника Александру II. II премия. 1910. ЦГАКФФД. Публикуется впервые

М. А. Чижов. Проект памятника Александру II. III премия. 1910. ЦГАКФФД. Публикуется впервые

премия). В начале апреля в течение недели конкурсные модели могли осмотреть все желающие²⁰. Решения об исполнении проекта не последовало, и комитет возложил окончательное рассмотрение вопроса на Академию художеств. «Академия, по рассмотрении упомянутых проектов, большинством 19 против 3 голосов нашла, что премии присуждены комитетом правильно, но единогласно признала, что ни один из премированных проектов не может быть принят к исполнению в представленном на конкурсе виде»²¹.

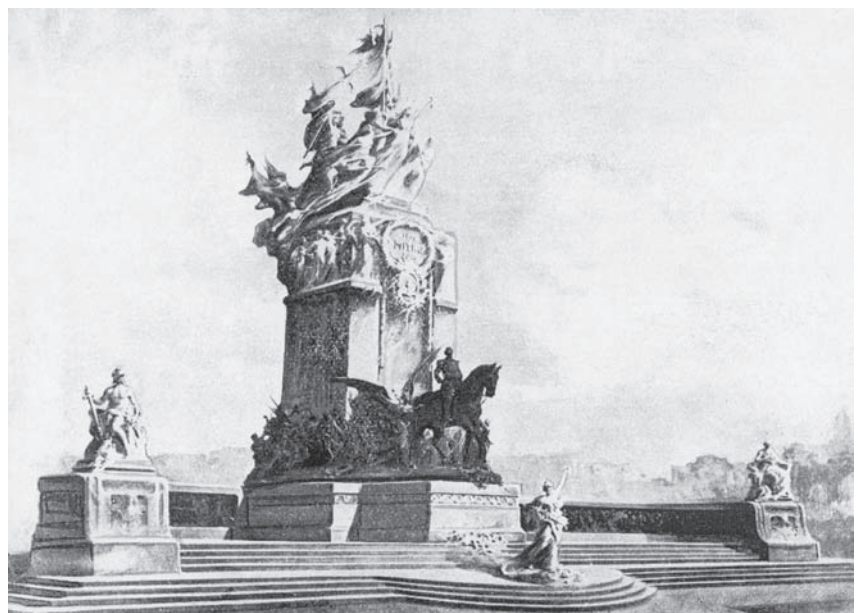
Рассуждая о причинах неудач конкурса, Г. К. Лукомский высказал мысль об упадке монументального искусства в Европе. Относительно замысла памятника перед Михайловским дворцом он писал: «Восхваление путем постановки статуй утратило всякий смысл». Свою мысль он обосновывал тезисом об упадке монументального творчества не только в России, но и в других странах Европы — Германии, Италии и Франции. «И если так обстоит дело во Франции, что же удивляться печальному его положе-

нию у нас», — восклицал критик. В России, по его словам, «не оказалось ни одного мастера», который смог бы создать произведение, достойное ук-

ращения столицы и выгодно отличавшееся от представленных на «гипсовом кладбище», как он назвал выставку в Манеже²². Критик был прав лишь отчасти. Если во Франции действительно памятники монархам не ставились, то Италия и особенно Германия переживали настоящий расцвет этого жанра монументальной скульптуры. В Германии, к примеру, в конце XIX — начале XX века было поставлено около 300 памятников императорам и государственным деятелям. Будучи созданы талантливыми мастерами, многие из них представляли собой подлинные произведения монументального искусства.

В России из знаменитой плеяды мастеров скульптуры старшего поколения, создававших образы царя-освободителя в 1880–1890-х годах, в 1900–1910-е годы продолжали создавать прекрасные статуи А. М. Опекушин, М. А. Чижов, П. П. Забелло, Г. Р. Залеман и другие. Появилось и новое поколение талантливых скульпторов, таких, как Р. Р. Бах, С. М. Волнухин, П. Трубецкой, Л. А. Бернштам, В. В. Лишев и многие другие.

Для расширения числа участников и приглашения наряду с русскими иностранных подданных 26 марта 1911 года был объявлен международный конкурс, ставший заключительным в длинной череде конкурсов и заказных проектов на памятник Александру II для Санкт-Петербурга. «Нужно надеяться, что на этот раз художники, скульпторы и архитекторы объединят свои творческие силы и

А. Кэроль. Проект памятника генералу Б. Митре для Буэнос-Айреса. 1900-е гг.

создадут истинно художественное произведение, могущее действительно увековечить в глазах будущих поколений достойным образом память императора Александра II и вместе с тем служить выдающимся украшением столицы». Эти слова были обращены к участникам конкурса от лица организаторов²³. Условия конкурса были опубликованы во всех ведущих европейских газетах. Ожидания оправдались, если принять во внимание количество представленных проектов — вдвое больше, чем годом раньше.

П. Трубецкой. Проект памятника императору Александру II в Санкт-Петербурге. 1910.

Конкурс проводился по двум разделам: скульптурные модели и «архитектурные проекты» (которые не сопровождались гипсовыми моделями). Из 93 скульптурных моделей жюри отобрало пять, которые были премированы. Первая премия в размере 5 тысяч рублей была присуждена Raffaello Romanelli из Флоренции, вторая — 4 тысячи рублей — флорентийцу Clemente Origo. Третью премию — 3 тысячи рублей — получили авторы из Будапешта Bela Marcip и Victor Krenner. Четвертой премии в сумме 2 тысячи рублей был удостоен коллектив петербургских авторов: архитектор Л. Сологуб, скульпторы И. Лавров и В. Лишев. Пяту премию — 1 тысячу рублей — получили жившие в Париже Л. А. Бернштам и А. Гильбер²⁴. По условиям конкурса его лауреат, удостоенный первой премии, получал право на осуществление своего замысла. Но договор с Р. Романелли²⁵ на создание памятника был заключен только спустя 3 года, о чем было опубликовано официальное сообщение: «24-го июня Его Императорское Величество Высочайше повелел соизволить заказать памятник импе-

А. Кэрль – А. Сервето. Проект памятника императору Александру II в Санкт-Петербурге. I премия. Конкурс «архитектурных» проектов. 1911. Публикуется впервые

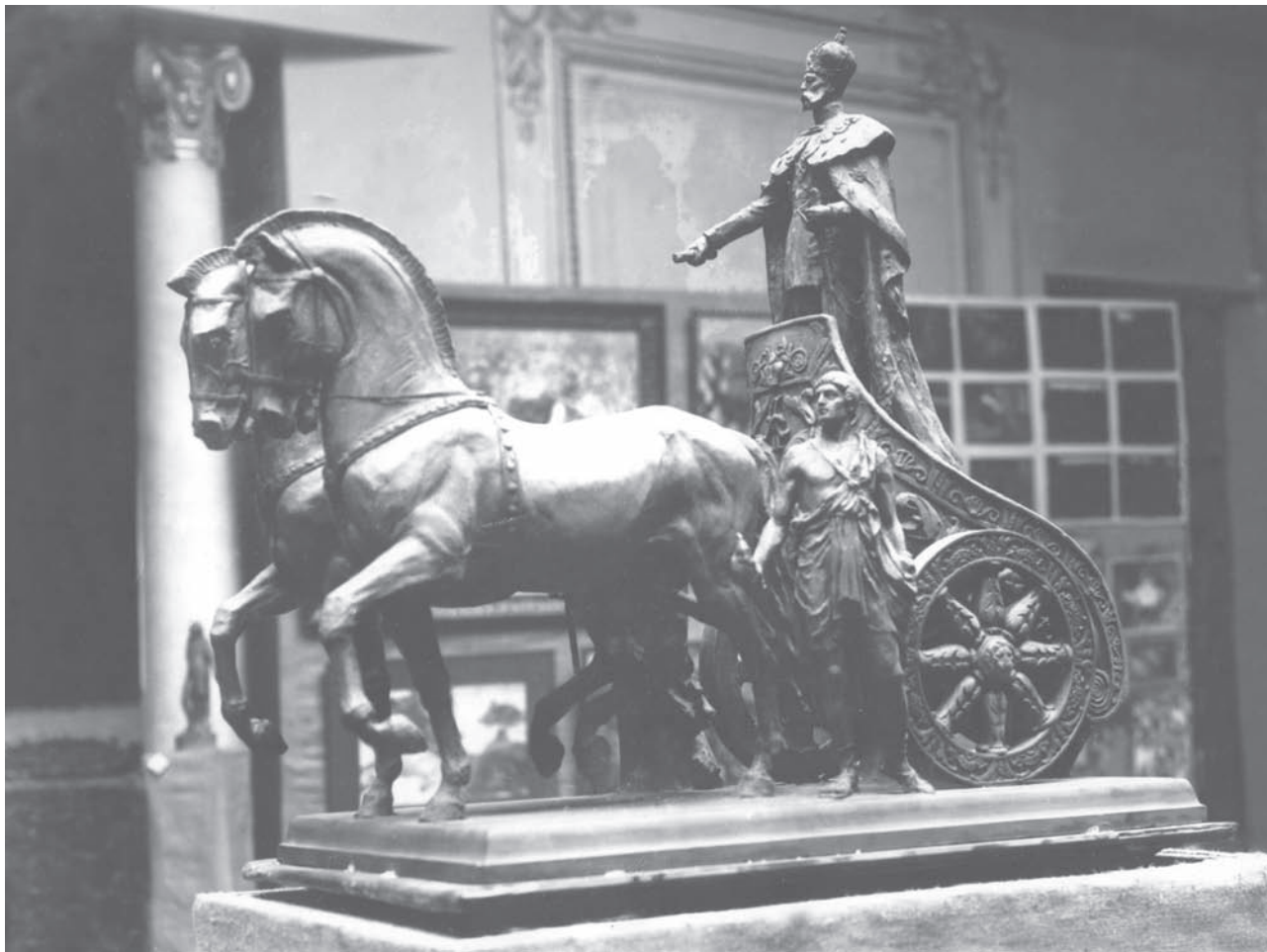
ратуру Александру II в Санкт-Петербурге скульптору профессору Рафаелло Романелли из Флоренции, получившему первую премию на международном конкурсе моделей на этот памятник в 1911 году. Профессор Романелли — автор некоторых памятников в Италии: Карла-Альберта, Гарибальди в Сиене и Перуцци во Флоренции с превосходными фигурами и рельефами, его же работы — знаменитый надгробный памятник Донателло в церкви «Сан-Лоренцо» во Флоренции»²⁶. Постановке памятни-

ка воспрепятствовала Первая мировая война. Проект так и остался неосуществленным.

Другой раздел конкурса представляли «архитектурные» (графические) проекты, не сопровождаемые скульптурными моделями. Среди 24 представленных работ первой премии в размере 750 рублей был удостоен проект Antonio Cerveto (А. Сервето) из Мадрида, вторую, 500 рублей, — получил Constant Bernard из Парижа, а третья, 250 рублей, досталась итальянцу Saverio

Михайловская площадь, где должен был стоять памятник императору Александру II. Фото начала XX в.

Проект памятника императору Александру II. (Девиз «Прекрасное России упованье»). 1911. ЦГАКФФД. Публикуется впервые

Aloguardi²⁷. Из трех проектов, премированных в столице России в начале XX века, безусловного внимания заслуживает тот, которому была присуждена первая премия. Несмотря на то, что победа в этом чисто «архитектурном» конкурсе не предполагала осуществления проекта, она все же свидетельствовала о признании художественных достижений испанской скульптуры в России и представляла собой редкий пример участия испанских скульпторов в художественной жизни Санкт-Петербурга. Для испанской монументальной скульптуры начала XX века этот пример вместе с высокой оценкой жюри не был случайностью, а скорее представлял собой отражение общеевропейской и даже мировой закономерности: испанские скульпторы, наряду с итальянцами, в начале века все чаще заявляли о себе на международных конкурсах, особенно в Латинской Америке.

Для художественного мира России, где испанское присутствие было представлено не столь полно, как в

других европейских странах, это был один из наиболее ярких примеров растущего влияния скульптурной школы этой страны. За подписью автора проекта художника А. Сервето²⁸ скрывалось сообщество последователей известнейшего испанского скульптора А. Кэроля (1863–1909)²⁹, которого многие критики справедливо называли самым значительным ваятелем Испании конца XIX — начала XX века. В 1910 году его ученики и последователи во главе с А. Сервето решили почтить память учителя представлением на международные конкурсы проектов, созданных мастером. Для петербургского конкурса была выбрана композиция, ранее использованная в эскизе памятника генералу Б. Митре³⁰ для Буэнос-Айреса. В идею А. Кэроля был внесен ряд изменений, не затронувших, впрочем, удачно найденной общей композиции монумента. Место, предназначенное для имени генерала в обрамлении триумфальных гирлянд, занял двуглавый государственный орел. Изменил-

ся характер статуй, фланкировавших композицию, а также живописной группы солдат, служивших фоном для конной статуи императора, ведущего свой народ к победе. Было упрощено венчание композиции, где авторы отказались от ненужных для новой задачи барельефов. Более детально была проработана группа «знаменосцев» во главе со скульптурной фигурой «Славы», придававшей проекту сложный и живописный силуэт, который мог бы хорошо читаться на фоне «большого» и открытого петербургского неба. В представленном на конкурс проекте А. Сервето—А. Кэроля было тонко найдено соотношение необабоченной, характерной для проектов испанской школы, и неоклассической стилистики, отвечавшей облику Санкт-Петербурга. Удачно выстроенная композиция проекта получила достойную оценку опытного жюри, присудившего ему первую премию в своем разделе. Большие размеры архитектурного ансамбля Михайловской площади позволяли превратить

памятник в столь необходимую ей доминанту, а северная столица могла обогатиться произведением редкой для Санкт-Петербурга испанской школы, представленной одним из ее лучших образцов.

Критика была вновь не удовлетворена итогами конкурса. Премированные работы ею отвергались, и из всего многообразия выставленных проектов выделялся единственный достойный: «Пожалуй, единственный и, разумеется, не премированный проект под девизом “Прекрасное России упованье”, хорошо выполненный, выделяется и цельностью, и царственным величием, и согласованностью со стилем Михай-

ловского дворца: среди огромной площади, окруженной оградой со львами при входах, на хорошем по пропорциям и хорошо выработанном пьедестале колесница, запряженная парой могучих коней. Торжественность не нарушается не идущей к общему стилю, стоящей в колеснице фигурой императора в короне и порфире»³¹.

История конкурса на создание памятника императору Александру II для Санкт-Петербурга представляет собой интереснейшее явление в художественной жизни города конца XIX — начала XX века. Как видно из этого краткого очерка, представляющего лишь незначительную часть

неоткрытого пока материала, его изучение позволит в будущем ответить на многие вопросы истории отечественной скульптуры.

Наиболее известным памятником императору Александру II в Санкт-Петербурге является храм Воскресения Христова на Екатерининском канале. Наряду с этим самого глубокого уважения и признательности заслуживает благородная инициатива горожан по установке в центре столицы скульптурного монумента царю-освободителю. Благодаря их начинанию в истории русской скульптуры имеется интересная, но пока еще до конца не прочитанная глава.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 21. Д. 121. Дело Канцелярии Санкт-Петербургского предводителя дворянства. О разработке проекта памятника в Бозе почившему государю императору Александру II.

М. О. Микешин (1835—1896) был хорошо известен как автор трех знаменитых памятников — Тысячелетию России в Новгороде (1862), Екатерине II в Петербурге (1873) и Ирбите (1883) и многих других произведений. По проекту А. М. Опекушина (1838—1923) были установлены памятники Александру II в Астрахани (1884), Кишиневе (1886) и Пскове (1886). М. А. Чижов (1838—1916) был известен созданием фигуры Екатерины II для ее петербургского памятника, бюста Александра II для петербургской биржи (впоследствии много репродуцированного). Он завоевал первую премию на московском конкурсе памятника Александру II (1884, вместе с П. П. Забелло) и третью премию на памятник Екатерине II в Симферополе. И. Н. Шредеру (1835—1908) принадлежал памятник Петру I в Петрозаводске (1873) и лучшее, по словам современников, для своих лет скульптурное изображение Александра II в памятнике для Петрозаводска (1885).

² П. П. Забелло (1830—1917) создал памятник Александру II в столичном здании Судебных учреждений (1883), киевском имении генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова (1885) и получил первую премию в конкурсе на памятник Александру II в Московском Кремле (1884, вместе с М. А. Чижовым).

³ Худож. новости. 1886. Т. IV. № 10. Стб. 308; Там же. № 16. Стб. 457; Там же. № 18. Стб. 498. Ефремова Н. Н. Памятники Александру II в Петербурге // Музеи России: Поиски, исследования, опыт работы: Сб. тр. / Отв. ред. Г. П. Бутиков. СПб., 1998. Вып. 4. С. 197—198.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 21. Д. 121. Л. 118.

⁵ Худож. новости. 1889. Т. VII. № 18. Стб. 108.

⁶ М. М. Антокольским (1842—1902) к этому времени была создана знаменитая статуя Петра Первого (1873), конкурсный проект памятника Александру II для Московского Кремля (1884—1885), проект статуи Екатерины II для памятника в Москве (1888) и другие проекты.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 21. Д. 121. Л. 81, 88—88 об.

⁸ Там же. Л. 89—90.

⁹ Там же. Л. 93, 119.

¹⁰ Там же. Л. 109, 119—119 об.

¹¹ Там же. Л. 101—102.

¹² Там же. Л. 93 об.

¹³ Там же. Л. 129.

¹⁴ Там же. Л. 135.

¹⁵ Там же. Л. 131—132.

¹⁶ Там же. Л. 131.

¹⁷ Там же. Л. 138—156.

¹⁸ Там же. Л. 174, 177.

¹⁹ Зодчий. 1909. № 43. С. 423; № 52. С. 548.

²⁰ Зодчий. 1910. № 14. С. 153; № 17. С. 185. Г. И. Конькова ошибочно атрибутировала модель, которой было присуждено второе место, как произведение М. А. Чижова. (Г. И. Конькова. Проекты памятников императору Александру II в собрании Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств // Музеи России: Поиски, исследования, опыт работы: Сб. тр. СПб., 1998. Вып. 4. С. 218—221). На самом деле эта конная статуя, занявшая второе место, принадлежала П. П. [И. И.?] Лаврову, а М. А. Чижов представил фигуру императора на пьедестале (третье место). На фотографии проекта М. А. Чижова (ЦГАКФФД) хорошо виден девиз «Царю-Освободителю» и надпись «3-я премия». При более детальном рассмотрении читается надпись: «Академик Чижов».

²¹ Зодчий. 1910. № 18. С. 203.

²² Зодчий. 1910. № 26. С. 280.

²³ Зодчий. 1910. № 18. С. 203.

²⁴ Зодчий. 1911. № 51. С. 542.

²⁵ Р. Романелли (1856—1928) — флорентийский скульптор. Учился у отца Паскуале Романелли (1812—1887), во Флорентийской Академии художеств, а затем в Риме. Участвовал в многочисленных конкурсах. Создавал произведения для Америки, Англии, Австрии, Румынии и на Кубе. В Италии ему принадлежат памятники королю Карлу Альберту в Риме, Гарибальди в Сиене и многие другие. В России по проекту Р. Романелли был поставлен памятник Демидову в Киеве.

²⁶ Правительственный вестник. 1914. № 141. 28.06. (11.07). Хроника. С. 3.

²⁷ Зодчий. 1911. № 51. С. 542.

²⁸ Антонио Сервето и Рива (1876—1938) — испанский (каталонский) художник. Учился у своего отца скульптора Рамона Сервето (1828—1906), который прославился благодаря созданию многочисленных скульптурных композиций по заказу католической церкви. Учился в школе Лонхи (Академии художеств) Барселона. Среди его живописных работ преобладали религиозные композиции для храмов Каталонии. Сотрудничал со многими издательствами, создавая иллюстрации книг и журналов.

²⁹ Аугустин Кэроль (1863—1909) — испанский скульптор. Учился у Р. Сервето, а затем в Барселоне. Стажировался в Риме (1883). Завоевал премии по скульптуре в Мадриде (1887, 1895), Барселоне (1888), Париже (1889), Мюнхене (1891), Чикаго (1893) и Вене (1894). Создает памятники во многих испанских городах, а также в Гаване, Маниле, Лиме, Паране, Монтевидео и других городах. Участвует во многих международных конкурсах. По его проектам создается скульптурное убранство Национальной библиотеки и других зданий в Мадриде и Барселоне.

³⁰ Б. Митре (1821—1906) — президент Аргентины (1862—1868), государственный и политический деятель, историк и переводчик.

³¹ Ростиславов А. А. Петербург. Художественная жизнь. Выставки и художественные дела // Аполлон. 1911. № 10. Дек. С. 297—298.

Бывшая лютеранская церковь Святой Анны

С. В. Шатуновский, С. В. Коновалова

До последнего времени мы могли любоваться замечательным шедевром архитектуры — зданием бывшей Лютеранской церкви Святой Анны, возведенной в 1775–1779 годах по проекту известного архитектора Юрия Матвеевича Фельтена.

Необычайно насыщены судьба и творчество мастера, познавшего стремительный взлет и жестокое падение. Георг Фридрих Фельтен, или, соответственно русскому варианту, Юрий Матвеевич Фельтен родился, в 1730 году. Отец его Матиас Фельтен в 1725 году был назначен экономом при только что созданной Санкт-Петербургской академии наук. Мальчик окончил гимназию при академии и был достаточно подготовленным для того, чтобы в возрасте 13 лет отправиться в Тюбингенский университет изучать математические и физические науки. Вернувшись в Петербург и следуя своей страсти к архитектуре, Фельтен прошел курс обучения в Российской императорской академии художеств и поступил на службу к великому Растрелли одним из его помощников (чертежником). В то время обер-архитектор начал возводить Зимний дворец, и на этой постройке Фельтен быстро завоевал авторитет — через 5 лет (в 1860 году, после отъезда Растрелли) он стал главным архитектором Канцелярии от строений, которая в тот период в основном занималась строительством дворцового ведомства. Выйдя в отставку в 1784 году, Фельтен всецело отдался преподавательской деятельности в академии художеств и даже был ее директором на протяжении 5 лет. Однако в 1894 году он был уволен из Академии без славы и почета. Просьба его о награждении была отклонена. Умер Ю. М. Фельтен в 1801 году.

Несомненно, Фельтен был выдающейся личностью своего времени. По его проектам был построен Старый Эрмитаж, продолживший ряд великолепных дворцов вдоль Невы, хранящих императорские художественные коллекции, и перекинута крытая галерея над Зимней канавкой. В 1762 году Екатерина II поручила зодчему составление проекта облицовки

Бывшая лютеранская церковь Святой Анны.
Современная фотография

гранитом левого берега Невы. Работы по устройству набережной продолжались 20 лет. Заключительным аккордом этой поистине царственной затеи явилась несравненная решетка Летнего сада. Набережная Невы и решетка Летнего казались современникам настоящим чудом и вызвали восторженные отзывы. Блестящая победа русского флота над турками в 1770 году определила содержание и своеобразный облик нескольких сооружений Фельтена, известнейшие из которых — Чесменский дворец и церковь при нем.

Наибольшую популярность Фельтен приобрел своими церковными сооружениями, создав совершенно новый в Петербурге тип церкви — небольшую, изящную постройку, увенчанную одним куполом. До наших дней сохранились: церковь св. Екатерины (В.О., Большой пр., 8), Армяно-грегорянская (Невский пр., 40–42), церковь пророка Иоанна Предтечи на Каменноостровском проспекте и бывшая Лютеранская церковь Святой Анны (Кирочная ул., 8).

Обычно церкви Фельтена вписывались в уже существовавшую застройку Петербурга. Анненская же цер-

ковь строилась на открытой площадке, что предполагало возможность кругового обзора. Обилие пластических элементов в виде колонн, балюстрады, богато профилированных наличников окон придали этой культовой постройке удивительную праздничность, легкость, элегантность. Особенно наряден главный — восточный фасад, выходящий на Фурштатскую улицу — полуротонда с изящными колоннами и легким куполом. Не менее изящным был интерьер церкви — вдоль стен шли ряды ионических колонн.

В 1939 году по проекту архитектора А. И. Гегелло здание бывшей Лютеранской церкви Святой Анны было приспособлено под кинотеатр. Реконструкция коснулась только интерьера — внешний облик здания был сохранен. При упоминании названия «Спартак» у питерцев на лице появляется почтительно-уважительное выражение. В этом кинотеатре показывали исключительно редкие, странные, старые, культовые фильмы, проводили кинофестивали.

С 1990-х годов в здании соседствовали церковь (с 1992 года были возобновлены богослужения), кинотеатр и ночной клуб. До пожара активно обсуждались планы передачи здания лютеранской церкви (инициатива генерального консульства Германии в Санкт-Петербурге). Пожар слизал огненным языком и скандалы, и былую славу.

Сообщение о возгорании поступило на пульт дежурного «01» около 4 утра 6 декабря 2002 года. Пожару был присвоен 3-й, повышенный, уровень сложности. Огонь перекинулся на кровлю, произошло ее обрушение. Значительно пострадал купол церкви. Полностью выгорел зрительный зал. В борьбе с огнем участвовали 24 единицы спецтехники, работали 120 человек, пожар тушили из 17 водных стволов.

Дальнейшая судьба замечательного памятника архитектуры пока неизвестна. Пленительное творение Ю. Фельтена, доставшееся нам в наследие от золотого века русской архитектуры, обязательно должно быть восстановлено.

Черноморские казаки на Невском проспекте

А. И. Федина

С Санкт-Петербургом связаны жизни очень многих черноморских казаков. Здесь они учились в Лесном институте, а после возвращения домой украшали Кубань лесами, садами, парками.

После окончания Императорской капеллы создавали на родине хоровые и оркестровые коллективы, а под музыку и с песней они не только работали, строили, но и шли в бой и возвращались с победами.

Получив профессию инженеров, они строили в Черномории мосты, дороги, укрепления, железнодорожные пути.

Выучившись в Горном институте, они открывали на Кавказе новые месторождения, добывали полезные ископаемые, столь необходимые для развития промышленности края.

Став мастерами в архитектурном деле, они украшали столицу края, Екатеринодар, и всю Черноморию церквями, учебными заведениями и другими общественными и гражданскими зданиями. А наиболее яркие таланты из казачества вышли на большую орбиту, оставив свои архитектурные творения во многих городах Российской империи.

После Санкт-Петербурга их ждали повышения по службе — Я. Г. Кухаренко стал атаманом Ейского отдела, а затем и Черноморского казачьего войска. После окончания военной Академии Генерального штаба Г. И. Филипсон служил в штабе войск Кавказской линии и Черномории, затем был начальником этого штаба, а с 1855 года — наказным атаманом.

Служа в лейб-гвардии Казачьем дивизионе в Петербурге, они старались и своим детям дать образование в этой культурной столице. Так, четыре дочери генерала А. Виташевского окончили Павловский институт благородных девиц.

Черноморцы К. Российский, Я. Кухаренко, И. Попко и многие другие посылали свои литературные творения в столицу, где они были напечатаны в журналах «Основа», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Журнал Императорского человеколюбивого общества», «Военный сборник», «Русский архив» и других. Благодаря

этим публикациям о далекой Черномории, казаках, их жизни, традициях узнавали не только жители столицы, но и других городов нашей страны.

Первый кубанский писатель Я. Г. Кухаренко, он же атаман, генерал-майор, в Петербурге бывал неоднократно. Согласно архивным источникам, первая известная нам поездка тогда еще подполковника Я. Г. Кухаренко была в январе 1841 года. Он пробыл в столице около трех недель, что подтверждают «Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям». В Царском Селе, в Александровском кадетском малолетнем корпусе учился недавно отвезенный туда его старший сын Степан. Конечно же семилетний мальчик еще не адаптировался к новым условиям, скучал, потому отец, находившийся в командировке в Москве, постарался как можно быстрее справиться с делами, чтобы проведать сына. Именно в ту поездку он познакомился с Т. Г. Шевченко, что подтверждал Тарас Григорьевич в письме от 1 апреля 1854 года: «Я вот сию и года считаю и досчитался до того года, когда мы впервые с тобой увиделись. Угадай, много ли я насчитал? Немного не достаёт до 14, коли не вру». Сохранившаяся переписка этих двух людей подтверждает их нежную искреннюю дружбу.

Здесь жил И. Черник.
Канал Грибоедова, 10

Правое крыло Главного штаба.
Невский, 2. Арх. И. Черник

Вторая поездка относится к 1842 году, на сей раз он пробыл в столице три месяца — с конца мая до конца августа. Тогда он отвезил в тот же корпус второго сына, шестилетнего Александра. В ту поездку с Кухаренко ездили его жена Мария Степановна и семилетняя дочь Ганна, покоровшая Шевченко своей песней «Тече ричка невеличка з вишневого саду». Девочку поэт будет вспоминать в одном из писем из далекой ссылки через 12 лет.

В 1851 году Я. Г. Кухаренко был послан в Петербург членом Общего присутствия в Департамент военных поселений, где прослужил полгода до своего назначения наказным атаманом Азовского казачьего войска в декабре того же года.

Через 10 лет он приезжал незадолго до своей гибели в Петербург в последний раз, на сей раз по распоряжению военного министра, и прослужил там пять месяцев.

Во время всех этих поездок он встречался с историком Н. Костомаровым, с которым был знаком еще в 30-е годы в Харькове, с оперным певцом и композитором С. Гулак-Артемовским, священником С. Опатовичем и другими интересными людьми. Будучи неординарной личностью, он

Казармы Конногвардейского полка. Арх. И. Черник

общался с великими на равных, с ним советовались, к нему прислушивались. Эти встречи, обогащавшие его, прошли через всю его жизнь, как и многолетняя дружба с великим актером М. С. Щепкиным. Удалось установить некоторые адреса гостиниц и частных домов, в которых останавливался Яков Герасимович в Петербурге: на Васильевском острове, Литейном проспекте, канале Грибоедова.

В Петербурге учились его сыновья, ставшие храбрыми офицерами, дослужившиеся до генеральских чинов, много сделавшие для родной Кубани. В лейб-гвардии Царском конвое 20 лет прослужил его третий сын – ротмистр Николай Кухаренко. Будучи замужем за А. Лыковым, жила некоторое время в Петербурге с семьей старшая дочь Кухаренко – Ганна.

Во время всех своих многократных поездок в северную столицу Яков Герасимович наверняка встречался со своим земляком, жившим там постоянно с 40-х годов, знаменитым архитектором Иваном Черником.

Приехав в 1829 году на учебу в Академию художеств от Черноморского войска, 18-летний юноша полюбил Петербург так сильно, что остался в нем навсегда. После окончания академии с золотой медалью он стажировался несколько лет за границей – в Италии, Германии, Франции, Англии, изучая там лучшие образцы произведений великих мастеров живописи и архитектуры. В 24 года он стал академиком архитектуры, а в 30 лет – профессором академии. Он украсил Петербург многими зданиями: перестроил в 1845–1846 годах дом Вольного эко-

номического общества на Невском проспекте, 2, корпуса казармы Конногвардейского полка на Конногвардейском бульваре и Почтамтской улице, монументальный офицерский на Большой Морской улице, 67, в стиле традиций русского классицизма.

Архитектор И. Черник оставил множество построек в различных городах: гостиницу Кокорева в Москве (ныне здание по Софийской набережной, 34), десятки дач в окрестностях Петербурга, несколько церквей в Сибири, собор в Новочеркасске, многие здания в Саратове, Ярославле, Нижнем Новгороде, Вильно, Варшаве и других городах. Воспетый в песне неразводящийся Поцелуев мост – тоже его работа. Задумывался мост с раз-

махом: его должны были украсить памятник Петру I, конные статуи Александра I, Николая I, фельдмаршалов. Неизвестно, по какой причине вместо грандиозного сооружения получился в итоге скромный мостик. Вероятно, по финансовой. Когда И. Черник в Италии показал папе римскому свой проект триумфальных ворот с пантеоном русских городов, тот воскликнул: «В России, вероятно, очень много денег, если могут предприниматься подобные сооружения».

Умер Иван Денисович Черник 27 мая 1874 года, 63 лет, в Петербурге, похоронен на Новодевичьем кладбище. На могиле установлен беломраморный саркофаг, созданный итальянским скульптором Доменико Карли. К сожалению, накладная доска с фамилией утрачена. Посетители кладбища, проходя мимо этого саркофага, не подозревают, что здесь спит талантливый сын земли кубанской, оставивший после себя замечательный след в архитектуре.

Иной была судьба его брата – Елисея Черника, который во время занятий в Академии художеств тоже учился на лучших образцах того времени – творениях Д. Кваренги, В. Растрелли, Д. Трезини, А. Захарова, А. Воронихина и строившегося на его глазах Исаакиевского собора О. Монферрана. Вернувшись в Черноморию, все знания и талант вложил в постройку, украсившие родной край: Мариинское женское училище, Войсковой собор, Всесвятскую церковь в Екатеринодаре, которые, к сожалению, не выдержали натиска исторических бурь.

Невозможно представить черноморского казака без песни, музыки,

Новодевичье кладбище Санкт-Петербурга. Могила арх. И. Черника и его жены. С обратной стороны саркофага – портрет жены

которые были неотъемлемой частью его жизни: с песней казаки работали в поле, ходили в походы, отмечали все праздники. Едва переселившись на Кубань в 1792 году, казаки вскоре (в 1810 году) создали в Екатеринодаре хор¹. Однако с хормейстерами не везло — они часто менялись, не выдерживая нездорового климата. И войско пришлось к выводу — нужны свои творческие работники.

Священник Эрастов отобрал из хора двух способных юношей с хорошими голосами (бас и тенор), которые были отправлены в Императорскую придворную певческую капеллу за счет войсковых сумм. Это были урядник Моисей Варфоломеевич Терпилец из Елизаветинской станицы и Митрофан Никитич Бибик из Переясловской станицы. В РГИА хранится «Дело о присланных для приготовления в регенты урядника Терпилца и казака Митрофана Бибика», из которого явствует, что в начале 1858 года юноши приступили к занятиям².

Ученикам были куплены две скрипки со смычками на 35 рублей, струн на 10 рублей, книги по теории музыки, камертоны, канифоль для смычков. Программа была рассчитана на три года: 1-й год — обучение нотной грамоте, молитвам, 2-й год — гаммы, сольфеджио, интервалы, 3-й — упражнения поголосно с хором церковного пения и повторение духовных сочинений. От поступивших требовалось знание наизусть всех молитв, которые поют в церкви во время литургии, панихиды, Воскресения Христова, благодарственного молебна, всенощного бдения, воскресных тропарей и т.д.³

Черноморцы оказались способными, потому учились вместо трех два года. Кроме учебы учащиеся Капеллы давали концерты в пользу вдов и сирот, инвалидов; по случаю закладки церквей, дворцов на дачах великих князей в Петергофе, Царском Селе, в Санкт-Петербурге, что было хорошей практикой. Объявления о концертах помещались в «Северной пчеле», «Русском инвалиде» и других печатных изданиях того времени. В программах концертов были произведения Бетховена, Мендельсона, Вебера, Бартольди. Музыкальная жизнь в столице, судя по газетам, была ключом, что было очень кстати для провинциалов. В Мариинском театре шла опера Верди «Трубадур», в Большом — оперы Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», «Севильский цирюльник» Россини, «Фауст» Гуно и другие. Можно предположить, что Санкт-Петербург сформировал вкус будущих хормей-

Портрет И. Черника на его саркофаге

стеров на лучших классических бессмертных творениях.

8 июля 1859 года М. Терпилец получил аттестат за № 247 об окончании Капеллы⁴. Такой же аттестат получил и М. Бибик.

По возвращении в Черноморие молодые специалисты с энергией взялись за дело. 2 ноября 1859 года М. Терпилец начал работать регентом войскового хора с окладом в 190 рублей, а его помощник М. Бибик получал 110 рублей в год. Несмотря на то что наряду с репетициями им приходилось заниматься и хозяйственными делами (шить мундиры и шаровары, покупать буквари и другие учебники для хористов, заказывать в Петербурге ноты, искать хористов во всех станицах Черноморья и т.д.), они подняли творческую активность хора на должную высоту. Так, генерал Л. И. Кусаков в июне 1860 года благодарил директора Капеллы Львова за выпускников: «С возвращением в Екатеринодар урядника Терпилца, обучавшегося церковному пению в Санкт-Петербурге у регента Придворной певческой капеллы, войсковой и певческий хор значительно улучшился в отношении метода пения»⁵. А как сообщил архивариус И. Кияшко, в сентябре 1861 года Александр II во время посещения Екатеринодара одобрил войсковой хор, найдя его «замечательным по голосам и стройности исполнения».

В том была несомненная заслуга выпускников М. Терпилца и М. Бибика, окончивших столичное учебное заведение. И вот еще одно впечатление от исполнительского мастерства певческого хора, оставленное нам бу-

дущим известным историком Ф. Шербиной. В 1861 году 12-летним мальчиком он приехал учиться в Екатеринодар и в первый же день попал в войсковой собор на церковную службу. «Все, что я видел и слышал в городе в течение этого дня, было несравнимо по силе и длительности тех впечатлений, какие оставил в моей памяти войсковой хор», — написал он позднее⁶.

Раньше кубанских хормейстеров выучился в Петербурге на горного инженера Гавриил Литевский. Черноморские казаки, понимая огромное значение горного промысла в развитии экономики края, посылали своих стипендиатов в старейшее учебное заведение — Горный институт, основанный в Санкт-Петербурге в 1774 году. В 1838 году туда был послан учиться горному делу сирота Литевский, окончивший Екатеринодарское уездное училище. 15-летний юноша отличался трудолюбием, учился успешно, так как надеяться ему было не на кого. В 24 года он был выпущен из стен института 471-м его выпускником⁷. После этого в течение двух лет он проходил практику на Уральских заводах, где еще больше развил свои познания в горном искусстве, после чего был переведен на службу в Черноморское войско.

Согласно сохранившимся архивным документам он исследовал Черноморские земли, найдя в них торфяники, а на дне реки Абин — валуны, состоявшие из яшмы, кварцита, сланцев; на правом берегу реки М. Зеленчук обнаружил запасы каменного угля, возле Тамани — нефтяные источники, а также в разных местах запасы соли, гипс, мергель, железную руду и другие полезные ископаемые. Найденный им раковинный известняк использовался как строительный материал для кладки и строительства домов, погребов, мостов, колодезь и прочих объектов. Обломки использовали для посыпания дворов, улиц, дорог, а обожженные камышом, они давали известь, столь дорогую в этом крае. Гипс использовался для побелки домов.

Наказной атаман Г. Рашпиль в рапорте командующему войсками на кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Н. Заводовскому отозвался о Литевском следующим образом: «...способный и усердный горный инженер, может постоянно оказывать полезные услуги как войску, так и государству, науке и промышленности»⁸.

Большой вклад горного инженера в освоение Кубани был отмечен в докладе Б. Городецкого «Кто и как изучал Кубанскую область» 10 февраля 1912 года: «Литевский дал подробное

описание месторождений нефти и обстоятельное исследование соляных озер». Г. Литевский был автором статей «Соляные промыслы в земле черноморских казаков» и «Об открытии озокерита на Кавказе», опубликованных в «Горном журнале» за 1853 год.

Талантливого горного инженера, неутомимого геолога, автора научных статей взрастила северная столица за 9 лет учебы и пребывания в ней. Все полученные там знания, весь свой опыт, пыл души своей он отдал Черноморью.

Не менее чем полезные ископаемые нужны были в строительном деле леса. В 1844 году Черноморское войско послало в Лесной институт двух воспитанников, «от образования которых войско ожидает первых опытов разведения лесов в этих обнаженных степях». К тому же при хорошем ведении лесное хозяйство могло быть источником доходов войсковой казны. Черноморец Василий Рубашевский учился в этом старейшем институте, основанном в 1803 году.

Он изучал специальные предметы: лесное хозяйство, форсттаксацию (учет леса, его материальная оценка, определение возраста, высоты деревьев и т.п.), форсттехнологию (обработка материала), ботанику теоретическую и практическую с применением к лесоводству, лесоводство, лесоохрану, егерское искусство, горо- и почвознание, орнитацию (наука о птицах), энтомологию (наука о насекомых) и другие науки. Судя по сохранившимся документам, в институте уделялось большое внимание нравственному воспитанию, привитию после веры важнейшего из всех нравственных чувств — чувства долга, почтения к родителям, любви к близким, уважения к старшим, благочестия и других качеств.

После окончания института и двухлетней практики в Лисинском и Лужском лесничествах он в 1856 году был произведен в прапорщики и послан в строевой состав Черноморского войска, а через два года стал заведовать всеми войсковыми лесами, проработав на этой должности более 20 лет. В его обязанности входили рубка леса для ухода и формирования насаждений, посадка и посев лесных культур, лесосъемки, пожароохрана, охрана от вредителей, отбор лучших пород для семян, исследование почв для тех или иных деревьев, очистка от сусняка, сбережение леса от хищений, отпуск и продажа леса на дрова и строительство, охрана дичи и т.п.

Он следил за тем, чтобы охоту начинали не ранее 6 августа, сохранял

лес от порубки, заботился об увеличении численности охраны и закрытию ненужных дорог, опахивал леса от пожара, обводил их вокруг канавами, вывозил вырубленные деревья, засохшие складывал в костры, сеял семена, производил рассадку молодых деревьев. Таков далеко не полный перечень дел лесничего. Работал он с увлечением, так как это было его любимым делом, прошел путь от прапорщика до есаула.

Так же, как и Василий Рубашевский, 12 замечательных лет провел в Петербурге, участь на отделении живописи в Академии художеств, черноморец Павел Шамрай. Он научился портретному искусству, приобрел знания, много увидел в большом городе. Под руководством профессора Бруни он участвовал в росписи Исаакиевского собора и соборной церкви в Екатеринодаре, как утверждает Шевченковский словарь⁹.

К сожалению, его живописные работы пока не выявлены. Это могут быть портреты его современников — атаманов, храбрых казаков, замечательных людей.

В Институте путей сообщения учились казаки Дмитрий Дейнега и Василий Сербин. В 1854 году окончили Главное инженерное училище Павел Бурсак и Прокофий Черник, которые благоустроивали свой город и край.

Поскольку женских учебных заведений на Кубани не было до середины 60-х годов XIX века, состоятельные казаки отвозили своих дочерей в Керченский, Одесский, Ставропольский и Петербургские институты. Так, в Павловском институте благородных девиц учились дочь есаула Мелания Лозинская, дочь войскового старшины Александра Орел, дочери генерала Виташевского Вера, Надежда, Екатерина, Ольга. В Воспитательном обществе благородных девиц учились Анна и Фекла Семенкины, в Елизаветинском училище — Вера Соломка, в Патриотическом институте — Ольга Чумаченко и многие другие. Они изучали закон Божий, российскую грамматику, арифметику, физику, историю, географию, иностранные языки, педагогику, дидактику, рукоделие, музыку, гимнастику.

Согласно архивным документам, хранящимся в Российском государственном историческом архиве, воспитанницам Санкт-Петербургских институтов благородных девиц показывали главные достопримечательности столицы: Исаакиевский собор, Эрмитаж, Императорскую публичную библиотеку, а также возили их на экскурсии в Царское Село, Петергоф и другие пригороды. Из девочек выходили образованные жены, хорошие матери, а в случае необходимости они становились домашними учительницами либо воспитательницами в учебных заведениях.

В Петербурге на Новодевичьем кладбище похоронены кубанский архитектор Иван Черник, генерал-майор Кубанского казачьего войска Г. Атарщиков, первый произведенный в генеральский чин по Кубанскому войску (1816–1885), автор интересных «Заметок старого кавказца», опубликованных в «Военном сборнике» за 1870 год. В Александро-Невской лавре похоронен черноморец Василий Золотаренко (1818–1872) — скромный учитель екатеринодарской гимназии, автор дневника, интересных писем, биографии первого кубанского просветителя К. Россинского и «Рассказа о Екатеринодаре, главного городе Черноморского казачьего войска».

Лучшие из казаков служили в лейб-гвардии Царском конвое: П. Касалап, А. Лавровский, С. Голуб, В. Шкурпатский и многие другие. Возвращаясь после службы в Черноморию, они были объектом зависти и восторга не только из-за красивой формы, но и потому, что служили в столице, видели царя и его семью и вообще многое повидали, выгодно отличаясь от своих собратьев, не видавших ничего, кроме своей станицы.

Таким образом, Петербург играл большую роль в жизни черноморцев: он готовил высоко профессиональных специалистов, формировал эстетический вкус на лучших творениях архитектуры, живописи, музыки, выпускал из стен учебных заведений полезных для общества людей, которые украсили край своим трудом и составляли элиту в провинции, слой интеллигенции, передовых людей своего времени.

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1176. Л. 2.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 499. Оп. 1. Д. 1065. Л. 1.

³ Там же. Д. 1135.

⁴ Там же. Д. 1065. Л. 19.

⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 208а. Л. 13, 23, 27, 36, 51.

⁶ Там же. Ф. 764. Оп. 1. Д. 94. Л. 40.

⁷ Горн. журн. (Пг.). 1923. № 11. С. 751.

⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1906. Л. 16.

⁹ Шевченковский словарь. Киев, 1977. Т. 2. С. 351.

Дом военного министра в Санкт-Петербурге*

С. Н. Ковалев, В. К. Усанов

Санкт-Петербург – город с уникальной военной историей. Среди главных градопланировочной, социальной, культурной и экономической функций города всегда одно из первых мест занимала функция военная. Она на протяжении веков существенно проявлялась в социальной и культурной жизни города, в формировании системы государственных, губернских и городских органов управления, в закономерностях пространственного и архитектурного развития города.

Можно отметить значительные, определяющие для градостроительных и архитектурных процессов на берегах Невы составляющие этой уникальной функции:

– размещение на протяжении XVIII – начала XX века органов управления российской армии и российского флота;

– размещение в Санкт-Петербурге и пригородной зоне войск всего гвардейского корпуса, многих армейских и гарнизонных полков и подразделений;

– создание в Санкт-Петербурге и в зоне его стратегического влияния крупной базы Балтийского военноморского флота;

– зарождение и развитие в Санкт-Петербурге российской авиации и гидроавиации;

– создание системы учреждений подготовки и переподготовки военных специалистов, офицерских кадров и кадров высшего начальствующего состава;

– создание и размещение в градостроительной системе города уникальных специализированных проектных, проектно-конструкторских организаций и мощных предприятий-изготовителей для российской армии.

До 1874 года военные министры размещались в бывшем доме Лобанова-Ростовского (Исаакиевская пл., 2). С 1 июля 1824 года Военное министерство в этом доме стало арендовать 114 помещений. В 1828 году Николай I полностью выкупил это здание в каз-

Общий вид гостиницы с Садовой улицы

Вид на парадную лестницу

ну для размещения Военного министерства. В нем работали военные министры В. А. Долгоруков (1852–1856), Н. О. Сухозанет (1856–1861).

Однако специального здания для работы и проживания военных министров в Санкт-Петербурге не было, что создавало определенные неудобства в их жизни и службе.

В 1872 году было принято решение построить небольшую резиденцию военного министра.

Здание было решено выстроить на Садовой улице. Одна из самых протяженных в Петербурге (5 километров), Садовая улица с момента ее обустройства стала единственной прямой сухопутной магистралью, соединяв-

* Материалы предоставили П. П. Лаврук, Д. Э. Зарубин (СУ ЛенВО), РГА ВМФ (Ф. 3, Оп. 36, Д. 8835–8845).

шей Невский проспект с пригородной Петергофской дорогой, которая брала начало от устья Фонтанки на западной окраине города.

Происхождение ее названия связывают с выходившими на нее садами Аничкова и Воронцовского дворцов.

Здание дома военного министра на Садовой, 4, является характерным образцом городской архитектуры второй половины XIX века и принадлежит к типу особняков с усадебной застройкой участка.

Проектировал здание известный архитектор, профессор Рудольф Богданович Бернгард, по проектам которого ранее был возведен ряд известных зданий в Санкт-Петербурге: здание петровской полицейской части, в 1859–1861 годах – казармы жандармской дивизии (в романском стиле), в 1866 году – цирк Гинне на Манежной площади, в 1870 году – дом Евангелического госпиталя (в готическом стиле), здания нового газового завода Общества столичного освещения. В 1872 году по поручению Императорской академии художеств он провел исследования трещин в куполе собора Св. Петра в Риме, результаты которых были положены в основу технического решения проблемы.

Проект включал здание дома военного министра, службы и ледник. Он был одобрен военно-инженерной комиссией и утвержден военным министром Милютинным 2 января 1873 года.

В строительстве принял участие военный инженер Покотилов, а в создании внутренней отделки – архитектор О. Г. Гиппиус.

На первом этаже, состоявшем из 35 помещений, находились вестибюль и жилые комнаты военного министра.

Там же размещалась небольшая канцелярия, что позволяло военному министру работать, не выезжая из резиденции.

На втором этаже, состоявшем из 16 помещений, располагались парадные помещения: круглая гостиная, зал, семейная гостиная, комнаты военного министра и мелкие служебные помещения.

В мансарде со стороны двора находились жилые помещения для камердинера и дворецкого.

Первый этаж со вторым связывали парадная и чистая лестницы.

Планировка дома отличалась рациональностью, удобным размещением служебных и жилых помещений.

Холл второго этажа

Охотничий зал (восстановление росписи плафона и экранов под дуб)

Чайный зал

Во всех комнатах были установлены голландские изразцовые печи, а в ряде помещений — камины.

Полы были выложены штучным паркетом, в вестибюле и на лестничных площадках — мозаикой. В подлинном виде они сохранились до наших дней лишь в охотничьем и банкетном залах.

Постройка, предназначенная для размещения дворовых служб, представляла собой одноэтажное здание, в котором находились кухня, конюшня на 12 лошадей, каретная и другие подсобные помещения.

В конце XIX века в связи с участвовавшими случаями террористических актов, направленных против членов царской семьи и высокопоставленных чиновников, жилые помещения семьи военного министра были перенесены на второй этаж.

В 1897 году здание служб было надстроено вторым этажом. На втором этаже разместились помещения для обслуживающего персонала (помощник швейцара, буфетчик, дворник, сторож, прачка, вахтер, буфетный мужик). Там же размещалась и кухня. В дальнем торце здания пристроили два помещения (бетонный ледник и подсобное помещение).

После реконструкции первого этажа в нем дополнительно разместили жилое помещение для кучера и гладильню.

В этом здании жили и работали все военные министры, занимавшие эту должность до 1917 года:

- с 1874 по 1881 год — Д. А. Милютин;
- с 1881 по 1887 год — И. С. Вановский;
- с 1888 по 1904 год — А. Н. Куропаткин;
- с 1904 по 1905 год — В. В. Сахаров;
- с 1905 по 1909 год — А. Ф. Редигер;
- с 1909 по 1915 год — В. А. Сухолинов;
- с 1915 по 1916 год — А. А. Полеванов;
- с сентября по октябрь 1917 года — А. И. Верховский.

После 1917 года резиденция военного министра перешла в ведение Петроградского военного округа и использовалась как служебное здание. В нем до 1925 года размещалось инженерное управление округа.

Розовый зал

Библиотека

Значительный ущерб зданию был нанесен артобстрелами и бомбардировками в годы Великой Отечественной войны. Прямым попаданием снаряда были разрушены плафон парадной лестницы и крыша здания дворовых служб.

В послевоенное время после восстановления и реконструкции в здании была размещена гостиница Военного совета округа. К сожалению, в ходе реконструкции были утрачены художественная роспись стен парадной лестницы и тканевая обивка стен парадных залов второго этажа.

Последние работы по реконструкции дома военного министра (гос-

тиницы Военного совета ЛенВО) были проведены в 1999–2000 годах.

Большое участие в организации работ по реконструкции дома военного министра принял начальник штаба Ленинградского военного округа генерал-полковник Павел Алексеевич Лабутин. Благодаря его ходатайству Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации выделило финансовые средства на проведение работ, которые осуществлялись специалистами строительного управления Ленинградского военного округа.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

★
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ВОЕННО-МОРСКОЙ
АРХИВ

4 ИЮЛЯ 2003 г.
№ 204

188350, г. Гатчина,
Ленинградская обл.,
Красноармейский пр., 2

Главному редактору
журнала «История Петербурга»
доктору исторических наук,
профессору С. Н. Полтораку
г. Санкт-Петербург

Уважаемый Сергей Николаевич!

Центральный военно-морской архив благодарит Вас за публикацию серии статей о Героях Советского Союза и Российской Федерации моряках-подводниках и конструкторах подводных лодок, на которых были совершены подвиги. Опубликованный материал в журнале был подготовлен сотрудниками архива в рамках подготовки к 100-летию подводного кораблестроения в России.

С глубоким уважением
Начальник Центрального военно-морского архива
капитан 1 ранга

И. Шетин

КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

**Михаил Петрович
КИРПОНОС**

09(21).01.1892 — дер. М. Веркиевка, ныне с. Вертневка Нежинского района Черниговской области, Украина — 20.9.1941 — урочище Шумейково около хутора Дрюковщина Ловицкого района, ныне Полтавской области, Украина.
Советский военачальник.

Украинец. Из крестьян. Генерал-полковник (22.02.1941). Герой Советского Союза (21.3.1940, медаль № 91). В РККА с 1918 г. Член Компартии с 1918 г. Окончил Военно-фельдшерскую школу в Козлове (1917), основной факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе (сентябрь 1923 г. — июль 1927 г.).

В службе с 1915 г. В Первую мировую войну — ротный фельдшер 259-го Ольгопольского полка 65-й пехотной дивизии. Председатель солдатского полкового комитета (август—ноябрь 1917 г.), совета 26-го стрелкового

корпуса (ноябрь—декабрь 1917 г.). Воевал на Румынском фронте.

Во время Гражданской войны и военной интервенции в России — один из организаторов партизанских отрядов на Украине, воевавших с германскими войсками, гайдаками, войсками Белого движения. Член военно-революционного штаба Черниговского повстанческого комитета, председатель ревкома Верховного партизанского отряда (1918).

Помощник начальника 1-й Украинской дивизии, председатель Революционного военного трибунала, времен-

но исполняющий должность начальника дивизии, помощник командира 1-й Советской дивизии, 22-го Советского Украинского полка (2-й Богунский) и командир того же полка (сентябрь 1918 г. — июль 1919 г.). Член Стародубского ревкома и комендант города (ноябрь—декабрь 1918 г.). Помощник начальника школы красных командиров в Житомире при 1-й Советской дивизии (июль 1919 г. — май 1920 г.), командир хозяйственной команды, комиссар 2-й Киевской школы червон-

* Продолжение. Начало см. в № 1—4 за 2001 г.; № 1—6 за 2002 г.; № 1—2 за 2003 г.

ных старшин (май 1920 г. — октябрь 1922 г.), помощник начальника школы по политической части, заместитель начальника и комиссар Харьковской школы червонных старшин (октябрь 1922 г. — август 1923 г.).

После окончания академии — стажер командира батальона 130-го Богунского полка, временно исполняющий должность начальника штаба 44-й стрелковой дивизии (июль 1927 г. — май 1929 г.). Помощник начальника штаба (май 1929 г. — январь 1931 г.), начальник штаба (январь 1931 г. — март 1934 г.) 51-й стрелковой дивизии в Одессе.

Начальник и военком Объединенной Татаро-Башкирской военной школы (с марта 1937 г. — Казанское пехотное училище) (март 1934 г. — декабрь 1939 г.).

Командир 70-й стрелковой дивизии (декабрь 1939 г. — март 1940 г.), в составе которой участвовал в советско-финляндской войне (1939—1940).

Дивизия в основном свою задачу выполнила. Ее успехи в значительной степени определились правильным и четким взаимодействием родов оружия, полным использованием боевых средств — от ручных гранат, пулеметов и минометов до артиллерии. В начале марта дивизия, преодолев по льду залив, в ожесточенных боях захватила много населенных пунктов и оседлала дорогу Выборг — Хельсинки. Это в значительной мере определило исход войны.

В Указе Президиума ВС СССР от 21 марта 1940 г. сказано: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Ленина 70-ю стрелковую дивизию».

За умелое руководство действиями соединения и проявленный в боях героизм М. П. Кирпоносу присвоено звание Герой Советского Союза.

Командир 49-го стрелкового корпуса (апрель—июнь 1940 г.).

Командующий войсками Ленинградского военного округа (07.6.1940—14.01.1941).

За время командования округом Кирпонос глубоко осмыслил опыт боев с белофиннами, стремился перестроить боевую и политическую подготовку войск, максимально приближая ее к требованиям войны. Много внимания уделял полевой выучке частей и соединений в условиях, максимально приближенных к боевым, развитию

инициативы и самостоятельности командиров всех степеней.

За его спиной уже было две войны. Исходя из своего опыта, начал перестройку системы обучения и воспитания войск, анализировал с командным составом недавно закончившиеся бои. Недостатков было много. Многие командиры не были подготовлены к «зимней» войне ни морально, ни физически.

«Командиры и штабы, не имея практического опыта, не умели постоянно организовывать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное — не умели командовать», — отмечал в своем выступлении на совещании в декабре 1940 г. нарком обороны С. К. Тимошенко.

Большое значение М. П. Кирпонос придавал укреплению вновь образованной границы с Финляндией. Надо отметить, что он отличался чуткостью и отзывчивостью, пользовался большим уважением среди личного состава округа.

23—31 декабря 1940 г. в Москве проходило совещание высшего руководящего состава РККА, на котором выступил М. П. Кирпонос. Его выступление было признано удачным, он профессионально рассказал участникам о недостатках, тормозивших быстрое и более успешное окончание войны, ответил и на каверзные вопросы. Надо предполагать, что все это послужило причиной назначения его командующим войсками Киевского Особого военного округа.

Командующий войсками Киевского Особого военного округа (14.01—22.6.1941). Через месяц после назначения М. П. Кирпоносу было присвоено звание генерал-полковника.

Г. К. Жуков: «Я был рад, что Киевский Особый военный округ поручается такому достойному командиру. Конечно, у него, как и у многих других, еще не было необходимых знаний и опыта для руководства таким большим приграничным округом, но жизненный опыт, трудолюбие и природная сметка гарантировали, что из Михаила Петровича выработается первоклассный командующий войсками».

С началом Великой Отечественной войны согласно мобилизационному плану округ был перестроен в Юго-Западный фронт. Войска фронта под командованием М. П. Кирпоноса вели тяжелые бои на Правобережной Украине, сочетая оборонительные действия на важных оперативно-стратегических рубежах и направлениях с контрударами.

В условиях глубоких обходов и охватов войсками противника, затем в окружении они вели напряженные бои против превосходящих сил врага.

Трагически погиб при выходе из окружения.

Останки были перенесены в Киев, захоронены там в парке Вечной Славы.

Награжден орденом Ленина (1940), Отечественной войны I ст. посмертно (1965), медалями «XX лет РККА» (1938), «За оборону Киева» посмертно (1963), именным оружием — маузером с надписью: «...стойкому защитнику пролетарской революции от РВС СССР» (1928).

На месте гибели М. П. Кирпоноса, М. А. Бурмистенко, В. И. Тупикова был поставлен памятник.

Комбриг (1935), комдив (1939), генерал-лейтенант (1940).

Сочинения:

70-я ордена Ленина стрелковая дивизия // Бои в Финляндии. Воспоминания участников боев. М., 1941. Ч. II.

Литература:

Андреев Г., Вакуров И. Генерал Кирпонос. Киев, 1976.
 Великая Отечественная война 1941—1945: Воен.-ист. очерки: В 4 кн. М., 1995. Кн. 1.: Суровые испытания. (См. имен. указ.)
 Генерал-полковник М. П. Кирпонос // Воен.-ист. журн. 1982. № 1. С. 94—96.
 Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941—1945): Документы. М., 2000. (См. имен. указ.)
 Гречко А. А. Годы войны. М., 1976. С. 55—59.
 Еременко А. И. В начале войны. М., 1964. С. 332—338.
 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е изд., испр. и доп. по рукописи авт. М., 2002. Т. 2. (См. имен. указ.)
 Жуков Г. К. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. (См. имен. указ.)
 Зимняя война 1939—1940. И. В. Сталин и финская кампания. М., 1998. С. 285—286.
 Кирпонос М. П. Автобиография // Воен.-ист. журн. 1989. № 7. С. 68—71.
 Кирпонос Е. М. Юность полководца // Правда Украины. 1968. 9 янв.
 Лаврук П. П. Во главе округа и фронта. Л., 1988. С. 78—82.
 Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении: Воспоминания командарма. Т. I. М., 1969. (См. имен. указ.)
 Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3-х т. М., 2000. Т. I: Март 1953 — февраль 1956. (См. имен. указ.)
 Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1). С. 228—231; Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). М., 1996 (см. имен. указ.)
 Рязанцев В. Б. Обреченный на подвиг. Трагическая судьба командующего Юго-Западным фронтом генерала М. П. Кирпоноса // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 91—111.

Магия имени

В. Г. Кнорринг

Имя города — это не просто набор произносимых звуков или написанных на бумаге букв. Это, во-первых, памятник истории; во-вторых, предмет повседневного употребления; в-третьих, своего рода произведение искусства, вызывающее определенные эмоции. Посмотрим, как с этих трех точек зрения выглядит переименование Ленинграда в Санкт-Петербург.

Прежде всего — произошло ли «возвращение исторического имени»? При советской власти мы, ленинградцы, гордились тремя именами нашего города.

Это имя как гром и как град:

Петербург, Петроград, Ленинград.

Вспомним, сколько выпускалось значков с этими тремя именами, сколько почтовых конвертов с такими надписями... Вот *эта триада имен и была памятником истории* — той истории, которая закономерно сменила первое имя на второе, а второе — на третье.

И она была варварски разрушена переименованием. По праздничным дням власти, не зная, как нас назвать, лепечут: «петербуржцы, ленинградцы... питерцы...». Действительно — мгновенно вернулся жаргонный «Питер», потому что настоящее имя города, по сути дела, пропало, было утеряно. Народную речь не обманешь, она неопровержимо свидетельствует о том, что город потерял свое гордое имя. Итак, город с тремя именами стал городом без имени.

Далее — насколько удобен «Санкт-Петербург» в качестве повседневного употребляемого слова? Можно однозначно ответить: абсолютно неудобен. Ленинград на всех иностранных языках выглядел на письме так, как слышался; Санкт-Петербург пишется по-разному, да еще некоторые буквы не произносятся. Это надо специально запоминать. Житель и жительница Ленинграда назывались совершенно определенно: ленинградец, ленинградка. Парой к «санкт-петербуржцу» почему-то оказывается то «санкт-петербуржка», то «санкт-петербурженка»; и неизвестно, какой из этих двух вариантов труднее произнести.

Ленинград хорошо позволял образовывать сокращенные слова: Ленсовет, Ленэнерго, ЛЭТИ, ЛИАП, и т.д.,

вплоть до «Ленвеста». Многие еще помнят веселую студенческую пьесу Гиндина, Рябкина и Рыжова с музыкой молодого Колкера «Весна в ЛЭТИ». Если бы сейчас в том же вузе появились авторы такой же одаренности (чего, скорее всего, не произойдет), могла бы появиться пьеса «Весна в СПбГЭТУ»? Да ни за что на свете!

Послереволюционная реформа правописания ликвидировала твердый знак в конце слов и другие лишние буквы, что, между прочим, дало экономию бумаги и типографской краски. Кто-нибудь считал, сколько лишней краски уже ушло и продолжает уходить на печатание одних только «СПб.» вместо «Л.» в списках литературных источников учебников и монографий?

А языколомное сочетание звуков «нкп», за которым следуют еще и «рб» и «рг»? Кто осмелится сказать, что это удобно в повседневном пользовании?

Наконец, самое главное и самое таинственное. Это сложно объяснить, но это факт: Ленинград воспринимался ленинградцами, да и не только ими, как нечто родное и близкое. Не счастье песен и стихов, в которых это зафиксировано. «Ленинград мой, милый брат мой...»; «Доброй ночи, родной Ленинград...». Список можно продолжать без конца; можно добавить к нему стихотворения для детей: «Как я рад, как я рад, что поеду в Ленинград...»; можно вспомнить и знаменитые строки Джамбула «Ленинградцы, дети мои!». Даже ленинградский дождь приносил радость: «Вижу родные и мокрые лица...». А уж ленинградские номера автомобилей после разлуки с городом как воспринимались! А присловье военного времени «братцы-ленинградцы»?

Помню, как нас, эвакуированных ленинградцев, встречали в 1941 году в Магнитогорске. Две одинокие женщины, занимавшие по комнате в двухкомнатной квартире, без единой жалобы переехали в одну комнату, уступив нашей семье другую и прекрасно уживаясь с нами в небольшой общей кухне. Ведь мы были ленинградцами!

Ленинград был городом ученых, инженеров, артистов. «Мой город — строитель, мой город — солдат...». Ленинградский характер, ленинградс-

кий стиль, ленинградская культура, ленинградское качество — все это не требовало пояснений. Ленинград *никогда ничего не просил*, но всегда отдавал, даже во время блокады работал, производя оружие — и не только его!

А Санкт-Петербург? Сколько уже времени клянчит звание какой-нибудь столицы — хоть культурной, хоть пивной, какой угодно. А какая же это культурная столица, если молодежь рядами усаживается на спинки садовых скамеек, ставя ноги на сиденья? Если водители не обращают ни малейшего внимания не только на «зебры» со стоящими на них пешеходами, но порой и на светофоры? Если вам на входе в метро влепят со всего размаха дверь в лицо? Нет, подай этому Санкт-Петербургу звание столичного города!

Санкт-Петербург — город чиновников и торговцев. У Пушкина: «Встает купец, идет разносчик...». У Некрасова: «Государь мой, куда вы спешите? — В канцелярию, что за вопрос?»

Действительно, что за вопрос, если дело происходит в Санкт-Петербурге? Попытки написать песню о Петербурге приводят только к жеманным воздыханиям: «Ах... ах... ах... ах... ах, этот бал в Петербурге...». Петербургские бандиты, петербургские трущобы, петербургские нищие — вот подходящие сочетания слов. Назвать Санкт-Петербург братом невозможно; вот «Черный пес Петербург» почему-то звучит нормально.

Ленинград всегда шел вперед. Переименование в Санкт-Петербург стало крупнейшим и позорнейшим отступлением города за всю его историю. Конечно, значительная часть вины здесь лежала на Собчаке, для которого наш город был чужим, но ведь и коренные ленинградцы не встали стеной и позволили совершиться этому отступлению!

Что за магия заключена в имени Ленинград, и почему оно звучит светло и радостно, в то время как Санкт-Петербург пахнет не то стеариновыми свечками, не то плесенью, — может быть, скажут лингвисты? Вряд ли причина просто в том, что в имени Ленинград все согласные звонкие, а в Санкт-Петербурге слышится некоторое бурчание. Но факт наличия этой магии невозможно отрицать.

О железных дорогах Петербурга и не только о них*

Уже почти 50 лет в Белоруссии живет и трудится ленинградец Олег Тихонович Авдеев. Он не только оператор-постановщик, художник и человек, влюбленный в нашу историю.

Несколько месяцев назад Олег Тихонович прислал в редакцию журнала «История Петербурга» свой замечательный труд – альбом почти 150 его художественных произведений, посвященных истории Царскосельской, Николаевской и Белорусской железных дорог.

Этот альбом – не просто подборка рисунков, выполненных рукой большого мастера. Это своеобразное научное исследование, с документальной точностью и знанием дела повествующее о первых годах развития железнодорожного транспорта в России. Конечно, Петербургу и его пригородам – Царскому Селу, Павловску в книге отводится значительное место.

Обращает на себя внимание не только увлеченность автора темой своего исследования, творчества. О. Т. Авдеев сумел увидеть в начальной истории железнодорожного

транспорта мощный импульс культурного развития Петербурга, его влияние на духовный мир петербуржцев, на их повседневную жизнь.

Описанное автором достойно вдумчивого осмысления современниками, в том числе специалистами. Подавая пример другим, я с удовольствием использовал фрагменты этой замечательной работы в своей статье, посвященной петербургскому транспорту и опубликованной в этом номере журнала.

В своем письме Олегу Тихоновичу я сообщил, что наша редакция находится в одном из зданий Санкт-Петербургского государственного политехнического университета – бывшего Политехнического института. Ответное письмо меня, как историка, очень порадовало. Вот несколько строк из него.

«Я очень хорошо представляю себе район, где находится ваш институт. До войны я жил на Парголовской улице и ходил в школу № 1, которая находилась почти рядом с Политехническим институтом. Это было прекрасное здание, которое возвышалось белым айсбергом среди сосен и деревянных домов дачного типа. Здание школы было заложено в 1927 г. в честь 10-летия Ок-

тября «по американскому образцу», как тогда говорили, с прекрасными классами, различными залами и кабинетами. А мимо пробегали трамваи № 9 и № 25. В 1934 г. появились огромные по тем временам «американские» трамвайные вагоны. Их можно увидеть в фильме Ч. Чаплина «Новые времена» во вступительных кадрах, снятых в Чикаго.

Их начали изготавливать по инициативе С. М. Кирова, чтобы «решить транспортную проблему в Ленинграде». Первые трамваи были окрашены в бежевый цвет, но вскоре их перекрасили в традиционный тогда красный.

Так случилось, что после окончания ВГИКа в 1955 г. (а это был период так называемого «малокартиньяс, и не было работы на «Ленфильме») я был приглашен на «Беларусьфильм» и почти сразу – на самостоятельную работу в качестве оператора-постановщика. И так остался в Белоруссии. Эта страна приютила многих ленинградцев, которые каждый год встречаются вместе в Доме ветеранов в Минске.

Со своей родиной я не порывал все эти годы, здесь живут мои родные и близкие. Среди них Андрей Толубеев, известный актер, – он приходится мне племянником...

Поэтому очень хотелось бы, чтобы альбом, над которым я работал целый ряд лет, не «застрял» бы здесь, а стал бы моим скромным подарком родному городу. И позвольте поздравить вас с юбилеем Петербурга.

*С искренним уважением
Олег Авдеев».*

Редакция журнала «История Петербурга» сердечно поздравляет Олега Тихоновича с выпуском замечательного альбома и надеется, что издание будет по достоинству оценено читателями и чиновниками МПС, а также администрацией Санкт-Петербурга.

Поверьте, альбом О. Т. Авдеева того стоит.

**Профессор С. Н. Полторак,
главный редактор журнала
«История Петербурга»**

В белые ночи. Худ. О. Т. Авдеев

* Авдеев О. Т. Первые железные дороги России. Минск: Харвест, 2002. 144 с. 3000 экз.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е. Э. КЕЛЛЕР И А. Э. КЕЛЛЕР

«Петербург — морская столица России»

С. Н. Иконникова

Альбом А. Э. Келлер и Е. Э. Келлер «Петербург — морская столица России», который вышел в свет к юбилею города, посвящен истории крупнейшего города-порта в хронологических рамках XVIII — начала XX века, то есть от рождения Петербурга и Балтийского флота до 200-летия города. В книге представлен широкий спектр тем, которые, казалось бы, на первый взгляд, принадлежат разным областям знаний. Однако именно они и создают целостную картину, определяющую статус Петербурга как морской столицы России, и выявляют особенности культуры уникального города. О нашем городе написано множество научных монографий и статей, замечательных произведений в прозе и в стихах, но в таком ракурсе северная столица предстает впервые.

Авторы книги погружают читателя в атмосферу Петербурга, в котором начинают строиться первые русские корабли и складывается вся инфраструктура крупного морского города-порта. На страницах альбома постепенно изменяется облик города вместе с качественным изменением состава русского флота — от гребных и парусных до паровых броненосных кораблей. Наряду с техническим прогрессом, показаны социокультурные процессы — появление в молодой российской столице морских храмов, морских музеев и библиотек, специализированных средств массовой информации, общественных объединений — морского офицерского собрания и кают-компаний.

Весь текст пронизывает идея взаимовлияния и взаимопроникновения морских традиций и традиций города. На этом фоне предстает созвездие блестящих имен петербуржцев, которые прославили отечественный флот и судостроение. Авторы приводят отрывки из дневников и мемуаров, в которых отражены морские обычаи, рассказы о том, как было принято себя вести в морском обществе, чем занимались балтийские моряки во время

досуга, что читали, чему учились, над чем смеялись и как шутили, какой была атмосфера в петербургских морских училищах, что придает некую романтическую окраску. Авторам удалось сделать текст книги информативно насыщенным и увлекательным.

Каждая глава являет собой отдельную картину из жизни морского города, которая оказывается как бы в раме. Этим своеобразным обрамлением становятся морские праздники и церемонии, парады и блестящие императорские смотры флота, пышные торжества по поводу морских викторий и юбилеев. Такое композиционное построение «работает» на поддержание имперской идеи и столичного статуса города. С другой стороны, Петербург с первых лет своего существования строился, одерживал победы и одновременно отмечал эти события, которые возводились в ранг государственной значимости. На площадях и берегах Невы город веселился и радовался собственным победам над стихиями и топким финским проливами. Такое построение текста необычно и в то же время вполне обоснованно.

Сюжетной композиции соответствует дизайнерское решение, идея которого также принадлежит авторам книги. Смысл изящного совмещения видовых и информативных иллюстраций заключается в том, что два ключевых направления в сюжете — город и флот — зрительно разворачиваются на фоне панорамы Петербурга и тем самым выводят тему города на первый план. Большинство иллюстраций принадлежит известному петербургскому коллекционеру Н. П. Шмитту-Фогелевичу, среди которых не только живопись и графика, но и старинные открытки. Некоторые иллюстрации довольно редкие, уникальные, печатаются впервые, и в этом особая привлекательность иллюстративного материала. Такое художественное решение придает альбому дополнительный

смысл сувенирного коллекционного издания.

Авторы книги акцентируют морскую составляющую в культуре нашего города не случайно. Поэтичность образа Северной Венеции неразрывно связана с морскими ветрами, реками и каналами, с кораблями на Неве и морскими в элегантной морской форме — людьми, которые совершали кругосветные плавания и создавали произведения искусства, сражались за Петербург и творили культуру прекрасного города.

Сегодня к своему юбилею город обновил фасады, тротуары, отремонтировал мосты, восстановил старинные фонари, возвел памятники, верфи спустили на воду новые корабли. В палитре городских праздников — от карнавалов до ночных шоу, салютов, фейерверков и шествий судов и яхт по Неве — по-прежнему главным персонажем остается необыкновенно прекрасный Петербург, которому посвящен и юбилейный альбом «Петербург — морская столица России».

Книга содержит множество любопытных фактов и подробностей, обстоятельный научный аппарат, несомненно ее художественные достоинства, и, что особенно приятно, она пронизана трогательным отношением к городу, к его истории и традициям. Это серьезная творческая работа петербургских авторов и достойный подарок городу и горожанам к юбилею Петербурга. Несомненно, что круг заинтересованных читателей будет довольно широким, начиная от молодых людей, увлеченных романтикой морского города, до специалистов, для которых новые факты и подробности в истории Петербурга представляют профессиональный интерес, и до всех петербуржцев, которые любят свой родной город, интересуются его историей, осознают уникальную петербургскую культуру как национальное достояние и пытаются сохранять традиции великого города.

Воинствующая некомпетентность

М. И. Фролов, А. И. Бурлаков

Ленинградская эпопея вошла в историю как явление уникальное и давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. За минувшее десятилетие героическим защитникам Невской твердыни, блокаде Ленинграда посвящено множество научных исследований, обширные историко-документальные публикации, воспоминания современников — свидетельства людей, переживших блокаду. Оборона Ленинграда отражена в публицистике, повестях и рассказах. Однако история битвы за Ленинград является поистине неисчерпаемой темой. Она настолько разнообразна, многогранна, масштабна и многопланова, что многие ее стороны, сюжеты остаются белыми пятнами. До настоящего времени нет полной и ясной картины пережитого участниками этих грандиозных по трагичности и подвигу событий.

Отсюда огромный интерес к публикациям, дополняющим одну из самых героических и трагических страниц не только Великой Отечественной и Второй мировой войны, но и всей мировой истории. Безусловно, если эти работы основываются на новых архивных документах, не обнаруженных еще воспоминаниях людей, переживших страшное время голодно-холодной блокады, на осмыслении исследований зарубежных историков, особенно не переведенных еще на русский язык.

В № 5 журнала «История Петербурга» за 2002 год опубликована статья В. И. Носикова «...Была ли необходимой продолжительность блокады в 900 дней», в которой, как пишет автор, высказываются «обобщающие соображения, касающиеся основных этапов Ленинградской блокады...»¹.

К сожалению, статья написана лишь на основе опубликованных ранее мемуаров наших крупных военачальников, к тому же односторонне проанализированных. Это не могло уберечь автора от ряда ошибочных утверждений, а главное — от совершенно необоснованного, научно не аргументированного вывода о том, что «кому-то из высшего руководства

страны хотелось продлить полную блокаду Ленинграда»², а точнее, как следует из всего содержания статьи, И. В. Сталину.

Подчеркнем, автор справедливо замечает, что «для абсолютной достоверности» предположений и выводов, сделанных в статье, «требуются более глубокие труды ученых-историков, социологов и публицистов по этой теме на основе не только мемуарных материалов, но и архивных документов того времени»³.

Возникает вопрос, а почему же В. И. Носиков не использовал документы, хранящиеся в архивах нашего города, а также ни одной из работ историков, посвященных этой проблеме, изданных в 90-е годы⁴, многочисленные статьи, опубликованные в сборниках и материалах международных, российских и межрегиональных конференций, прошедших в Санкт-Петербурге в последние годы? Мы видим два возможных ответа на этот вопрос: либо это произошло по некомпетентности, либо сознательно, так как выводы автора, предположения, а нередко и просто домыслы не подтверждаются архивными материалами, исследованиями известных ученых.

Рассмотрим подробнее так называемые аргументы и выводы В. И. Носикова.

Во-первых, тезис о том, что «якобы столь длительная блокада в течение 2,5 лет была необходима для отвлечения сил противника в качестве «вклада» в общую победу над врагом...»⁵, выдуман автором. Никто из ученых-историков в таком контексте блокаду не представлял. Блокада города на Неве не являлась необходимостью. Она явилась суровой военной реальностью, следствием крайне неудачного для СССР начала войны, крупных поражений Красной армии в первые месяцы войны. Несомненно, военно-политическое руководство СССР и лично И. В. Сталин виноваты в том, что, готовя страну к отпору агрессора, они в своих прогнозах не учитывали возможность блокады Ленинграда. Угроза Ленинграду с юго-запада командованием Ленинградского

военного округа в расчет не принималась. Оно исходило из соображений, что с этого направления Ленинград надежно прикрыт войсками Прибалтийского военного округа. Все предвоенные командующие войсками округа не брали в расчет ситуацию, при которой противник мог пройти от Восточной Пруссии более 750 км и подойти к городу с юго-запада. Пожалуй, единственный, кто пытался кое-что предусмотреть, был П. Е. Дыбенко, командовавший округом в 1937–1938 годах. В то время проводились даже специальные учения. Но в целом в округе не проводились сколько-нибудь значительные оборонительные мероприятия для защиты Ленинграда с юго-запада. Да, это ошибка, это просчет советского командования, но не злой умысел, как пытается убедить читателя автор статьи.

Необходимостью была не блокада, а оборона Ленинграда. Ибо, взяв Ленинград, немцы неизбежно овладевали Балтийским флотом и получали возможность беспрепятственно использовать морские коммуникации со скандинавскими странами.

Результатом сдачи Ленинграда явилось бы объединение войск вермахта с финской армией. Эти объединенные силы получали бы возможность вырваться на оперативный простор в районе Ладожского озера. Такой прорыв в направлении Вологды и далее мог привести к нарушению железнодорожной связи между Мурманском и страной и к блокировке перевозок из Архангельска и Мурманска.

С падением Ленинграда немецкие войска получили бы беспрепятственный выход на просторы севера страны, и они были бы брошены на Москву с севера, что изменило бы всю стратегическую обстановку на советско-германском фронте. Нелишне привести оценку складывавшегося положения, данную Г. К. Жуковым. «Для нас потеря Ленинграда во всех отношениях, — писал он, — была бы серьезным осложнением стратегической обстановки. В случае захвата города врагом и соединения здесь германских и финских войск

нам пришлось бы создать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом стратегические резервы, которые готовила ставка для защиты столицы»⁶.

Наконец, германское командование преследовало не только военные и экономические цели. Гитлер разъяснял генералам, что со взятием Ленинграда «дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа»⁷.

Таким образом, Ленинград являлся первоочередным важнейшим объектом на направлении главного стратегического удара немецко-фашистской армии. От устойчивости его обороны в значительной мере зависели ход войны и возможность нашей победы над врагом.

Это хорошо понимало советское руководство. Только за первые 10 недель войны Ленинград и область послали в армию и на фронт 659 020 человек рядового и сержантского состава⁸. За короткий срок была сформирована армия народного ополчения, численность которой достигала 160 000 человек. Сотни тысяч ленинградцев вышли на строительство оборонительных сооружений. Несмотря на крайне ограниченные тогда возможности, Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) выделила из своего резерва и направила в июле–августе 1941 года на защиту Ленинграда 265, 268, 272 и 291-ю стрелковые дивизии⁹.

Ставка ВГК внимательно следила за ходом боевых действий на Ленинградском направлении. В августе, после падения Новгорода, И. В. Сталин и Б. М. Шапошников выразили большую озабоченность положением на этом направлении. Они предупредили К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова, что «если немцы будут иметь успех в этом направлении, то это будет означать обход Ленинграда с востока, перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов».

25 августа группа армий «Север» прорвала оборону наших войск в районе Чудова и стала развивать наступление главными силами вдоль дороги Чудово–Любань и частью сил на Кириши. Это вызвало бурную реакцию И. В. Сталина. 29 августа он запрашивает В. М. Молотова и Г. М. Маленкова, находившихся тогда в Ле-

нинграде: «Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо... Что делают Попов и Ворошилов? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования»¹⁰. Чуть позже было принято решение послать на Ленинградский фронт Г. К. Жукова, наделив его самыми широкими полномочиями. Таккова истина о подлинных целях И. В. Сталина, СВГК в отношении защиты Ленинграда»¹¹.

Как ни странно, но даже направление Г. К. Жукова в Ленинград В. И. Носиков использует для недобросовестных домыслов. Мы читаем: «Сталин преследовал две безошибочные для него цели: если Жуков не сможет организовать в этих условиях оборону города и его придется сдать, то всю вину можно возложить на Жукова и тем самым охладить его “заносчивость” (?!), а все ленинградцы в будущем получат клеймо “бывшие в оккупации”, что лишит их активности; если же оборона города все же будет организована, то в неподготовленном городе блокада истребит коренное население Ленинграда...» (С. 89).

Что касается направления Г. К. Жукова в Ленинград, то мы признаемся, что, несмотря на многолетние изучения отечественной и зарубежной литературы о битве за Ленинград, блокаде города, нигде не встречали подобных утверждений. Более того, все известные исследователи Ленинградской эпопеи отмечают исключительно правильное решение о направлении Жукова в Ленинград, что в значительной степени обеспечило несдачу города. Не хотелось бы, но ведь можно продолжить логику подобных извращений истины и заявлять, что Сталин и под Москву вызвал Жукова с подобными намерениями.

Что касается утверждения о желании уничтожить ленинградцев в блокаде, то можно со всей ответственностью заявить, что подобной чудовищной клеветы на Советское руководство нет ни в одних из мемуаров Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. А. Мерецкова, С. М. Штеменко и других, на которые ссылается в своей статье В. И. Носиков. Добавим от себя: и не могло быть, ибо оно от начала до конца надуманно.

Во-вторых, автор утверждает, что и руководители страны как будто не думали о дальнейшем существовании

населения города или не собирались его защищать (с. 85). При этом он ссылается на отмеченный в мемуарах Г. К. Жукова факт обсуждения подобного вопроса на военном совете под руководством Жданова и Ворошилова 10 сентября 1941 года. Прежде всего отметим, что Жуков писал, что на том заседании совета рассматривались меры, которые следовало провести в случае невозможности (подчеркнуто нами) удержать город¹². Каждому ясно: намерение не защищать и невозможность удержать город – совершенно разные понятия. Последнее связано с тем, что нужно предпринять, если противнику все же удастся прорваться в город. К тому же, и это главное, Носиков обрывает воспоминания Жукова на самом главном месте. Г. К. Жуков далее пишет: «Всю ночь с 10 на 11 сентября мы обсуждали с А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым, адмиралом И. С. Исаковым, начальником штаба и некоторыми командующими родов войск фронта обстановку и дополнительные меры по обороне (выделено нами. – Авт.) Ленинграда»¹³. И эти меры, довольно подробно изложенные в воспоминаниях Жукова, привели в конечном итоге к срыву планов германского командования овладеть Ленинградом.

Носиков приводит и другой аргумент: о возможном намерении сдать город свидетельствовало то, что ни «перед войной, ни в первые 2,5 месяца войны не предпринималось действенных мер по увеличению запасов продовольствия и топлива в городе» (с. 85).

Действительно, до войны Ленинград являлся своеобразной перевалочной продовольственной базой. Ежедневно в город возилось множество продовольственного сырья и вывозились готовые пищевые изделия. Сколько-нибудь значительных запасов на складах не имелось. Ленинград, как говорится, снабжался с «колес». На 22 июня 1941 года запасы на ленинградских базах составляли: муки и зерна на 52 дня, круп на 89 дней, мяса на 38 дней, масла животного на 47 дней, масла растительного на 29 дней¹⁴. Это были обычные нормы текущего запаса. В мирное время они постоянно пополнялись подвозом продовольствия. В обстановке начавшейся войны эта задача осложнилась. Тем не менее утверждение Носикова, что в первые 2,5 месяца войны не предпринималось действенных мер по увеличению запасов продовольствия (с. 85), не отвечает дей-

ствительности. За июль и август в Ленинград было завезено из Ярославской и Калининской областей, латвийских и эстонских портов 66 922 тонны зерна, 15 397 тонн муки и 3000 тонн крупы. Много ли это? Потребность города в муке составляла 1000 тонн в сутки. Больше город принять не мог из-за отсутствия складских помещений. И в дальнейшем предпринимались экстренные меры для пополнения запасов продовольствия. 30 августа 1941 года ГКО принял постановление №-604 «О транспортировке грузов для Ленинграда». Оно положило начало мероприятиям по созданию Дороги жизни. К сожалению, в ноябре 1941 года – феврале 1942 года эти меры не смогли кардинально изменить сложившееся положение, но они никак не свидетельствуют о намерении Сталина уморить ленинградцев голодом.

В-третьих, автор статьи утверждает, что в течение первых полгода Ставка ничего не сделала для освобождения Ленинграда от блокады. И даже после победы под Москвой на Ленинградский фронт не было выделено ни одной армии: «Вопрос о снятии блокады Ленинграда в зимнюю наступательную кампанию 1941 года в планах Ставки не предусматривался... невольно возникает предположение, что подобная блокада Ленинграда была нужна кому-то из руководства страны» (с. 85). В этих утверждениях что ни слово, то неправда, что ни предложение, то яркое свидетельство либо некомпетентности, либо злого умысла.

К сведению В. И. Носикова, заметим, что первая попытка деблокировать Ленинград была предпринята в период с 10 (на второй день начала блокады) по 25 сентября 1941 года. С этой целью ставка перебросила в район Волхова сформированную в августе – сентябре 1941 года на базе Московского военного округа 54-ю армию в составе четырех стрелковых дивизий, кавалерийской дивизии, танковой бригады, отдельного танкового батальона, ряда артиллерийских, авиационных и других частей. Замысел Ставки состоял в том, чтобы встречными ударами 54-й армии с востока и соединений Ленинградского фронта с запада прорвать блокадное кольцо в районе Шлиссельбурга – Синявинского выступа. Ставка предполагала, что в условиях, когда основные силы группы армий «Север» предпринимали штурм Ленинграда с юга и юго-запада, а соединения не-

мецко-фашистских войск, замкнувших кольцо блокады, не успели создать разветвленную систему обороны, этих сил будет достаточно для деблокады города. К сожалению, в условиях продолжавшегося штурма города Г. К. Жуков смог выделить для встречного удара только одну стрелковую дивизию и бригаду морской пехоты. Из-за недостатка сил советские войска не смогли выполнить задачу по деблокаде Ленинграда. Отрицательно сказалась на результатах операции и нерешительность в действиях командующего 54-й армией Г. И. Кулика. Больших сил для деблокады города Ставка в то время не имела, так как в тот период проходили кровопролитнейшее Смоленское сражение (10 июля – 10 сентября 1941 года) и Киевская оборонительная операция (7 июля – 26 сентября 1941 года).

Несмотря на это, 20 октября 1941 года, в разгар оборонительного сражения за Москву, по указанию Ставки была предпринята вторая попытка деблокады Ленинграда. Замысел ставки был таков: ударом 54-й армии с востока и Невской оперативной группы и 55-й армии с запада в общем направлении на Синявино окружить и уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника. Для решения этой задачи предполагалось привлечь до восьми стрелковых дивизий, не меньше 100 танков КВ, основную массу крупнокалиберной артиллерии, всю реактивную артиллерию, всю бомбардировочную и штурмовую авиацию фронта, а также необходимое количество самолетов Краснознаменного Балтийского флота¹⁵. Однако осуществить это наступление не удалось, так как немецкие войска упредили войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление на тихвинском направлении. Обстановка резко изменилась.

Ставка была вынуждена задействовать все силы, выделенные для деблокады, на проведение Тихвинской оборонительной (16 октября – 18 ноября 1941 года), а затем и наступательной (10 ноября – 30 декабря 1941 года) операций. Для их проведения Ставка выделила из своего резерва три и из резерва Северо-Западного фронта одну стрелковые дивизии и новгородскую армейскую группу. В результате этих операций советские войска сорвали вражеский план создания второго кольца окружения Ленинграда, соединения немецких и финских войск на рубеже реки Свири, освободили от не-

мецко-фашистских захватчиков значительную территорию Ленинградской области, обеспечили восстановление сквозного движения железнодорожного транспорта до станции Войбокало. А это имело решающее значение для создания и функционирования фронтовой коммуникации (Дороги жизни) с пропускной способностью 2000 тонн в сутки, что позволило в 1942 году дважды, 24 января и 11 февраля, повысить нормы выдачи продуктов ленинградцам. И зря Носиков с некоторой иронией пишет о значении Дороги жизни, обозначая ее название с маленькой буквы.

По нашему мнению, значение Тихвинской оборонительной и наступательной операций еще полностью не оценено. Речь шла, по существу, о жизни и смерти ленинградцев. В ноябре 1941 года Ленинград стоял на грани продовольственной катастрофы. Общая калорийность пищи блокадников с 20 ноября упала до 707 калорий в сутки¹⁶. При получении 1300 калорий средняя продолжительность жизни взрослого человека составляет около месяца. Получается, что в течение месяца население города было обречено на поголовное вымирание. Это рассчитал и немецкий профессор Цигельмайер, руководивший Мюнхенским пищевым институтом, а во время войны – заместитель интенданта германской армии. Как раз это имел в виду Геббельс, когда записал в своем дневнике 10 сентября 1941 года: «Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом». Господин Носиков, какая идеальная возможность представлялась Сталину уморить, по вашей версии, всех ленинградцев голодом. А Ставка ВГК бросила на срыв плана немцев полностью изолировать Ленинград 20 дивизий и четыре бригады. Напомним, что это было время самых напряженных боев за столицу нашей Родины.

Эти факты истории битвы за Ленинград, о которых автор статьи умалчивает, свидетельствуют о необоснованности его домыслов о том, что снятие блокады Ленинграда не входило в планы Ставки.

Об этом свидетельствуют и факты подготовки и замысла Любанской операции, которую автор оценивает с «завидной» некомпетентностью. Эта операция готовилась с учетом успехов контрнаступления под Москвой и Тихвинской наступательной опера-

ции. Целью ее было не взятие станции Любань, как утверждает и исходит из этого оценивает действия Ставки автор. Замысел операции был определен в директиве Ставки от 17 декабря 1941 года. Он состоял в следующем: 2-я ударная армия, 59, 54-я и 4-я армии Волховского фронта с рубежа реки Волхов, 52-я армия Ленфронта из района Погостья наступали в общем направлении на Любань с целью **окружения и уничтожения любанской группировки войск противника**.

В этом состояла ближайшая задача операции. Конечная же цель заключалась в том, чтобы выйти в тыл немецко-фашистских войск, блокировавших Ленинград, окружить, пленить и истребить войска группы армий «Север». Другими словами, замысел операции предусматривал полную ликвидацию блокады Ленинграда зимой 1942 года.

Таким образом, вывод Носикова о том, что в планах Ставки ВГК вопрос о снятии блокады Ленинграда зимой 1942 года не предусматривался, не соответствует исторической правде. Именно зимой 1942 года, в период с 7 января по 30 апреля, была предпринята одна из самых мощных попыток деблокады Ленинграда. Она осуществлялась не «измотанными силами Волховского фронта», как утверждает автор. Волховский фронт был создан 17 декабря 1941 года в связи с подготовкой этой операции. В его состав были включены четыре армии из левого крыла Ленинградского фронта и две **из резерва Ставки**. В их числе были 59-я армия, сформированная в декабре 1941 года в Сибирском военном округе, и 2-я Ударная армия, сформированная за счет стрелковых соединений резерва СВГК, прибывших из Воронежа, Ворошиловграда, Саратовской и Чкаловской областей.

Ставка пошла на проведение этой операции, учитывая тяжелейшее положение в осажденном городе. Неудача этой операции явилась следствием ряда просчетов оперативного характера: недооценки сил противника, слабого прогнозирования возможных контрдействий врага, поспешного назначения сроков начала операции и их переноса, что привело к утрате внезапности, недостаточного авиационного прикрытия и др., но никоим образом не является свидетельством нежелания Сталина деблокировать Ленинград. О намерениях Сталина свидетельствует его письмо К. А. Мерещкову в конце декабря 1941 года:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим делом освобождения Ленинграда, сами понимаете — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а слилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление в единый и мощный удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков».

Таким образом, «предположение» Носикова о том, что «Любанская операция имела отвлекательное значение и призвана была создать видимость принятия крупных военных усилий по освобождению Ленинграда» от блокады, является домыслом, который опровергается фактами реальной истории битвы за Ленинград.

Приведенные факты убедительно опровергают утверждения автора, что «на Ленинградский фронт не было выделено ни одной армии из резерва ставки» (с. 85). Автор, вероятно, имеет в виду период с сентября 1941 года по январь 1942 года. На самом деле в тот период под Ленинград было направлено из резерва Ставки три армии — 54, 59-я и 2-я ударная. Кроме того, как указывалось выше, значительные силы были выделены Ставкой из своего резерва для проведения Тихвинской наступательной операции. Непосредственно в Ленинград в первую блокадную зиму по Дороге жизни были переправлены с полным вооружением шесть стрелковых дивизий и танковая бригада. Автор умалчивает еще об одной попытке деблокады Ленинграда, которая была предпринята в августе — октябре 1942 года. Она вошла в историю как Синявинская наступательная операция 1942 года. Операция проводилась силами 55-й армии, Невской оперативной группы, десантами моряков Ленинградского фронта, 8-й и 2-й ударными армиями Волховского фронта при содействии сил Балтийского флота и Ладожской военной флотилии. Она преследовала цель разгромить ударную группировку немцев, созданную для очередного штурма Ленинграда (операция «Нордлихт»), и далее встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов разгромить мгинско-синявинскую группировку немцев и восстановить сухопутную связь со страной, то есть прорвать блокадное кольцо.

В ходе ожесточенных боев первая задача была выполнена, вторую,

к сожалению, выполнить не удалось. Сил фронтов оказалось недостаточно. А Ставка дополнительных резервов выделить не могла, так как в то время судьба войны решалась на южном крыле советско-германского фронта, под Сталинградом. Тем не менее та операция является еще одним свидетельством того, что Верховное Главнокомандование в течение 1941—1942 годов постоянно предпринимало попытки деблокады Ленинграда.

Некомпетентность В. И. Носикова проявляется при анализе и оценке итогов операции «Искра». Он критикует Ставку ВГК за то, что в ее планах на зиму 1943 года предусматривался только прорыв блокады, а не ее снятие. По мнению Носикова, «в феврале — марте 43-го года можно было освободить ленинградцев от мученической блокады...» (с. 87). На наш взгляд, этот вывод автора базируется на следующих ошибочных оценках: во-первых, это недооценка ожесточенности боевых действий при прорыве блокады. В статье отмечается, что «несмотря на сравнительно небольшие силы, войска Волховского и Ленинградского фронтов... сумели всего за семь суток боев пробить коридор в уже мощно укрепленном за прошедший год блокадном кольце и установить сухопутную связь с городом, и немцы не смогли этому воспрепятствовать» (с. 88). Это легковесное суждение имеет целью подвести читателя к выводу, что не такой уж сложной была задача ликвидации блокады. Но это не соответствует действительности. Мгинско-синявинский выступ был превращен противником в глубоко эшелонированный укрепленный район. Его обороняли пять немецких дивизий, четыре дивизии противник имел в оперативном резерве. Замысел операции был определен в директиве Ставки ВГК от 8 декабря 1942 года. Он предусматривал встречными ударами войск Волховского и Ленинградского фронтов разгромить шлиссельбургско-синявинскую группировку немцев, к исходу января 1943 года закрепиться на линии р. Мойки, пос. Михайловский, Тортолово, тем самым обеспечить коммуникации Ленинградского фронта, а в первой половине февраля провести операцию по разгрому противника в районе Мги и по очищению Кировской железной дороги. Для проведения операции были выделены три полнокровные общевойсковые армии, усиленные за счет резервов и перегруппировки сил фронтов. В декабре для

усиления Волховского фронта из резерва ставки прибыли пять стрелковых дивизий, одна инженерно-саперная бригада, три лыжные бригады, четыре аэросанных батальона, были вновь сформированы четыре зенитные артиллерийские дивизии, 10 минометных полков, два полка реактивной артиллерии. Операцию обеспечивали 13-я и 14-я воздушные армии, авиация и артиллерия Балтийского флота и Ладжской военной флотилии, авиация дальнего действия. На Ленинградском фронте для проведения операции была сформирована 67-я армия. В результате советские войска превосходили противника по пехоте в 4,5 раза, по артиллерии — более чем в 6 раз, по танкам — в 10 раз, по самолетам — в 2 раза¹⁷. Это не небольшие силы! Мы видим, что для обеспечения прорыва блокады были привлечены значительные силы, причем ударные группировки были усилены за счет резервов Ставки.

Действительно, пробить брешь в блокадном кольце 67-й армии Ленфронта и 2-й ударной армии Волховского фронта удалось за семь суток, с 12 по 18 января 1943 года, но это были семь суток ожесточенных кровопролитных боев, продолжавшихся днем и ночью. Но на этом операция «Искра» не завершилась. С 18 по 30 января 67-я и 2-я армии пытались наступать на юг, чтобы выйти на рубеж реки Мойки и расширить тем самым коридор прорыва до 18 км. Но этого сделать не удалось. Противник с 19 по 30 января подтянул в район боевых действий пять свежих дивизий, в том числе одну танковую, большое количество артиллерии. 30 января 2-я ударная армия и 67-я армия вынуждены были перейти к жесткой обороне. Попытка возобновить наступление с целью расширения коридора в феврале 1943 года тоже к существенным результатам не привела. Тем не менее прорыв блокады для ленинградцев имел огромное значение, о чем автор статьи пишет с большой долей скептицизма. А ведь в результате восстановления сухопутной коммуникации Ленинграда со страной ленинградцы с 22 февраля 1943 года стали снабжаться продовольствием по общесоюзным нормам.

Не основано на всестороннем анализе реальной обстановки мнение автора о том, что Ставка без ущерба для общей военной ситуации могла после завершения Сталинградской битвы перебросить войска Донского фронта под Ленинград, а не в район

северо-западнее Курска. Автор правильно отмечает, что к февралю была освобождена большая часть Воронежской и Курской областей, 8 февраля войска Воронежского фронта освободили Курск, а 16 февраля — Харьков. Но он умалчивает о том, что борьба за стратегическую инициативу на этом не закончилась. 19 февраля 1943 года противник нанес мощный контрудар по ослабленным в боях войскам юго-западного фронта, вынудив его к отступлению. 4 марта 4-я танковая армия немцев нанесла удар по левому крылу Воронежского фронта. 16 марта 1943 года немцы вновь захватили Харьков, а 18 марта — Белгород. Войска Центрального (ранее — Донского) фронта вынуждены были принять участие в боях, чтобы стабилизировать обстановку на этом участке фронта. В дальнейшем войска Центрального фронта сыграли решающую роль в Курской битве.

Все это свидетельствует о том, что утверждение Носикова: «...операцию по снятию блокады Ленинграда можно было провести значительно раньше, без особого ущерба для других фронтов» (с. 88) не подтверждается фактами реальной истории.

Нельзя согласиться и с таким мнением автора: «Весь 1943 год наши войска вели успешные наступательные действия... войска уже приближались к нашим западным границам, уже целых два Прибалтийских фронта продвигались к Прибалтике... Только линия фронта, блокирующая Ленинград, все еще оставалась на первоначальном месте» (с. 87). Здесь что ни предложение, то натяжка. Во-первых, в феврале—марте 1943 года, как уже отмечалось, советские войска вынуждены были не только обороняться, но и отступать, а с 5 по 12 июля — провести стратегическую оборонительную операцию на Курском выступе. Во-вторых, утверждение автора о том, что в 1943 году наши войска уже приближались к западным границам СССР, не соответствует действительности. Носиков явно перепутал 1943 с 1944 годом. Не соответствует исторической правде и утверждение, что в 1943 году два Прибалтийских фронта уже продвигались к Прибалтике. 1-й и 2-й Прибалтийские фронты были созданы 20 октября 1943 года. В ноябре, когда уже шла подготовка операции по ликвидации блокады Ленинграда, они участвовали в наступлении на витебско-полоцком направлении. 2-й Прибалтийский

фронт в январе—феврале 1944 года участвовал в Ленинградско-Новгородской операции, то есть в операции по ликвидации блокады. И только в конце лета 1944 года они действительно приблизились к Прибалтике.

В-четвертых, ошибочно большинство суждений автора, так или иначе связанных с проблемой блокады Ленинграда. Например, свидетельством его некомпетентности стало заявление, что «даже по прошествии 50 лет, никаких потуг (!) для установления истинного количества погибших от блокады не предпринимается» (с. 89). Мягко говоря, это читать просто странно. Еще в 1965 году В. М. Ковальчук и Г. Л. Соболев пришли к выводу, не считая его окончательным, что в Ленинграде в период блокады от голода умерло не менее 800 000 человек¹⁸. Эта цифра была приведена в пятом томе «Очерков истории Ленинграда»¹⁹. Ее счел обоснованной Г. К. Жуков в статье «Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории»²⁰, в которой он приводит цифру 800 000 человек.

В конце 90-х годов прошлого века — начале XXI века вышли работы В. М. Ковальчука, М. И. Фролова, С. Б. Бизева, А. Р. Дзенискевича²¹, всесторонне рассматривающих проблему смертности в блокированном Ленинграде. Эта тема неоднократно обсуждалась на многих научных конференциях по проблемам битвы за Ленинград, блокады. По их материалам изданы сборники статей. Обратим внимание читателей на одно обстоятельство. В вышедших в последнее время работах историков, основанных на методологии анализа движения населения города, на данных домовых книг и социологических исследований, анализе материалов Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, ранее не опубликованных документов, все чаще число погибших от голода в городе определяется в пределах 700 000—800 000, а не в 1,5–2 млн. человек. Бесспорно, авторы не претендуют на совершенно точное установление числа жертв голодной блокады. Это сделать практически невозможно, вопреки мнению Носикова, что установление такой цифры «не могло вызвать особых затруднений» (с. 89). Только комплексное рассмотрение потерь среди населения области, оказавшегося в осажденном городе, публикации данных о числе военнослужащих,

умерших в госпиталях Ленинграда и захороненных в его земле, позволят в полной мере осветить трагедию населения осажденного Ленинграда. Отметим лишь, что пока в электронном банке данных число занесенных фамилий людей, умерших в период блокады, меньше указанных в этой статье.

Совершенно некорректно, на наш взгляд, сравнение числа погибших жителей города и погибших военнослужащих. Только в боях на дальних и ближних северных и юго-западных подступах к Ленинграду, в Тихвинской наступательной операции, при прорыве и снятии блокады Ленинграда советские войска потеряли не менее 960 000 человек, в том числе около 410 000 убитыми. А ведь были еще четыре попытки прорыва блокады Ленинграда, Тихвинская оборонительная операция, потери наших войск, находившихся в кольце блокады. Кстати, среди потерь почти 20% — тоже умершие от голода. Дорогой ценой заплатили советские войска за окончательную победу под Ленинградом.

К сожалению, почти каждый пункт статьи Носикова содержит либо фактические неточности (не 8-я, а 18-я немецкая армия осадила Ленинград), либо ошибочные суждения. Поэтому хотелось бы посоветовать автору, прежде чем формулировать оценки и выводы по крупным проблемам исторической науки, знакомиться с опубликованными работами ученых-профессионалов, а еще лучше — с архивными документами. Иначе дилетантизм неизбежен.

Каждый ищущий истину в историческом прошлом нашего государства, безусловно, имеет полное право на свою точку зрения. Никто не может претендовать на абсолютную истину, чего не делаем и мы. Вряд ли мы взяли бы за перо, если бы имели дело лишь с высказываниями человека, делающего выводы на основе своего понимания прочитанного. Написать статью нас побудило иное. Сообщению В. И. Носикова предшествует своего рода представление — он один

из победителей конкурса «Я пишу о Петербурге». Тем самым как бы дается аванс на научность его изысканий. Мы не берем под сомнение компетентность комиссии, подводившей итоги конкурса, выскажем лишь одно пожелание. Когда речь идет не просто о какой-то новой находке, не просто о новом видении тех или иных граней или сторон события, а о суждениях по коренным фундаментальным проблемам, к тому же заведомо политизированным, то не мешало бы провести экспертизу, привлекая ученых-историков, работающих в вузах и НИИ города. Что касается битвы за Ленинград, то в Петербурге есть такие общественные научные организации, как Академия военно-исторических наук, Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград, объединяющие известных не только в нашей стране исследователей этой проблемы. Их помощь помогла бы, на наш взгляд, дать более точную оценку работы В. И. Носикова.

¹ Носиков В. И. ... Была ли необходимой продолжительность блокады в 900 дней // История Петербурга. 2002. № 5 (9). С. 85.

² Носиков В. И. Указ. соч. С. 86.

³ Там же. С. 89.

⁴ Соболев Г. Л. Собирались ли Сталин сдавать Ленинград // Ленингр. панорама. 1991. № 6; Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941–1944. СПб., 1994; Дзенискевич А. Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998; Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов. СПб., 1995; Фролов М. И. Адольф Гитлер: «Ядовитое гнездо Петербург... должен исчезнуть с лица земли» // Воен.-ист. журн. 2001. № 9 и др.

⁵ Носиков В. И. Указ. соч. С. 88.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1979. Т. 1. С. 350.

⁷ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 207, 217.

⁸ Сувениров О. Ф. Поклонимся и мертвым и живым // Воен.-ист. журн. 1994. № 1. С. 2–3.

⁹ История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1971. С. 216.

¹⁰ Цит. по: Ленинград в борьбе месяц за месяцем. С. 35, 38.

¹¹ См. подробнее: Соболев Г. Л. Указ. соч.

¹² Жуков Г. К. Указ. соч. М., 1990. Т. 2. С. 162.

¹³ Там же. С. 162–163.

¹⁴ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. М., 1959. С. 127.

¹⁵ Барбашин И. П. и др. Битва за Ленинград. М., 1964. С. 103.

¹⁶ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 151–152.

¹⁷ Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 574.

¹⁸ Ковальчук В. М., Соболев Г. Л. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопр. истории. 1965. № 12. С. 191–197.

¹⁹ Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. Т. 5. С. 692.

²⁰ Коммунист. 1970. № 1.

²¹ Ковальчук В. М. Трагические цифры блокады // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998; Фролов М. И. В блокадном Ленинграде умереть должны были все // Воен.-ист. журн. 2000. № 6; его же. К вопросу о числе погибших в блокаде: (По материалам домовых книг) // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001; Бизев С. Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; Дзенискевич А. Р. Блокада и политика. СПб., 1998 и др.

Дорогие друзья!

Продолжаем викторину «Из истории Санкт-Петербурга», начатую в первом номере этого года. Вашему вниманию предлагаются вопросы третьего тура. Впереди – еще два тура. Желаем успехов всем читателям – участникам викторины. Напоминаем, что в последнем номере «Истории Петербурга» 2003 года редакция подведет итог викторины. Победителя ожидает приз – бесплатная подписка на наш журнал на 2004 год.

Редколлегия

ВИКТОРИНА

«Из истории Санкт-Петербурга»

ВОПРОСЫ ТРЕТЬЕГО ТУРА – «РЕКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

1. Сколько в настоящее время на территории Санкт-Петербурга насчитывается рек, речек, протоков и каналов?
2. Длина этой реки в пределах нашего города – 32 км.
3. Сколько небольших речек впадает в Неву в черте города? Назовите их.
4. Через какую реку с 1806 по 1840 год были возведены мосты с «цветными» названиями: Красный, Синий, Желтый и Зеленый?
5. А эта речка подпитывала пруды Таврического сада водой бассейнов Лиговского канала.
6. Через какую реку в 1785–1788 годах были построены семь красивых разводных мостов с башнями и цепями?
7. Финское название этой реки – Корпийоки.
8. Речка (засыпанная впоследствии), протекавшая в районе Большого Сампсониевского проспекта – улицы Смольячкова.
9. Как раньше называлась речка Таракановка?
10. Как гласит легенда, в низовьях этой реки возле одной из деревянных банек на особой скамье в старину провинившихся так били батогами и розгами, что кожа начинала лупиться. Другое название этой реки – от имени мельника, жившего в ее верховьях.

Сведения об авторах

БУРЛАКОВ А. И. — кандидат исторических наук, доцент.

ГАНКИНА Груня Исааковна — профессор кафедры камерного ансамбля Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

ИКОННИКОВА Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

КАЛЁНОВ Павел Александрович — офицер Вооруженных сил РФ.

КНОРРИНГ Вадим Глебович — читатель журнала.

КОВАЛЕВ Сергей Николаевич — кандидат исторических наук.

КОНОВАЛОВА С. В. — искусствовед, главный редактор газеты «Литейный округ».

ЛЕЙКИН Николай Александрович (1841–1906) — писатель.

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович — военный историк.

МАТВЕЕВ Николай Петрович — врач-офтальмолог (ВИТУ, г. Пушкин)

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

НАРЫШКИНА Наталья Андреевна — доктор искусствоведения, профессор кафедры лингвистики, литературы и культуры Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ОФЕНГЕЙМ Антонина Тарасовна — преподаватель истории и культуры Санкт-Петербурга.

ПАВЛОВ Владимир Егорович — доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения.

ПАЦИНСКАЯ Ирина Олеговна — историк, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Петергоф».

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

ПОНОМАРЕВ Игорь Алексеевич — исследователь.

САВЕЛЬЕВ Юрий Ростиславович — кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник НИИ теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук.

ТОРКАНОВСКАЯ Джемма Анатольевна — читательница журнала.

УСАНОВ В. К. — исследователь.

ФЕДИНА Алла Ивановна — кандидат культурологии, доцент Кубанского социально-экономического института.

ФОКИН Михаил Михайлович — сотрудник Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

ФРОЛОВ М. И. — доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина.

ШАТУНОВСКИЙ С. В. — председатель Муниципального совета МО «Литейный округ».

ШУРАНОВ Николай Павлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Кемеровского государственного университета.

История Петербурга журнал

№ 3 (13) 2003

Корректор *Т. В. Королева*

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е. А. Тальянова*

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 15.08.2003. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1—1000) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ №